This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

K
91
3
2
UC-NRLF
$B 81 708

— Да 1. —

К 15/101

Yrem

THE LIBRARY
OF
THE UNIVERSITY
OF CALIFORNIA

IN MEMORY OF
PROFESSOR
ROBERT J. KERNER
1887–1956

Is there a V. 1?

No

BIBLIOTECA

R. J. Kerner

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЯ

БЕСѢДЫ

Пог 2 + 50

о

ВНѢШНЕЙ ПОЛИТИКѢ РОССІИ.

С. С. ТАТИЩЕВА.

№ 1206 1902 г.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

1890.

Спб. Пог. Ок.
24 Апр 99
Библиотека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1898

Printed in USSR
(Russia)

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

Внѣшняя политика Императора Николая I. Введеніе въ исторію внѣшнихъ сношеній Россіи въ эпоху Севастопольской войны.

Рекомендовано министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ старшаго возраста библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

Императоръ Николай и Иностранные Дворы. Историческіе очерки.

Изъ Прошлаго Русской Дипломатіи. Историческія изслѣдованія и полемическія статьи.

Дипломатическія бесѣды о внѣшней политикѣ Россіи. Годъ первый, 1889.

Alexandre I et Napoléon, d'après leur correspondance inédite, 1801—1812.

Біографія Императора Александра II въ I томѣ Русскаго Біографическаго Словаря, издаваемаго Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ.

GIFT

DK 241
T3
v.2

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Вмѣсто предисловія V

I. Парижъ, 20 декабря 1889 г. (1 января 1890 г.) 1

Внутреннее усиленіе Россіи.—Иностранныя державы.—Тройственный союзъ.—Приступленіе къ нему Англіи.—Положеніе дѣлъ во Франціи.—Востокъ: Румынія, Сербія, Греція, Турція, Болгарія, Персія, Китай, Японія, Индія.—Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и Бразилія. — Созерцательная политика русской дипломатіи.—Русская правда и задачи внѣшней политики Россіи.—Отношенія Россіи: къ Швеціи, Германіи, Австро-Венгріи, Италіи, Англіи.—Необходимость гласнаго союза съ Франціей.—Мирное его значеніе.—Призваніе Россіи на Востокѣ.

II. С.-Петербургъ, 20 января (1 февраля) 1890 г. 26

Миролюбивыя заявленія Россіи и Франціи.—Согласіе ихъ.—Попытки ихъ разсорить.—Тяготѣніе Франціи къ Россіи.—Поводы къ недоразумѣніямъ: Критъ, Абиссинія, Египетъ, Болгарія. — Дружественное къ Россіи расположеніе французскаго правительства.—Брошура полковника Стоффеля.—Политика г. Спюллера.—Монархисты и буланжисты.—Русская дипломатія.—Россія и Франція одинаково нуждаются другъ въ другѣ. — Выжидательная на Западѣ — русская политика должна быть дѣятельною на Востокѣ.—«Journal de S.-Pétersbourg» и «Le Nord». — Положеніе, занятое Императорскимъ кабинетомъ въ вопросахъ египетскомъ, абиссинскомъ, критскомъ и болгарскомъ.

III. С.-Петербургъ, 23 февраля (7 марта) 1890 г. 41

Международная конференція по рабочему вопросу въ Берлинѣ.—Разногласіе между императоромъ Вильгельмомъ II и княземъ Бисмаркомъ.—Участіе Франціи въ Берлинскомъ съѣздѣ.—Оппозиціонныя партіи во Франціи.—«Инцидентъ» герцога Орлеанскаго.—Венгерскія дѣла: Андраши и Тисса вовлекаютъ Австро-Венгрію въ

стр.

тѣсный союзъ съ Германіей. — Захватъ Босніи и Герцеговины.— Восточная политика вѣнскаго двора.

IV. С.-Петербургъ, 20 марта (1 апрѣля) 1890 г. 53

Удаленіе отъ дѣлъ князя Бисмарка.—Обзоръ его государственной дѣятельности.—Характеристика его.—Двойная цѣль его политики: утвержденіе королевской власти въ Пруссіи; объединеніе Германіи подъ главенствомъ Гогенцоллерновъ.—Политическіе пріемы Бисмарка.—Отношенія его къ Россіи.—Послѣдствія ихъ.—Пробужденіе и развитіе русскаго самосознанія.—Заслуги Бисмарка предъ Германіей. — Наслѣдіе Бисмарка — «чертверной» союзъ. — Девизъ русской политики: долгъ и правда. — Брошура г. Викерсгеймера: «Франко-русскій союзъ».—Доводы его въ пользу письменнаго союзнаго договора.—Новое министерство во Франціи: кабинетъ Фрейсинэ-Рибо.—Болгарія.

V. Парижъ, 19 апрѣля (1 мая) 1890 г. 68

Международная манифестація рабочихъ.—Западный соціализмъ чуждъ русской жизни.—Дипломатическіе предразсудки.—Безучастіе Россіи къ соціальному движенію на Западѣ.—Соціализмъ въ Германіи, Австро-Венгріи, Италіи, Испаніи, Нидерландахъ, Бельгіи, Швеціи, Норвегіи и Англіи. — Соціалистическія партіи во Франціи.—Національная ихъ окраска.

VI. Тейфенбахъ, въ Штиріи, 20 мая (1 іюня) 1890 г. 77

Открытіе нѣмецкаго рейхстага.—Значеніе миролюбивыхъ заявленій императора Вильгельма II.—Новыя вооруженія Германіи.—Успокоительныя рѣчи канцлера Каприви.—Рѣчь, произнесенная въ Бордо президентомъ французской палаты депутатовъ.—Возрожденіе Франціи путемъ распространенія народнаго образованія и пріумноженія вооруженныхъ силъ.—Внутреннее замиреніе.—Брошура г. Дрейфуса: «Необходимая война». — Брошура г. Ціона: «Россія и Франція».— Ошибки и промахи автора. — Ожесточенныя нападки на русскую дипломатію.—Истинное положеніе русскаго дѣла во Франціи.—Благотворная дѣятельность посла въ Парижѣ, барона Моренгейма.— Внутреннее положеніе Болгаріи.—Несостоятельность «выжидательной» политики въ примѣненіи къ этой странѣ.—Догматъ дипломатической непогрѣшности.

VII. Тейфенбахъ, въ Штиріи, 19 іюня (1 іюля) 1890 г. 92

Разладъ между Вильгельмомъ II и княземъ Бисмаркомъ.—Разномысліе по вопросамъ конституціонному и рабочему.—Различіе во взглядѣ на внѣшнія дѣла.—Иныя средства для достиженія тѣхъ же цѣлей.—Усиленныя вооруженія державъ-участницъ тройственнаго союза.—Приступленіе къ нему Англія видоизмѣняетъ его значеніе.—Стремленіе германскаго племени къ преобладанію во вселенной.—Естественные союзники Россіи: Франція, второстепенныя державы Запада и православныя государства Востока.—Нормальныя отношенія Россіи и Европы къ христіанскимъ народностямъ Балканскаго полуострова.—Россія и Австро-Венгрія въ отношеніяхъ

стр.

своихъ къ Сербіи и Болгаріи.—Несогласуемость народныхъ стремленій болгаръ съ цѣлями «четверного» союза. — Восточный вопросъ.

VIII. Парижъ, 20 іюля (1 августа) 1890 г. 107

Англо-нѣмецкое соглашеніе по дѣламъ Африки и уступка Гельголанда Германіи. — Отношенія Россіи къ Даніи. — Зундъ и Босфоръ.—Поѣздка Вильгельма II въ Норвегію, Бельгію и Англію.—Признаки разлада между Австро-Венгріей и Италіей.—Назначеніе болгарскихъ епископовъ въ Македонію.—Русская политика въ Болгаріи и въ Сербіи.

IX. С.-Петербургъ, 20 августа (1 сентября) 1890 г. 123

Посѣщеніе русскаго двора императоромъ германскимъ.—Отношенія Германіи къ Россіи. — Генералъ Швейницъ и М. Н. Катковъ.—Дружественное расположеніе Франціи къ Россіи.—Гласный оборонительный договоръ Россіи съ Франціей—надежнѣйшій залогъ мира и спокойствія вселенной.—Восточный вопросъ и его рѣшеніе въ русскомъ смыслѣ.—Единство православнаго міра.—Болгарія.

X. С.-Петербургъ, 19 сентября (1 октября) 1890 г. 140

Отмѣна предупредительнаго и карательнаго закона противъ соціалъ-демократовъ въ Германіи. — Неудача нѣмецкихъ попытокъ разъединить Россію и Францію.—Происхожденіе австро-германскаго союза.—Причины приступленія къ нему Италіи.—Заискиваніе г. Криспи предъ французами.—Вѣрность Франціи русской дружбѣ.—Единомысліе всѣхъ французскихъ политическихъ партій въ этомъ вопросѣ.—Г. Спюллеръ и его дѣятельность, какъ министра иностранныхъ дѣлъ.—Объясненіе поѣздки автора въ Болгарію.

XI. Парижъ, 20 октября (1 ноября) 1890 г. 151

Конгресъ нѣмецкихъ соціалистовъ въ Галле.—Девяностолѣтняя годовщина графа Мольтке.—Торговыя отношенія Франціи къ Германіи.—Внутреннее умиротвореніе Франціи. – Устойчивость министерства.—Личный его составъ: Фрейсинэ, Рувье, Констанъ, Рибо.—Притязанія Италіи на Триполи.—Предстоящіе выборы въ итальянскую палату депутатовъ. — Перемѣна министерства въ Греціи. — Столкновеніе Порты со вселенскимъ патріархомъ.

XII. Парижъ, 20 ноября (1 декабря) 1890 г. 164

Открытіе докторомъ Кохомъ цѣлебнаго средства противъ чахотки и монополизація его прусскимъ правительствомъ.—Своекорыстіе—отличительная черта нѣмецкой политики.—Бесѣды Бисмарка съ княземъ Горчаковымъ наканунѣ послѣдней Восточной войны.—Воцареніе королевы Вильгельмины въ Нидерландахъ и бывшаго герцога Нассаускаго въ Луксембургѣ. — Посягательство Германіи на Голландію и Луксембургъ.— Торіи и виги въ Англіи. — Процессъ О'Ши и вызванный имъ разрывъ Гладстона съ Парнеллемъ.—Упроченіе министерства Салисбюри.—Условія соглашенія Англіи съ Россіей.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

J'ai fait ce que j'ai pu; j'ai servi, j'ai veillé,
Et j'ai vu bien souvent qu'on riait de ma peine.
Je me suis étonné d'être un objet de haine
Ayant beaucoup souffert et beaucoup travaillé.
Victor Hugo, les Contemplations.

Восемь лѣтъ тому назадъ я издалъ отдѣльною книгою, подъ заглавіемъ: «Дипломатическія бесѣды о внѣшней политикѣ Россіи», политическія обозрѣнія, помѣщенныя мною въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1889 годъ. Отдѣлъ этотъ я продолжалъ вести въ томъ же журналѣ, съ небольшими перерывами, вплоть до начала нынѣшняго года, и теперь выпускаю вторую книгу подъ прежнимъ же заглавіемъ, обнимающую событія, совершившіяся въ области международной политики въ 1890 году.

Событія эти—та позавчерашняя исторія, которой всего менѣе отводится мѣста въ текущей исторической литературѣ, но изученіе коей совершенно необходимо для вѣрнаго уразумѣнія смысла и значенія современныхъ явленій. Они-то и составляютъ соединительное звено между настоящимъ и болѣе отдаленнымъ прошлымъ, звено, безъ котораго распадается цѣпь временъ, прерывается связь причинъ съ послѣдствіями.

Возстановленіе въ памяти русскаго общества этихъ недавнихъ событій въ той самой обстановкѣ, при которой они совершались, является, такимъ образомъ, примѣненіемъ къ дѣлу глубокаго моего убѣжденія въ томъ, что исторія должна служить повѣркою политики, какъ вычитаніе—повѣрка сложенія.

Конечно, историческаго опыта еще недостаточно для выработки положительной политической программы. Но если исторія не въ состояніи указать, что именно нужно сдѣлать въ политикѣ, то все же она ясно и точно обозначаетъ, чего дѣ-

лать не надо. Сколькихъ заблужденій и увлеченій, ошибокъ и промаховъ избѣжали бы политическіе дѣятели, если бы въ дѣйствіяхъ своихъ принимали въ соображеніе указанія опыта и самыя сужденія свои основывали бы не на отвлеченномъ умозрѣніи, а на нелицепріятныхъ урокахъ исторіи!

Предлагаемая книга исполнитъ свое назначеніе, если посодѣйствуетъ усвоенію этого взгляда русскою дипломатіею и примѣненію его ко внѣшней политикѣ нашего отечества. Изъ нея читатели узнаютъ, что уже въ 1890 году въ русской политической литературѣ намѣчались и обсуждались въ историческомъ освѣщеніи жгучіе вопросы, къ которымъ отрицательно относилось большинство дипломатовъ той эпохи, но мудрое и властное разрѣшеніе которыхъ въ духѣ родной исторіи, въ теченіе пяти послѣднихъ лѣтъ благословеннаго царствованія Императора Александра III, по личному произволенію Незабвеннаго Государя, возвысило политическій вѣсъ и значеніе Россіи въ мірѣ и утвердило могущество ея на незыблемой основѣ народнаго самосознанія.

Дѣятели мысли и слова не имѣютъ у насъ, въ Россіи, притязанія влiять на рѣшенія государственной власти въ дѣлахъ какъ внѣшней, такъ и внутренней политики, но освѣщать путь, по которому движется власть, тщательнымъ изученіемъ и выясненіемъ сущности дѣла—драгоцѣнное право, дарованное имъ Самодержавнымъ Законодателемъ, болѣе того—священный ихъ долгъ передъ Престоломъ и родиной. И что можетъ быть утѣшительнѣе для независимаго русскаго писателя, какъ видѣть осуществленіе въ дѣйствительности задушевныхъ его убѣжденій, завѣтныхъ мыслей, мечты его на пользу и славу Россіи?

Я счастливъ тѣмъ, что и на мою долю выпало это отрадное чувство, и что не даромъ пропалъ мой посильный трудъ на скромномъ поприщѣ историческаго изслѣдованія.

С. Татищевъ.

С.-Петербургъ,
28-го февраля (12-го марта) 1898 г.

I.

Парижъ, 20 декабря 1889 г. (1 января 1890 г.).

Внутреннее усиленіе Россіи.—Иностранныя державы.—Тройственный союзъ.—Приступленіе къ нему Англіи.—Положеніе дѣлъ во Франціи.—Востокъ: Румынія, Сербія, Греція, Турція, Болгарія, Персія, Китай, Японія, Индія. — Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и Бразилія.—Созерцательная политика русской дипломатіи.—Русская правда и задачи внѣшней политики Россіи.—Отношенія Россіи: къ Швеціи, Германіи, Австро-Венгріи, Италіи, Англіи. — Необходимость гласнаго союза съ Франціей. — Мирное его значеніе. — Призваніе Россіи на Востокѣ.

«Во всегдашнее время, политика и цѣль мудрыхъ, простыхъ, благотворительныхъ, равно и злыхъ государей была та, чтобы увеличивать силы свои на счетъ сосѣдей: вѣрный и единственный способъ держать въ страхѣ сильныхъ и охранять малыхъ... На что же въ подобныхъ обстоятельствахъ Россія, бывъ Геркулесомъ, дѣлается боязливымъ ребенкомъ? На что оставаться ей безгласною, когда она словами своими повелѣть и въ трепетъ всѣхъ привести можетъ? Дѣла, мысли и виды Вашего Императорскаго Величества слишкомъ извѣстны, но толкованія о нихъ разныя: языки, взгляды и пантомимы ядовитыхъ чужестранцевъ-министровъ, пресмыкающихся придворныхъ и нѣкоторыхъ близкихъ къ особѣ Вашей находятъ все совершенно, безподобно и безсмертно; но въ умахъ отдаленныхъ, безпристрастно и безъ страха судящихъ ихъ,—не довольно дѣла...»

Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ Императору Павлу I, 2 (13) октября 1800 года.

Пока православный міръ доживаетъ послѣдніе дни отходящаго въ вѣчность года, опередившій насъ на двѣнадцать сутокъ Западъ вступаетъ въ новонародившееся лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девятидесятое, завершающее предпослѣднее десятилѣтіе XIX вѣка.

На рубежѣ наступающаго года мы не станемъ перечислять всѣхъ памятныхъ событій, совершившихся въ продолженіе года минувшаго, но, сравнивъ настоящее положеніе Европы съ тѣмъ, въ которомъ находилась она годъ назадъ, постараемся выяснить и опредѣлить, въ какой мѣрѣ и въ какомъ смыслѣ видоизмѣнились въ этотъ промежутокъ времени международныя отношенія Россіи, пріумножились или умалились ея силы, возросли или понизились политическій вѣсъ и значеніе?

Могущество государства обусловливается причинами двоякаго рода: оно находится въ прямой зависимости отъ правильнаго и непрерывнаго развитія внутреннихъ силъ, но косвенно вліяютъ на него и обстоятельства внѣшнія, слагающіяся самопроизвольно, за предѣлами страны. Изъ сего несомнѣнно слѣдуетъ, что пріумноженіе внутренней крѣпости можетъ до извѣстной степени сопровождаться ослабленіемъ внѣшняго положенія великой державы, если политическія сочетанія вокругъ нея сложились неблагопріятнымъ для нея образомъ, если, напримѣръ, потерпѣли ея друзья и усилились враги, если число послѣднихъ возросло и перевѣсило первыхъ, если доброжелатели въ разбродѣ, а противники, напротивъ, сплотились и условились дѣйствовать энергично и сообща. Международная мощь—понятіе крайне относительное, и усиленіе сосѣда уже само по себѣ равносильно собственному нашему ослабленію.

Въ первомъ отношеніи, мы имѣемъ полное основаніе быть довольными и счастливыми утвержденіемъ нашего внутренняго государственнаго строя, какъ вѣрнѣйшаго и надежнѣйшаго залога величія и благополучія родины. За истекшій годъ твердость и послѣдовательность, съ которыми правительство примѣняло усвоенныя имъ историческія начала къ разнообразнымъ явленіямъ нашей общественной жизни, дали обильные и блестящіе плоды. Строгій и образцовый порядокъ, введенный въ управленіе финансами, не только поднялъ кредитъ государства, но и возвысилъ значительно уровень народнаго благосостоянія. Онъ же доставилъ возможность удовлетворить насущнымъ государственнымъ нуждамъ и въ первомъ ихъ ряду вызванному всеобщимъ усиленнымъ вооруженіемъ въ Европѣ пріумноженію боевыхъ средствъ русской арміи и русскаго флота. Мѣры, принятыя на нашихъ окраинахъ въ видахъ полнаго органическаго сліянія ихъ съ Россіею, устранили одну изъ печальнѣйшихъ причинъ нашей политической дряблости и неустойчивости, грозившихъ намъ въ этомъ чисто домашнемъ вопросѣ серьезными внѣшними усложненіями. Наконецъ, проявляющееся все съ бо́льшею

силою единомысліе всѣхъ русскихъ людей въ воззрѣніяхъ ихъ на существеннѣйшія стороны нашего самосознанія довершаетъ духовное объединеніе русскаго общества и обращаетъ его въ крѣпкій и неодолимый оплотъ государственнаго единства, цѣлости и безопасности дорогого отечества.

Оглянемся же теперь на современное состояніе вселенной и посмотримъ, какія измѣненія минувшій годъ внесъ съ соотношенія державъ большихъ и малыхъ между собою и, въ частности, съ Россіею?

Тѣснѣе прежняго сплотились три средне-европейскіе двора: берлинскій, вѣнскій и римскій. Увѣренія въ личной дружбѣ и въ союзнической вѣрности, коими обмѣнялись съ Вильгельмомъ II посѣтившіе его въ германской столицѣ король Гумбертъ и императоръ Францъ-Іосифъ, были подтверждены при свиданіяхъ въ Монцѣ и Инсбрукѣ. Въ свою очередь, графъ Кальноки и г. Криспи не только безпрекословно подчиняются внушеніямъ нѣмецкаго канцлера, но сами обращаются къ нему за наставленіями и указаніями. Отсюда замѣчательное единство въ направленіи и въ дѣйствіяхъ союзниковъ, полное согласіе между ними по всѣмъ внѣшнимъ вопросамъ въ Европѣ и въ другихъ частяхъ свѣта. Одинъ умъ руководитъ политикою трехъ державъ, одна воля распоряжается ихъ силами.

Тройственный союзъ не только скрѣпилъ узы, связывавшія его участниковъ, но и разросся въ союзъ четверной, вслѣдствіе приступленія лондонскаго двора къ такъ называемой «Лигѣ мира». Событіе это не подлежитъ болѣе сомнѣнію. Оно состоялось весною, во время поѣздки въ Англію императора германскаго, если только не предшествовало ей. Было бы непростительнымъ малодушіемъ съ нашей стороны не признать громаднаго значенія этого явленія, въ смыслѣ усиленія боевыхъ средствъ помянутой Лиги на сушѣ и въ особенности на морѣ. Замѣтимъ, что содѣйствіе британскаго флота едва ли вызывается потребностями обороны средне-европейскихъ государствъ; за то, оно является неоцѣнимымъ для споспѣшествованія ихъ наступительнымъ замысламъ.

Таковы именно цѣли, предположенныя сообща Германіею, Австро-Венгріею, Италіею и Великобританіею. Въ основѣ ихъ соглашенія лежитъ намѣреніе соединенными силами разрѣшить вѣковой Восточный вопросъ въ свою исключительную пользу, устранивъ Россію и Францію отъ всякаго участія въ дѣлежѣ оттоманскаго наслѣдства. Миръ или война зависитъ отъ бо́льшей или меньшей покла-

дистости этихъ двухъ государствъ, расположенныхъ на противоположныхъ окраинахъ Европы и разъединенныхъ между собою, едва ли не болѣе чѣмъ обширнымъ пространствомъ, цѣлымъ рядомъ политическихъ недоразумѣній, историческихъ заблужденій, закоренѣлыхъ предразсудковъ дипломатической метафизики. Вздумаютъ ли они воспротивиться своему обездоленію—ихъ постараются обуздать угрозою, а если и это не поможетъ, то разгромятъ, буде возможно, по одиночкѣ, одно вслѣдъ за другимъ, всѣми средствами препятствуя ихъ сближенію; смирятся ли они и останутся равнодушными зрителями готовящихся захватовъ — и задуманное порабощеніе Востока совершится мирными способами, то есть путемъ хозяйственнаго закабаленія балканскихъ государствъ, какъ христіанскихъ, такъ и мусульманскихъ, за которымъ не замедлитъ, конечно, послѣдовать и подчиненіе политическое. Мы не можемъ угадать, какимъ образомъ подѣлятъ добычу заговорщики Лиги мира, какая часть выпадетъ на долю каждаго изъ нихъ, но мы хорошо знаемъ, что своекорыстіе и любостяженіе суть единственныя побужденія ихъ политики. Мы знаемъ также, что успѣхъ ихъ воровского предпріятія былъ бы чувствительнѣйшимъ пораженіемъ, нанесеннымъ Россіи въ ея священныхъ историческихъ завѣтахъ, равно какъ и въ насущныхъ политическихъ потребностяхъ.

Вотъ почему насъ до поры до времени ищутъ успокоить, усыпить сладкорѣчивыми завѣреніями самаго миролюбиваго свойства.— «Не тревожьтесь по-напрасному»—нашептываютъ намъ въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ, въ Лондонѣ и въ Римѣ, — «союзъ четырехъ державъ ни мало не враждебенъ Россіи. Вступленіе въ него Англіи угрожаетъ-де одной Франціи, и то лишь въ Средиземномъ морѣ. У него нѣтъ ни малѣйшихъ вожделѣній по отношенію къ Востоку; онъ желаетъ всякаго добра балканскимъ государствамъ и хочетъ только обезпечить имъ свободное и вполнѣ самостоятельное развитіе. Развѣ это не ваша собственная политическая программа?»

Неужели тѣ, кто расположены у насъ принимать на вѣру эти и имъ подобныя слова, не взирая на вопіющее противорѣчіе ихъ съ дѣйствительностью, никогда не спрашивали себя, какія рѣчи держитъ по тому же предмету въ Парижѣ дипломатія нѣмецкая и австровенгерская, итальянская и англійская? Не нужно быть даже посвященнымъ въ тайну объясненій ея съ французскимъ правительствомъ, чтобы догадаться, что французамъ утверждаютъ прямо противное тому, что расточается намъ: а именно, что Лига мира есть ничто иное, какъ сплоченіе всѣхъ культурныхъ силъ Запада

противъ русскаго варварства и что мѣсто Франціи — въ первомъ ряду бойцовъ за прогрессъ и цивилизацію Европы.

До сихъ поръ французская республика устояла противъ искушенія, и одна изъ всѣхъ великихъ державъ уклонилась отъ вступленія въ заговоръ противъ Россіи. Поэтому мы въ правѣ отмѣтить, какъ крайне для насъ благопріятный результатъ, существенную перемѣну, происшедшую во внутреннемъ положеніи этой страны. Утихли и улеглись политическія страсти, распалась чудовищная стачка, посягавшая на существующій государственный строй. Естественнымъ послѣдствіемъ внутренняго умиротворенія явилось возвышеніе внѣшняго значенія Франціи, снова располагающей всѣми своими духовными и вещественными средствами для обезпеченія себѣ подобающаго мѣста и вліянія въ ряду прочихъ европейскихъ государствъ. Этому нравственному успѣху способствуетъ и удивительное развитіе производительныхъ силъ страны, оживленіе, внесенное Всемірною выставкою во всѣ отрасли народнаго труда, процвѣтаніе промышленности и торговли, словомъ—полное преображеніе такъ недавно еще раздираемой междоусобіемъ Франціи, сплоченной нынѣ воедино политическимъ тактомъ и благоразуміемъ своихъ гражданъ, глубоко коренящимися въ ихъ сердцахъ любовью и преданностью къ родинѣ. И если приступленіе Англіи къ тройственному союзу усиливаетъ опасность, грозящую Россіи отъ враждебной ей коалиціи, то торжество порядка и законности въ единственной дружественной намъ странѣ Запада возстановляетъ въ нашу пользу равновѣсіе силъ въ Западной Европѣ.

Къ сожалѣнію, на Востокѣ обстоятельства, съ нашей русской точки зрѣнія, далеко не измѣнились къ лучшему. Правда, въ началѣ года въ Румыніи и Сербіи почти одновременно власть перешла отъ клевретовъ и приспѣшниковъ Германіи и Австро-Венгріи къ истиннымъ народолюбцамъ, поборникамъ политической и гражданской самобытности отечества, а, слѣдовательно, умѣющимъ цѣнить по достоинству благодѣянія, оказанныя великою Россіею балканскимъ своимъ единовѣрцамъ. Но въ Бухарестѣ министерство Катарджи пало жертвою интригъ двора, поддержаннаго средне-европейскою дипломатіею, а новый кабинетъ въ предсѣдательствѣ генерала Мано обнаруживаетъ склонность, заручившись благорасположеніемъ Берлина и Вѣны, снова связать судьбы Румыніи съ пресловутою Лигою мира. Въ Бѣлградѣ министры-народники хотя и продолжаютъ удерживать власть въ своихъ рукахъ, опираясь на огромное большинство въ скупщинѣ и въ самой странѣ, но избран-

ные королемъ Миланомъ регенты служатъ имъ противовѣсомъ и то-и-дѣло тормозятъ ихъ усилія, дабы вывести молодое королевство на вполнѣ самостоятельный путь. Вновь назначенный австро-мадьярскій посланникъ при сербскомъ дворѣ генералъ Тёммель дѣятельно хлопочетъ о возсозданіи преданной монархіи Габсбурговъ партіи, настолько сильной, чтобы она снова могла овладѣть правленіемъ и, по слухамъ, не отчаявается въ успѣхѣ.

Будущее покажетъ, въ какой степени бракъ сестры императора германскаго съ наслѣдникомъ греческаго престола благопріятенъ насажденію нѣмецкаго вліянія въ совѣтахъ короля Георга. Доселѣ, повидимому, министерство Трикуписа мужественно оберегаетъ независимость свою отъ всякихъ иноземныхъ внушеній. Въ Берлинѣ съ неудовольствіемъ и даже съ пренебреженіемъ отзываются о Греціи, а это хорошій признакъ, какъ будто свидѣтельствующій, что по отношенію къ ней князь Бисмаркъ ошибся въ своихъ глубокомысленныхъ разсчетахъ. Нельзя, увы! сказать того же о Турціи. Тамъ, со времени посѣщенія императора Вильгельма II, весь правительственный механизмъ принялъ нѣмецкую окраску, а сама блистательная Порта превратилась въ исполнительный органъ велѣній германской государственной канцелярія. При этихъ условіяхъ, совершенно безразлично для насъ, состоялось или нѣтъ формальное присоединеніе Оттоманской имперіи къ бывшему тройственному, нынѣ четверному союзу, руководители котораго и безъ того распоряжаются и турецкими финансами, и турецкою арміею, не говоря уже о благоговѣйномъ отношеніи къ нимъ султана и его ближайшихъ совѣтниковъ? Съ такимъ результатомъ не мѣшаетъ сопоставить недавнія увѣренія берлинской дипломатіи и печати, что путешествіе императора германскаго на Востокъ лишено-де всякаго политическаго значенія, въ подтвержденіе чего и былъ обнародованъ рядъ телеграммъ молодого государя къ канцлеру, выражавшихъ восторженное состояніе души его при созерцаніи живописныхъ красотъ Золотого Рога и Босфора.

Младшее изъ балканскихъ государствъ — Болгарія продолжаетъ быть самымъ больнымъ мѣстомъ въ международномъ положеніи Россіи. Что бы ни говорили намъ эмигранты, эти неисправимые оптимисты на словахъ, если не на дѣлѣ,—порядокъ, установившійся въ княжествѣ со времени перехода управленія въ руки г. Стамбулова, упрочивается съ каждымъ днемъ. Въ Берлинѣ вмѣняютъ себѣ въ великую заслугу предъ нами сопротивленіе, оказанное Германіей столь желаемому Австро-Венгріею офиціальному признанію

принца Фердинанда Кобургскаго княземъ болгарскимъ, но тамъ и не думаютъ препятствовать тѣсной связи Софіи съ Вѣною и Пештомъ, выражающейся и въ допущеніи вѣнскою биржею сдѣлокъ съ облигаціями послѣдняго болгарскаго займа, и въ непрерывномъ общеніи болгарскихъ офицеровъ съ австрійскими военными кругами. Между тѣмъ, суть дѣла и заключается въ этихъ «матеріальныхъ узелкахъ», которые дипломатія наша не умѣла завязать съ юными государственными организмами, обязанными намъ своимъ существованіемъ. Какъ далеко зашли болгары въ сдѣлкахъ своихъ съ двойственною Дунайскою монархіею—вопросъ первостепенной важности, для выясненія котораго слѣдовало бы намъ напречь всѣ наши умственныя силы, ибо отъ разрѣшенія его въ томъ или другомъ смыслѣ зависятъ до извѣстной степени дальнѣйшій ходъ и направленіе восточной политики Россіи.

Для полноты обзора намъ слѣдовало бы упомянуть о положеніи русскаго дѣла внѣ Европы, въ прочихъ частяхъ свѣта и преимущественно въ Азіи, съ которою отечество наше соприкасается на такомъ обширномъ пространствѣ. Къ глубокому нашему прискорбію, мы мало имѣемъ достовѣрныхъ извѣстій объ этомъ столь важномъ предметѣ, такъ какъ у Пѣвческаго моста неохотно дѣлятся съ русскимъ обществомъ свѣдѣніями о нашихъ дипломатическихъ успѣхахъ или неудачахъ въ странахъ, входящихъ въ кругъ вѣдомства Азіатскаго Департамента. Изъ иностранныхъ источниковъ мы узнаемъ, однако, что въ Персіи вліяніе англичанъ взяло верхъ надъ нашимъ и что сопредѣльное съ нами государство все болѣе и болѣе подчиняется англійскому капиталу съ одной стороны, уму и энергіи британскихъ дипломатовъ — съ другой. Небезъизвѣстно намъ также, что на крайнемъ Востокѣ, въ Китаѣ и въ Японіи, большимъ вѣсомъ и значеніемъ пользуется дипломатія нѣмецкая, согласно вѣковымъ преданіямъ политики Гогенцоллерновъ не пренебрегающая ни однимъ уголкомъ въ мірѣ, какъ бы онъ ни былъ отдаленъ, если только предвидится возможность заручиться имъ въ свою пользу, въ міровой игрѣ, которую ведетъ Германія изъ-за преобладанія во вселенной. У нашихъ дипломатовъ иной обычай. Дѣятельность ихъ обусловливается не столько выясненными опытомъ существенными потребностями государства, сколько заведеннымъ порядкомъ и тѣмъ, что на канцелярскомъ языкѣ называется «бывшими примѣрами». Ничѣмъ другимъ нельзя объяснить того поистинѣ изумительнаго факта, что на всемъ пространствѣ британскихъ владѣній въ Индіи мы не содержимъ ни единаго штат-

наго генеральнаго консула, консула, вице-консула, ниже простого консульскаго агента, изъ разряда такъ называемыхъ consuls envoyés. Словно у насъ не знаютъ или знать не хотятъ, что англо-индійская имперія граничитъ съ нашими азіатскими владѣніями на тысячи верстъ; что закаспійская желѣзная дорога придвинула ее къ Россіи на разстояніе меньшее противъ того, что̀ отдѣляетъ ее отъ Великобританіи; что въ будущихъ, довольно вѣроятныхъ столкновеніяхъ нашихъ съ этою послѣднею, Индія—та Ахиллова пята, въ которую намъ всего легче уязвить, считавшуюся доселѣ неуязвимою, гордую владычицу морей. Но дипломаты, какъ извѣстно, не скоро разстаются съ усвоенными и излюбленными взглядами, освященными годами, какъ бы они ни оказались несостоятельными, а не далѣе какъ тринадцать лѣтъ назадъ, покойный канцлеръ князь Горчаковъ, въ офиціально-обнародованной дипломатической депешѣ, провозглашалъ русскій походъ въ Индію купно съ правами Россіи на обладаніе Константинополемъ — ветошью, лишенною всякаго кредита, и которую давно-де пора отложить «въ область политической миѳологіи» (Vieilleries hors de crédit à être réléguées dans le domaine de la mythologie politique [1]).

Изъ всѣхъ внѣ-европейскихъ государствъ дарятъ Россію честною, но строго-платоническою дружбою едва ли не одни Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Мы назвали дружбу эту «платоническою», потому что не предвидимъ отъ нея никакой существенной поддержки или помощи въ предстоящей намъ борьбѣ съ четвернымъ союзомъ. Твердо придерживаясь ученія Монроэ, правители великой за-атлантической республики избѣгаютъ вмѣшательства въ дѣла чуждой имъ Европы, которую, въ свою очередь, не допускаютъ до вмѣшательства въ дѣла Америки. За то, заботливость свою распространяютъ они на цѣлое западное полушаріе, составныя части коего мало-по-малу всѣ организуются по образцу Соединенныхъ Штатовъ. Таковъ смыслъ революціи, видоизмѣнившій образъ правленія въ Бразиліи и обратившій эту имперію въ федеративную республику. Недалеко, быть можетъ, то время, когда совокупность государствъ Америки, какъ Сѣверной, такъ и Южной, образуетъ единое цѣлое, хотя съ сохраненіемъ извѣстной доли самостоятельности отдѣльныхъ членовъ, но связанное общею ихъ потребностью защищать противъ всякихъ посягательствъ извнѣ обо-

[1]) Государственный канцлеръ князь А. М. Горчаковъ послу въ Лондонѣ графу П. А. Шувалову, 22 октября (3 ноября) 1876 г.

собленность хозяйственную и политическую этой части свѣта. Первымъ шагомъ на этомъ пути можно считать засѣдавшій въ минувшемъ году въ Вашингтонѣ конгрессъ представителей всѣхъ державъ Америки по обѣ стороны экватора, съ цѣлью выработать начала все-американскаго таможеннаго союза.

Начертавъ общую картину политическаго положенія вселенной, какъ оно установилось въ продолженіе 1889 года, мы попытаемся подвести итоги событіямъ, различая въ нихъ тѣ, что́ могутъ быть сочтены благопріятными для Россіи, отъ другихъ, обращающихся не въ ея пользу. Къ числу первыхъ мы отнесемъ внутреннее умиротвореніе Франціи, стойкую самостоятельность Греціи и удержаніе въ Сербіи власти народниками. Явленія, перечисленныя выше во всѣхъ прочихъ странахъ, мы вынуждены признать состоявшимися въ болѣе или менѣе явный и опасный намъ ущербъ. Обобщая ихъ въ одномъ опредѣленіи, мы скажемъ, что четверной союзъ Германіи, Австро-Венгріи, Италіи и Англіи замышляетъ завладѣніе Востокомъ и что на Балканскомъ полуостровѣ обстоятельства сложились, такъ что облегчаютъ заговорщикамъ «Лиги мира» осуществленіе поставленной ими себѣ задачи.

Давно сознанная истина, что никакая дипломатія, какъ бы она ни была искусна и дѣятельна, не въ силахъ создавать событія, но обязанность ея, во-первыхъ—предвидѣть ихъ, во-вторыхъ—пользоваться ими, направляя ихъ или сдерживая въ смыслѣ, благопріятномъ преслѣдуемой политической цѣли. Слагаются ли обстоятельства желательнымъ для нея образомъ, и она должна спѣшить извлечь изъ нихъ возможно бо́льшую сумму выгодъ; принимаютъ ли дѣла нежелательный оборотъ — отъ дипломатіи зависитъ воздвигнуть имъ препятствія, прибѣгнуть къ мѣрамъ противодѣйствія, затруднить успѣхи противниковъ. Вглядываясь внимательно въ происшествія минувшаго года, мы, къ несчастію, нигдѣ не видимъ слѣдовъ дѣятельности нашихъ дипломатовъ въ предѣлахъ вышеуказанныхъ. Тамъ, гдѣ событія сложились въ пользу Россіи, это сдѣлалось само собою, безъ всякой поддержки съ нашей стороны. Мало того: мы не совершили ничего, что могло бы упрочить къ нашей выгодѣ даже эти политическіе результаты. Точно также мы не пытались противиться образованію враждебныхъ нашему отечеству сочетаній или противопоставить имъ соотвѣтствующія преграды. Наша внѣшняя политика была политикою созерцательною, къ которой вполнѣ примѣняется народная наша поговорка: громъ не грянетъ, русскій человѣкъ не перекрестится! Искренно желая

видѣть русскихъ людей въ нашихъ дипломатическихъ дѣятеляхъ и представителяхъ, мы заклинаемъ ихъ нынѣ же, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, выступить въ качествѣ передовыхъ бойцовъ за русскую правду, не дожидаясь, пока заволокшія политическій небосклонъ зловѣщія тучи разразятся въ бурю и въ грозу.

Русская правда! Эти два слова вполнѣ точно опредѣляютъ вѣковую, историческую, народную политику Россіи. На нее, какъ на конечную цѣль, указываетъ съ высоты Престола державная воля, правящая судьбами нашей родины. Вѣрнымъ ея истолкователемъ явился и нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ въ окружномъ наказѣ русскимъ посламъ и посланникамъ при иностранныхъ правительствахъ, разосланномъ въ первые дни нынѣшняго царствованія. «Внѣшняя политика Императора»—писалъ статсъ-секретарь Гирсъ—«будетъ вполнѣ мирною. Россія останется вѣрною друзьямъ своимъ; она сохранитъ въ неизмѣнности свои симпатіи, освященныя преданіемъ, и будетъ отвѣчать взаимностью на дружественное расположеніе всѣхъ другихъ государствъ. Она удержитъ подобающее ей значеніе въ ряду прочихъ державъ и озаботится поддержаніемъ политическаго равновѣсія. Соотвѣтственно своимъ интересамъ, Россія не отступитъ отъ призванія, въ согласіи съ прочими правительствами, охранять основанный на уваженіи права и договоровъ всеобщій миръ. Долгъ Россіи заботиться прежде всего о себѣ самой. Одна только обязанность защищать свою честь или безопасность можетъ отвлечь ее отъ внутренней работы. Нашъ Августѣйшій Государь напрягаетъ свои усилія къ утвержденію могущества и благосостоянія Россіи, на благо ей и никому во вредъ» [1]).

Таковы возвышенныя начала, провозглашенныя Вѣнценоснымъ Вождемъ русской земли началами, руководящими внѣшнею политикою Россіи. Мы, русскіе люди, въ правѣ гордиться ими, потому что въ нихъ краснорѣчиво отражается нравственное величіе отечества. Но едва ли слѣдовало объявлять ихъ «неизмѣнными», такъ какъ неуклонное примѣненіе ихъ къ нашимъ международнымъ сношеніямъ зависитъ не отъ одной нашей доброй воли, а также и отъ степени взаимности, которою расположены отвѣтить намъ прочія державы. И дѣйствительно, почти десятилѣтній опытъ установилъ неопровержимо, что большинство державъ не оправдало довѣрчивыхъ

---

[1]) Циркуляръ управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ русскимъ дипломатическимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ 4 (16) марта 1881 г.

ожиданій русскаго двора. Тѣ, кого считали мы нашими друзьями и кому клялись въ вѣрности, не только не соблюли ее по отношенію къ намъ, но открыто выступили нашими противниками, составляя союзы и коалиціи противъ насъ. Традиціонныя наши симпатіи оказались незаслуженными, политическое равновѣсіе Европы—нарушеннымъ, святость права и договоровъ—поруганною, а пока мы тщательно устраняли чужой вредъ изъ соображеній, направленныхъ къ устроенію нашего благополучія, сосѣди наши беззастѣнчиво полагали свою пользу какъ разъ въ томъ, что причиняло намъ ущербъ. Не взирая на все это, Россія и теперь еще чужда всякаго чувства зависти или злобы, но пора ей трезво взглянуть на свои отношенія къ Западу и, отдавъ себѣ ясный отчетъ въ политическихъ стремленіяхъ иностранныхъ государствъ, дружбою платить отнынѣ за одну дѣйствительную, на дѣлѣ доказанную дружбу, а врагамъ своимъ и ненавистникамъ мужественно и прямо смотрѣть въ лицо.

При настоящемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ мы не можемъ назвать иначе, какъ печальною историческою ересью и, слѣдовательно, источникомъ опасныхъ политическихъ заблужденій,—утвержденіе приведеннаго выше дипломатическаго документа, будто Россія «достигла полнаго своего развитія». Если бы это было справедливо, то слѣдовало бы заключить, что родина наша уже вступаетъ въ періодъ упадка, ибо ничто никогда не остается неподвижнымъ, ни въ пространствѣ, ни во времени. Великое государство, великій народъ развивается во внутренней своей жизни, какъ и во внѣшнихъ ея проявленіяхъ, покуда живетъ. Да и можетъ ли быть иначе, когда кругомъ его все движется, вращается, ростетъ, когда на политической поверхности вселенной то-и-дѣло образуются новыя сочетанія, одни царства падаютъ, другія нарождаются изъ ихъ развалинъ. Таковъ вѣчный непреложный законъ природы и исторіи, удѣлъ всего сущаго, какъ въ духовномъ, такъ и въ вещественномъ мірѣ.

Исходя изъ этого положенія, нельзя не придти къ выводу, что для обезпеченія торжества русской правдѣ, государственной и народной, необходима политика дѣятельная, сознательная, наступательная, зрѣло обдуманная въ цѣляхъ, строго соображенная въ средствахъ.

Ясно формулованная программа такой политики представляется намъ существеннѣйшею потребностью настоящей минуты. Мы твердо убѣждены, что только означеннымъ способомъ могутъ быть вне-

сены необходимая стройность и единство въ дѣятельность дипломатическихъ представителей русскаго двора, устранены недоразумѣнія, противорѣчія и отдѣльныя притязанія или предпочтенія—подчинены одной общей руководящей идеѣ. Выработать и установить помянутую программу во всѣхъ частяхъ ея и подробностяхъ, въ смыслѣ и предѣлахъ, указанныхъ верховною самодержавною властью—такова задача, довлѣющая нашему посольскому приказу. Но мы не посягнемъ на его права и не предвосхитимъ обязанностей, намѣтивъ здѣсь въ общихъ чертахъ основныя начала преемственной политики Россіи въ примѣненіи къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ, тѣ начала, что истекаютъ изъ внимательнаго изученія отечественной исторіи, которая, какъ мы уже замѣтили однажды, «низошла бы на степень безцѣльнаго упражненія, если бы урокамъ ея суждено было пропадать безслѣдно и не вліять на ходъ и направленіе современныхъ политическихъ дѣлъ» [1]).

Политика Россіи должна быть прежде всего самобытною, то есть основанною на самостоятельномъ взвѣшиваніи нуждъ и потребностей государства. Она можетъ стать такою лишь подъ условіемъ избѣжанія всякихъ соглашеній съ чужеземными правительствами, имѣющихъ общій, безсрочный и отвлеченно-принципіальный характеръ. Сознаніе этой истины уже привело нашъ дворъ къ порванію союзной связи, много лѣтъ соединявшей его съ двумя другими императорскими дворами. Въ предшедшихъ бесѣдахъ нашихъ мы старались доказать, что естественнымъ послѣдствіемъ выхода Россіи изъ состава трехдержавнаго союза—является отреченіе ея отъ дальнѣйшаго признанія такъ называемаго «европейскаго концерта» въ качествѣ высшаго судилища по дѣламъ Востока и отъ подчиненія его рѣшеніямъ. Концертъ этотъ, впрочемъ, давно уже не существуетъ въ дѣйствительности, и памятникомъ его остается лишь запятнанный и надорванный не нами листъ бумаги—Берлинскій трактатъ. Бывъ послѣдовательно и неоднократно нарушенъ всѣми прочими участниками, можетъ ли договоръ этотъ сохранять обязательную силу для одной Россіи?

Возвративъ себѣ, такимъ образомъ, полную свободу дѣйствій, эту неотъемлемую принадлежность всякой независимой державы, Россія получитъ возможность опредѣлить свои отношенія къ иностраннымъ государствамъ, соображаясь исключительно съ требова-

---

[1]) См. въ моей книгѣ: Изъ прошлаго русской дипломатіи, изслѣдованіе: Русская дипломатія, старая и новая, стр. 28.

ніями собственнаго своего положенія и отложивъ всякую заботу и попеченіе объ общихъ интересахъ Европы, о счастіи и благополучіи человѣческаго рода, такъ долго бывшихъ для нея источникомъ всевозможныхъ бѣдъ, заблужденій, разочарованій.

Три государства являются непосредственными сосѣдями Россіи со стороны Запада: Швеція, Германія и Австро-Венгрія.

Съ Швеціею у насъ сведены и кончены всѣ счеты со времени присоединенія Финляндіи къ имперіи. Богатымъ вознагражденіемъ послужило ей за потерю этой области обладаніе Норвегіею, коимъ она обязана Россіи. Съ тѣхъ поръ, нашъ дворъ не переставалъ поддерживать съ сѣверными сосѣдями самыя дружественныя и доброжелательныя отношенія, что̀, однако, не помѣшало имъ въ эпоху Севастопольской войны примкнуть къ нашимъ врагамъ и замышлять отторженіе Финляндіи. Можетъ ли повториться такой образъ дѣйствій Стокгольмскаго двора въ случаѣ составленія новой общеевропейской коалиціи противъ Россіи—вотъ вопросъ, на который должна быть устремлена бдительность русской дипломатіи. Довольно естественно было бы для нея искать обезпечить себя на этотъ случай надежнымъ ручательствомъ, но самое дѣйствительное средство удалить опасность—заключается, по нашему мнѣнію, въ скрѣпленіи узъ, связывающихъ великое княжество Финляндское съ Россіею, съ коею она нераздѣльна въ силу нашихъ основныхъ государственныхъ законовъ.

Ни одной державѣ въ мірѣ не давала Россія столько непрерывныхъ и несомнѣнныхъ доказательствъ искреннѣйшей дружбы и благорасположенія, какъ стоящей нынѣ во главѣ объединенной Германіи—Пруссіи. Государство Гогенцоллерновъ выросло, возмужало, окрѣпло подъ спасительною сѣнью и покровомъ Россіи. Всѣ свои послѣдовательныя земельныя приращенія получило оно не только съ нашего согласія, но прямо изъ нашихъ рукъ. Не разъ государи наши имѣли возможность отодвинуть западную границу Россіи до устьевъ Нѣмана и даже Вислы и отказались отъ нея изъ нѣжной любви къ Пруссіи и отеческой попечительности о ней. А сколько пролито русской крови для защиты ея и освобожденія? На быстрый политическій ростъ ея, на честолюбивый замыселъ возстановить въ свою пользу германскую имперію, русскій дворъ не только взиралъ безъ малѣйшей зависти, но и усердно помогалъ ей въ достиженіи завѣтныхъ цѣлей. Противно природѣ человѣческой питать чувство злобы или ненависти къ тому или къ тѣмъ, кто облагодѣтельствованъ нами. Россія не желаетъ Германіи зла, не помы-

шляетъ о завладѣніи хотя бы пядью нѣмецкой земли и искренно хочетъ жить въ мирѣ, согласіи и дружбѣ съ сосѣдкою, которую уважаетъ, но которой и не боится, считая себя и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи отнюдь не слабѣе ея, а несравненно устойчивѣе и могущественнѣе.

Такъ же ли относится Германія къ Россіи? О чувствахъ нѣмецкаго народа къ русскому мы лучше умолчимъ. Что же касается до германскаго правительства, то, будучи увѣрено, что съ нашей стороны новосозданной имперіи не грозитъ ни малѣйшей опасности, оно усиленно вооружается, вступаетъ въ союзы съ завѣдомо враждебными намъ державами и, продолжая на словахъ увѣрять насъ въ неизмѣнной дружбѣ, на дѣлѣ потворствуетъ и содѣйствуетъ предпріятіямъ, имѣющимъ цѣлью подорваніе благосостоянія, ослабленіе могущества Россіи, воздвиженіе ей преградъ на пути, коимъ она шествуетъ къ осуществленію своего всемірно-историческаго призванія.

И при всемъ томъ, кто на кого жалуется? Мы ли на Германію? Нѣтъ — она на насъ. Упреки ее намъ неопредѣленны, туманны, неуловимы. Въ нихъ мало смысла и много чувствительности. Россія-де не цѣнитъ нѣмецкой дружбы. Любопытнѣе всего, что упреки эти находятъ порою отголосокъ и въ нашихъ дипломатическихъ сферахъ. Давно ли профессоръ Мартенсъ, состоящій, какъ извѣстно, членомъ совѣта и юрисконсультомъ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, восклицалъ въ предисловіи къ одному изъ томовъ своего «Собранія трактатовъ и конвенцій»: «Екатерина II не боялась «сосѣда наиближайшаго», который не былъ для нея сосѣдомъ «наиопаснѣйшимъ», потому что онъ былъ сосѣдомъ довольнымъ. Великая императрица сдѣлала все, что допускалось честью и интересами Россіи для того, чтобы Фридрихъ Великій былъ сосѣдомъ довольнымъ. Прусскій король поставилъ себѣ ту же самую цѣль и въ общемъ результатѣ оказались миръ, согласіе и тѣсный союзъ между обѣими державами. Въ царствованіе же Елисаветы Петровны исключительно опасались «наисильнѣйшаго сосѣда», совершенно забывая, что гораздо опаснѣе «недовольный сосѣдъ» [1]).

Смѣемъ увѣрить г. Мартенса, что ученіе объ удовольствованіи сосѣда — не новое и что не онъ первый возвѣстилъ его міру. Помнится намъ, что наканунѣ Восточной войны 1877—78 годовъ, его же развивалъ въ бесѣдахъ съ посломъ нашимъ въ Бер-

---

[1]) Мартенсъ: Собраніе трактатовъ и конвенцій. VI, стр. VII.

линѣ никто иной, какъ самъ князь Бисмаркъ, будущій предсѣдатель берлинскаго конгресса, а за столѣтіе предъ тѣмъ, въ томъ же смыслѣ поучалъ Марію-Терезію Фридрихъ II. Онъ доказывалъ ей, что ей выгодно удовлетворить его, дабы имѣть въ немъ довольнаго сосѣда, что удовольствовать его можетъ только обладаніе Силезіею и что, поэтому, отторженіе этой области отъ владѣній австрійскаго дома должно почитаться за существенную услугу, оказанную имъ монархіи Габсбурговъ. Кстати напомнимъ ученому профессору, что дѣйствительное мнѣніе императрицы Екатерины II о прелестяхъ соглашенія съ Пруссіей прямо противоположно тому, которое онъ навязываетъ Великой Государынѣ. «Я ничего не знаю въ мірѣ», писала она князю Потемкину, «тяжелѣе, унизительнѣе и невыносимѣе прусскаго союза. Милый другъ, я говорю по опыту. Къ несчастію, я изблизи присмотрѣлась къ ярму, и вы тому свидѣтель, какъ я вспрыгнула отъ радости, когда увидѣла малѣйшій проблескъ возможности высвободиться изъ-подъ него» [1]).

Удовольствовать Германію Россія можетъ только отдавъ себя снова въ полное ея распоряженіе, ставъ по прежнему покорнымъ орудіемъ въ рукахъ ея для достиженія политическихъ цѣлей. Самобытная политика русскаго двора уже сама по себѣ предметъ неудовольствія для двора берлинскаго. Нужды нѣтъ, что она ни мало не направлена во вредъ Германіи. Пробужденіе русскаго самосознанія, чувство самосохраненія почитаются нѣмцами за кровную обиду.

Первая обязанность государства—заботиться о собственной безопасности. Отсюда—мѣры, принимаемыя русскимъ правительствомъ для укрѣпленія за собою сѣверо-западныхъ окраинъ Имперіи. Въ Пруссіи любятъ вспоминать, что нынѣшнее Царство Польское съ Варшавою и даже Бѣлостокскій округъ, не далѣе какъ восемьдесятъ лѣтъ назадъ, были прусскими областями. Въ Германіи учатъ, что Прибалтійскій край—исконная нѣмецкая земля, наслѣдіе меченосцевъ, часть общаго отечества, грань котораго совпадаетъ-де съ крайними предѣлами распространенія нѣмецкой рѣчи. Можно ли сказать, что германская дипломатія чужда этимъ вожделеніямъ? Въ 1863 году, нынѣшній имперскій канцлеръ серьезно помышлялъ о занятіи Царства Польскаго, разумѣется, подъ видомъ оказанной Россіи услуги, но съ тѣмъ, чтобы никогда уже болѣе не выводить

---

[1]) Императрица Екатерина II князю Потемкину-Таврическому 15 (27) октября 1789 г.

оттуда прусскихъ войскъ [1]). Два года спустя, онъ же дерзко и назойлово выговаривалъ нашему послу за мнимое преслѣдованіе протестантства въ Прибалтійскомъ краѣ [2]). Съ тѣхъ поръ, онъ пересталъ упоминать въ переговорахъ съ нами объ этихъ щекотливыхъ предметахъ и раза два или три гласно заявилъ даже, что и не помышляетъ объ обладаніи ими. Но какъ же ему и было поступить иначе, въ такое время, когда одного слова Россіи было достаточно, чтобы ниспровергнуть въ прахъ воздвигаемое ими съ такимъ трудомъ зданіе нѣмецкаго единства? Другой вопросъ: независимо ли отъ него и отъ правительственной помощи совершается колонизаціонное вторженіе нѣмцевъ въ наши предѣлы, мирное завладѣніе нашими пограничными съ Германіею окраинами?

Вышеизложенные факты и соображенія достаточно опредѣляютъ, чѣмъ должна быть русская политика въ отношеніи къ Германіи. Начиная съ злополучнаго Мемельскаго свиданія 1802 года, въ продолженіе цѣлыхъ трехъ царствованій, у насъ видѣли въ Пруссіи не чужеземное государство, съ которымъ нужно вести счеты на общихъ основаніяхъ международнаго обихода, а нѣчто совсѣмъ иное, какъ бы учрежденіе высшаго порядка, имѣющее право на наше почтеніе и услуги, но ни мало не обязанное платить намъ взаимностью, другими словами, мы испытывали къ ней «влеченье, родъ недуга», ни дать ни взять какъ Репетиловъ къ Чацкому. Этого быть не должно. Въ сношеніяхъ съ берлинскимъ дворомъ слѣдуетъ одинаково избѣгать и надменнаго задора, и унизительной угодливости, не сѣять впредь благодѣяній, чтобы не пожинать неблагодарности, не просить помощи и не навязывать своей, вообще уклоняться отъ всякихъ сдѣлокъ съ Германіей по обще-европейскимъ дѣламъ и еще болѣе по дѣламъ Востока, и если не поминать старыхъ грѣховъ, то и не поддаваться на новые обманы. При такихъ условіяхъ не будетъ, конечно, больше рѣчи о дружбѣ между двумя сосѣдними имперіями, но ничто не воспрепятствуетъ имъ жить въ согласіи и въ мирѣ. А чтобы еще лучше обезпечить и то, и другое, не нужно упускать изъ виду, что поступательное движеніе нѣмцевъ на Востокъ—явленіе историческое, стихійное, не зависящее отъ произвола государственныхъ людей, и потому должно при-

---

[1]) См. объ этомъ мое изслѣдованіе «Русская дипломатія въ польскомъ вопросѣ», Русскій Вѣстникъ, ноябрь 1888 г.

[2]) Кёльнская Газета отъ 1 марта н. ст. 1886 г. напечатала въ подлинникѣ два донесенія г. Убри князю Горчакову по сему предмету, относящіяся къ марту 1865 г.

нимать мѣры, дабы ни подъ какимъ видомъ не позволять ему распространяться въ нашу сторону. Размышленіе это приводитъ насъ опять къ необходимости заблаговременнно озаботиться обрусѣніемъ какъ прибалтійскихъ областей, такъ и всего сѣверо-западнаго края, чтобы отнять у нѣмецкихъ шовинистовъ всякую надежду на пріобрѣтеніе «Кнезебековой», или какой либо иной восточной границы, вмѣсто нынѣ существующей, опредѣленной договорами и утвержденной за Россіею костьми и кровью ея сыновъ. Пусть знаютъ наши заносчивые сосѣди, что на стражѣ этой грани стоитъ весь стомилліонный русскій народъ, съ Царемъ своимъ во главѣ, и что нѣтъ такой силы въ мірѣ, которая возмогла бы принудить ихъ отодвинуть ее хотя бы на одинъ вершокъ.

Не менѣе чѣмъ съ Германіею, Россія расположена соблюдать согласіе и миръ съ третьею своею западною сосѣдкою—Австро-Венгерскою монархіею, но и тутъ, какъ и тамъ, во избѣжаніе недоразумѣній, лучше устранить вовсе столь чуждое здравой политикѣ понятіе о дружбѣ. Въ продолженіе полутораста слишкомъ лѣтъ, почти непрерывно дружила Россія съ Австріей, дружила горячо, искренно, всячески помогая ей и споспѣшествуя на полѣ битвъ и въ дипломатическихъ совѣщаніяхъ, а чѣмъ отплатила та за цѣлый рядъ благодѣяній? Соображеніе это одно уже должно было бы удержать насъ отъ повторенія прошлыхъ ошибокъ, но, сверхъ того, мы не можемъ не принять въ разсчетъ, что нынѣшняя Австрія ничего не имѣетъ общаго съ прежней, и что перемѣны, внесенныя временемъ въ ея государственный строй, обратили ее въ прямую соперницу Россіи. Такъ, до 1859-го и 1866-го годовъ, вѣнскій дворъ тяготѣлъ преимущественно то къ Италіи, то къ Германіи, тогда какъ нынѣ, по манію нѣмецкаго канцлера, центръ тяжести монархіи Габсбурговъ перемѣщенъ изъ Вѣны въ Пештъ, т. е. на Востокъ. Цѣли, преслѣдуемыя ею на Балканскомъ полуостровѣ, прямо противоположны руководящей идеѣ русской политики. Притязанія ея на включеніе въ кругъ своего вліянія молодыхъ христіанскихъ государствъ, возникшихъ на обломкахъ оттоманскаго владычества въ Европѣ и обязанныхъ Россіи своимъ бытіемъ, могутъ встрѣтить съ нашей стороны только одинъ отвѣтъ: «руки прочь!» Если Австро-Венгріи дороги миръ и согласіе съ Россіею, то ей слѣдуетъ тщательно воздерживаться отъ всякихъ посягательствъ на преобладаніе за Дунаемъ и Балканами, которое Россія допустить не можетъ, не хочетъ и не допуститъ ни за что.

Независимо отъ этой косвенной причины, между Дунайскою монархіею и нами существуетъ другой поводъ къ раздору, прямой и непосредственный: мы разумѣемъ поведеніе вѣнскаго двора въ Галиціи, обращенной имъ въ очагъ польскихъ національныхъ козней и мечтаній. Мы не скажемъ пока ни слова о бѣдственномъ состояніи, въ которое ввергнуто коренное русское населеніе этого края, порабощенное польскому шляхетскому меньшинству, но тѣмъ болѣе будемъ настаивать на вызывающемъ по отношенію къ Россіи характерѣ заигрываній съ поляками, возбужденія въ нихъ несбыточныхъ надеждъ на возстановленіе Рѣчи Посполитой подъ главенствомъ австрійскаго дома. Дѣйствительно, въ то самое время, когда Германія безпощадно вытравляетъ польщизну въ своихъ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ, союзная съ нею Австро-Венгрія предоставляетъ польскому элементу полный просторъ въ Галиціи, видимо поддерживаетъ его, поощряетъ и какъ бы сулитъ ему снова, не только независимость, но и господство надъ Литвою и Русью Малою, Бѣлою и Червонною, въ пресловутыхъ границахъ 1772 года.

Опасность призрачная, но только въ конечныхъ своихъ результатахъ, а отнюдь не въ тѣхъ, весьма серьезныхъ, временныхъ затрудненіяхъ, которыя могутъ намъ создать между Вислою и Нѣманомъ, между Бугомъ и Днѣстромъ, въ случаѣ столкновенія Россіи съ враждебною ей средне-европейскою коалиціею. По крайнему нашему разумѣнію, въ Польшѣ, такъ же точно какъ въ Финляндіи, какъ въ краяхъ Прибалтійскомъ, сѣверо- и юго-западномъ, дѣйствительнѣйшее средство противъ зла заключается во внутреннихъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ установленію неразрывной, органической связи окраинъ этихъ съ имперіею, но связь эта станетъ надежною и прочною лишь тогда, когда родственныя племена, ихъ населяющія, сердцемъ будутъ привязаны къ общей матери-Россіи. Вопросъ этотъ слишкомъ важенъ, чтобы касаться его мимоходомъ; но мы глубоко убѣждены, что правильное и разумное его разрѣшеніе—вѣрнѣйшій залогъ побѣды и одолѣнія Россіи надъ внѣшними ея врагами и противниками.

Какъ бы то ни было, русская дипломатія хорошо сдѣлаетъ, если безъ ложной застѣнчивости вступитъ въ откровенныя объясненія по всему вышеизложенному съ вѣнскимъ дворомъ. Пусть она убѣдитъ его, неопровержимо ему докажетъ, что Австро-Венгріи не грозитъ со стороны Россіи опасность нападенія, которою постоянно пугаютъ ее изъ Берлина, но пусть предупредитъ также, что неосторожное обращеніе съ огнемъ въ Галиціи или на Балканскомъ по-

луостровѣ легко можетъ зажечь пожаръ, который пожретъ и сотретъ съ лица земли дряхлую и ветхую монархію Габсбурговъ. Внутреннее ея состояніе таково, что достаточно одного толчка извнѣ, чтобы вызвать полное ея разложеніе. На союзниковъ, нѣмцевъ или итальянцевъ, надежда плоха: кто поручится, что они не поддадутся искушенію сами поживиться насчетъ разгромленнаго сосѣда? Неужели въ Вѣнѣ стали совершенно глухи къ урокамъ исторіи, забыли, что такова была во всѣ времена традиціонная политика и Гогенцоллерновъ, и Савойскаго дома?

Отъ ближайшихъ нашихъ сосѣдей перейдемъ къ государствамъ болѣе отдаленнымъ и скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Россіи къ Италіи и къ Англіи.

Нельзя было бы себѣ и представить предлога къ вооруженному столкновенію Итальянскаго королевства съ Россійскою имперіею, если бы первое не вступило въ союзную связь съ Германіею и Австро-Венгріею, не стало участникомъ бывшаго «тройственнаго», нынѣ «четвернаго» союза. Когда въ шестидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія началось объединеніе Италіи, оно, повидимому, ничѣмъ не угрожало государственнымъ пользамъ Россіи. Русское общество выражало восторженное сочувствіе подвигамъ Гарибальди, политикѣ Кавура, а русское правительство одно изъ первыхъ признало новосозданное государство, не взирая на его чисто революціонное происхожденіе. Лишь съ теченіемъ времени итальянцы, сами освободившіеся отъ чужеземнаго господства, во имя неотъемлемаго права народовъ на независимое національное существованіе, стали простирать жадные взоры на сосѣднія области и притомъ не исключительно населенныя итальянскимъ племенемъ. Отлагая, въ силу хитроумныхъ политическихъ соображеній, до болѣе удобнаго времени притязанія свои на Тріестъ и Трентино, они польстились на возвращеніе Савойи, Ниццы, да кстати и Корсики отъ Франціи, и не скрываютъ своихъ замысловъ относительно завладѣнія южною частью восточнаго побережья Адріатики, а именно Албаніею и Эпиромъ. Здѣсь ихъ вожделѣнія сталкиваются съ основнымъ началомъ восточной политики русскаго двора: Востокъ для Востока. Косвенно они могутъ оказаться нашими противниками и въ качествѣ резерва австро-нѣмецкой арміи, замышляющей вторженіе въ наши предѣлы. Мы не видимъ препятствій къ возбужденію русскою дипломатіею этого вопроса въ довѣрительныхъ бесѣдахъ съ итальянскими министрами и къ выясненію его, съ цѣлью опредѣлить, какъ сами мы должны относиться къ Италіи въ дѣлахъ, затрогивающихъ ея

собственные международные интересы? Мы охотно останемся ея друзьями, если только она порветъ связь съ нашими недругами; въ противномъ случаѣ, намъ ничего не останется иного, какъ, слѣдуя ея же примѣру, присоединиться къ ея врагамъ.

Гораздо сложнѣе наши отношенія къ Англіи. Зависитъ это оттого, что въ Соединенномъ королевствѣ не одна, а двѣ, довольно другъ отъ друга отличныя, системы внѣшней политики, смотря по тому, которая изъ партій находится у власти: виги или торіи?

Глава консерваторовъ, маркизъ Салисбюри, продолжаетъ политику покойнаго лорда Биконсфильда, политику безсовѣстнаго любостяжанія, насилія, захватовъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что на этой почвѣ онъ сошелся съ княземъ Бисмаркомъ, вступилъ съ нимъ въ стачку, примкнулъ къ союзу средне-европейскихъ государствъ. Въ этомъ направленіи политика Великобританіи несогласуема съ политикою Россіи, будучи ей прямо противоположна и враждебна. Не такова политическая программа вождя либераловъ г. Гладстона. Основанная на уваженіи независимости христіанскихъ государствъ и племенъ Востока, на сочувствіи къ ихъ самостоятельному развитію, она не только допускаетъ сближеніе съ Россіею, но ищетъ соглашенія съ нею для совмѣстнаго противодѣйствія хищническимъ замысламъ заговорщиковъ «Лиги мира».

Изъ этого слѣдуетъ, что двойная задача нашей дипломатіи въ Англіи—страхомъ сдерживать воинственный задоръ торіевъ, лаской поддерживать дружественное расположеніе къ намъ виговъ. Въ первомъ случаѣ нашъ рѣшительный доводъ—указаніе на Индію, какъ на такую страну, гдѣ намъ легко выместить самымъ чувствительнымъ для англичанъ образомъ непріятности, чинимыя ими намъ въ европейскихъ дѣлахъ; во второмъ — мы должны неустанно повторять, что насколько Россія и Англія могутъ нанести другъ другу вреда въ ожесточенной борьбѣ, настолько же обѣ извлекутъ себѣ пользы изъ честнаго и добросовѣстнаго согласованія обоюдныхъ интересовъ, которые ни въ Европѣ, ни въ прочихъ частяхъ свѣта не являются непримиримыми.

Въ общей сложности, политика Россіи по отношенію къ Западу сводится къ твердому и непреклонному отстаиванію нравственной своей независимости, а также цѣлости и неприкосновенности русской государственной области. Къ частнымъ пререканіямъ и спорамъ европейскихъ государствъ между собою Россія можетъ оставаться вполнѣ равнодушною и не вмѣшиваться даже въ ихъ земельныя соотношенія. Было время, когда политическая поверхность Европы

была размежевана и распредѣлена между державами при ближайшемъ участіи Россіи и даже подъ ея непосредственнымъ вліяніемъ. Тогда были приняты въ соображеніе обще-европейскіе интересы, во вниманіе къ коимъ Даніи присуждены при-Эльбскія герцогства, съ обязанностью охранять входъ изъ Нѣмецкаго въ Балтійское море; въ Германіи, образовавшей союзъ государствъ, соблюдено справедливое равновѣсіе между Австріею и Пруссіею, которыя обѣ входили въ составъ этого союза; наконецъ, между Германіею и Франціею установлена граница, оставлявшая Эльзасъ и Лотарингію во владѣніи этой послѣдней и одинаково обезпечивавшая, какъ нѣмцевъ, такъ и французовъ, отъ опасности быть захваченными непріятельскимъ нападеніемъ врасплохъ. Событія послѣднихъ двадцати-пяти лѣтъ насильственно ниспровергли эти столь же мудрыя, сколько и безпристрастныя постановленія Вѣнскаго конгресса, скрѣпленныя подписью Россіи, утвержденныя совокупнымъ ручательствомъ восьми европейскихъ державъ и обезпечившія Западной Европѣ болѣе полустолѣтія спокойствія и мира. Въ договорахъ, установившихъ новыя политическія сочетанія, Россія не принимала участія, а потому она и не отвѣтственна за нихъ, и еще того менѣе призвана защищать порядокъ, ими узаконенный. Удержится онъ или снова измѣнится—Россіи нѣтъ до этого никакого дѣла.

Оставаясь хладнокровною зрительницею несогласій и междоусобій Запада, Россія не потерпитъ одного: новаго и окончательнаго разгрома Франціи Германіею или соединенными усиліями «четвернаго» союза.

Нужно ли доказывать, что, препятствуя такому результату, Россія прежде всего отстаиваетъ свой собственный интересъ, требующій сохраненія на западной окраинѣ Европы могущественной Франціи, какъ противовѣса Германской имперіи, опирающейся нынѣ на сухопутныя силы Австро-Венгріи и Италіи и поддержанной морскими силами Великобританіи? Истину эту сознавалъ императоръ Александръ I въ 1814—15 годахъ, то есть въ такое время, когда не только не существовало чудовищной коалиціи трехъ великихъ средне-европейскихъ державъ съ Англіею, но и сама Германія была раздроблена на мелкія государства, среди которыхъ Австрія и Пруссія являлись не союзницами, а соперницами. Ею же былъ проникнутъ Императоръ Александръ II, въ 1875 году удержавшій Германію отъ нападенія на неуспѣвшую еще оправиться отъ пораженія и возстановить свои боевыя силы Францію. Замѣтимъ, что въ обѣ помянутыя эпохи Россія сама была связана

узами союза съ дворами берлинскимъ и вѣнскимъ, тогда какъ теперь, благодаря Богу и Государю, она свободна отъ этихъ стѣсненій. Болѣе чѣмъ когда либо вольна она соображать свою политику исключительно со своими пользами и нуждами.

Германія во главѣ «Лиги мира» уже и теперь господствуетъ надъ всею срединною Европою. До всемірнаго преобладанія не допускаютъ ее двѣ великія державы, сохранившія свою независимость. Отсюда полная солидарность ихъ взаимныхъ интересовъ. Удайся Германіи побороть Францію, незащищенную Россіей, или Россію, незащищенную Франціей—и нѣтъ болѣе равновѣсія ни въ Европѣ, ни во вселенной. Всѣ государства и народы вынуждены будутъ склониться предъ Германіей и признать въ ней владычицу міра.

И такъ, Россія столь же заинтересована поддержкою Франціи въ борьбѣ съ «четвернымъ» союзомъ, какъ и Франція—поддержкою Россіи.

Но вотъ бѣда: въ Петербургѣ опасаются, какъ бы, въ случаѣ нападенія на насъ нѣмцевъ, французы не пошли съ ними на сдѣлку и не воздержались отъ поданія намъ помощи? Тѣ же самыя сомнѣнія относительно насъ, русскихъ, постоянно приходится слышать въ Парижѣ.

Мы не знаемъ иного средства обезпечить обѣ столь нуждающіяся одна въ другой державы, какъ заключеніе между ними оборонительнаго союзнаго договора, ясно опредѣляющаго цѣль союза, способы и размѣры союзной помощи.

Возможенъ ли оборонительный союзъ Россіи съ Франціей? Вопросъ этотъ мы уже разсматривали неоднократно въ предшедшихъ бесѣдахъ и убѣдились, что разрѣшается онъ утвердительно. Вызывается ли такой союзъ дѣйствительною и насущною потребностью обѣихъ державъ? Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Но если онъ и нуженъ и возможенъ, то почему же и не заключить его?

Потому—возражаютъ намъ сторонники ученія объ «удовольствованіи сосѣда»—что франко-русскій союзъ послужилъ бы сигналомъ ко всеобщей войнѣ. Признемся, мы не понимаемъ логики этого разсужденія. Какъ? При отсутствіи союзной связи между Россіей и Франціей, когда «четверной» союзъ можетъ ласкать себя надеждою разгромить ихъ въ одиночку, одну вслѣдъ за другою, онъ не начинаетъ войны, и вдругъ объявитъ ее, какъ только состоявшееся соглашеніе русскихъ съ французами затруднитъ ему побѣду, уменьшитъ его шансы на успѣхъ? Вѣдь это все равно, какъ если бы двумъ разрозненнымъ отрядамъ, дѣйствующимъ противъ сосредото-

ченныхъ силъ непріятеля, стали совѣтовать отказаться отъ соединенія другъ съ другомъ, дабы не раздражать противника — чѣмъ? — нанесеніемъ ему пораженія! Нелѣпость такого совѣта очевидна для каждаго въ военномъ дѣлѣ; только близорукая дипломатія можетъ не распознать ее въ дѣлѣ политическомъ.

Намъ, напротивъ, ясно — какъ дважды-два четыре — что если миръ Европы можетъ еще быть обезпеченъ чѣмъ либо, то единственно гласнымъ и открытымъ союзомъ Россіи съ Франціей, побужденія котораго такъ чисты, законны и справедливы, что ничто не препятствуетъ обнародавать его условія, тотчасъ по подписаніи. Не сложными представляются намъ они: общая защита противъ общаго врага, взаимное ручательство за цѣлость обоюдныхъ владѣній, обязательство не заключать мира иначе, какъ съ общаго согласія. Въ нихъ не было бы ничего предосудительнаго даже и въ томъ случаѣ, если бы они не вызывались коалиціею прочихъ четырехъ великихъ державъ, о сущности которой до сихъ поръ извѣстно лишь то, что, называясь «Лигою мира», она одна только и угрожаетъ миру — таинственными совѣщаніями своихъ членовъ и усиленными ихъ вооруженіями.

Мирное значеніе франко-русскаго оборонительнаго союза не замедлило бы опредѣлиться приступленіемъ къ нему государствъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ поддержаніи всеобщаго мира, а именно государствъ второстепенныхъ, тщетно ищущихъ доселѣ опоры противъ опасностей, коими грозятъ ихъ самостоятельности державы, участницы «четверного» союза. Нѣтъ сомнѣнія, что, ободренныя тою мощью, что придастъ Франціи единеніе ея съ Россіей, Нидерланды, Бельгія, Швейцарія сплотятся вокругъ нея, и, въ свою очередь, поддержанныя ею, постоятъ за свою независимость. Отъ Россіи зависитъ стать средоточіемъ одушевленныхъ одинаковымъ чувствомъ всѣхъ христіанскихъ государствъ Балканскаго полуострова. Выражаемая нами увѣренность обусловливается, конечно, предположеніемъ, что русская дипломатія выйдетъ, наконецъ, изъ состоянія созерцательнаго покоя и смѣло вступитъ на путь дѣятельной политики по отношенію къ Востоку.

Политика эта не гадательна, не произвольна и не случайна. Она опредѣляется тысячелѣтнею нашею исторіею.

Еще не было окончательно свергнуто тяготѣвшее два столѣтія надъ нашею родиною позорное татарское иго, какъ уже государи московскіе положили въ основаніе своей политики два начала: собираніе русской земли и освобожденіе отъ поганыхъ не одной Руси,

но и всего православнаго Востока. До конца XVIII вѣка Россія шла сознательно и неуклонно къ осуществленію обѣихъ завѣтныхъ цѣлей, никогда не упуская ихъ изъ виду. Въ XIX столѣтіи всѣ усилія инородной и иновѣрной дипломатіи задержать ее на этомъ пути приводили лишь къ временнымъ остановкамъ. Сила событій порывала паутину дипломатическихъ сѣтей. Историческія судьбы Россіи и православія совершались вопреки волѣ людской, по предопредѣленію свыше. Въ настоящее время, міровая задача, выпавшая нашему отечеству на долю, можетъ считаться разрѣшенною, хотя и не вполнѣ еще доведенною до конца.

Было бы, однако, большимъ заблужденіемъ полагать освободительную миссію Россіи въ ниспроверженіи одного лишь мусульманскаго господства, подъ которымъ томились въ продолженіе пяти вѣковъ ея восточные единовѣрцы. Россія призвана была предохранить ихъ отъ другой опасности, еще болѣе смертельной, которую они ясно сознавали и при одной мысли, о которой приходили въ трепетъ уже ровно двѣсти лѣтъ назадъ. Опасность эта—порабощеніе православнаго Востока германо-латинскимъ Западомъ. Вотъ что говорилъ по означенному поводу въ 1688 году посланецъ восточныхъ патріарховъ архимандритъ Исаія, привезшій царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ въ Москву увѣщательныя грамоты отъ патріарховъ константинопольскаго Діонисія и сербскаго Арсенія, а также отъ валахскаго господаря Щербана Кантакузена: «Онъ-де посланъ отъ всѣхъ грековъ и славянъ умолять великихъ государей воспользоваться удобнымъ временемъ для нападенія на турокъ. Это необходимо сдѣлать и для того, чтобы не отдать православныхъ изъ бусурманской неволи въ неволю худшую. Церковь православно-греческую ненавидятъ папежники. Которые города въ Венгріи и Мореѣ цесарскія и венеціанскія войска побрали у турокъ, повсюду въ нихъ папежники начали обращать православныя церкви къ уніи, другія превращать въ костелы. Если римлянамъ посчастливится впередъ, достанутъ подъ свою власть православно-христіанскія земли, если возьмутъ самый Царьградъ, то православные христіане въ большую погибель придутъ и вѣра православная искоренится. Всѣ православные христіане ожидаютъ государскихъ войскъ съ радостью; да и турки, которые между ними живутъ, лучше поддадутся великимъ государямъ, чѣмъ нѣмцамъ, потому что всѣ они рождены отъ сербовъ, болгаръ и другихъ православныхъ народовъ» [1]).

---

[1]) Московскій архивъ М. И. Д.: дѣла греческія 1688 г.

Слова эти—голосъ исторіи. Они обличаютъ незамолимый грѣхъ современной русской дипломатіи, искавшей путемъ соглашенія съ Западною Европой разрѣшить Восточный вопросъ и даже не подозрѣвавшей, что, поступая такимъ образомъ она, «отдаетъ православныхъ изъ бусурманской неволи въ неволю худшую». Такъ и случилось, и стала «вторая лесть горше первой».

Вотъ она незамысловатая разгадка долгаго ряда невзгодъ, бѣдъ, разочарованій, униженій, понесенныхъ нашею политикою на Востокѣ. Если, не смотря на всѣ наши жертвы, на затраченные милліоны, на потоки драгоцѣнной русской крови, пролитой за освобожденіе восточныхъ христіанъ, они платятъ намъ нынѣ черною неблагодарностью, если румыны и греки, сербы и болгары способны бываютъ порою обращаться въ злѣйшихъ враговъ нашихъ, то виновны въ томъ мы, полное забвеніе нами въ примѣненіи къ внѣшней политикѣ основныхъ историческихъ началъ русской государственной жизни.

Уповая на милость Божію, вѣря въ чудодѣйственную мощь русскаго народнаго духа, мы не считаемъ содѣянное зло непоправимымъ, не отчаяваемся въ надеждѣ видѣть разсѣянными роковыя недоразумѣнія съ братьями нашими по крови и вѣрѣ. Мы даже увѣрены, что отношенія ихъ къ великой Россіи устроятся довольно просто и легко, въ смыслѣ, одинаково требуемомъ ихъ и нашими интересами, какъ только между ими и нами не будетъ чужеземныхъ посредниковъ, болѣе или менѣе честныхъ маклеровъ, какъ только сами мы проникнемся убѣжденіемъ, что Россія—естественное и законное средоточіе, щитъ и опора всего православнаго міра, проникнемся имъ не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Мыслями нашими по этому предмету мы не преминемъ подѣлиться съ читателями въ послѣдующихъ съ ними бесѣдахъ. Настоящую же бесѣду закончимъ напоминаніемъ непреложной истины: что раскаяніе есть первый шагъ къ исправленію; что нельзя и помышлять объ устраненіи гибельныхъ послѣдствій заблужденій, не сознавъ ихъ предварительно; что только подъ этимъ непремѣннымъ условіемъ и возможно «сотворить плодъ, достойный покаянія!»

II.

С.-Петербургъ, 20 января (1 февраля) 1890 г.

Миролюбивыя заявленія Россіи и Франціи.—Согласіе ихъ.—Попытки ихъ разсорить.—Тяготѣніе Франціи къ Россіи.—Поводы къ недоразумѣніямъ: Критъ, Абиссинія, Египетъ, Болгарія.—Дружественное къ Россіи расположеніе французскаго правительства.—Брошура полковника Стоффеля.—Политика г. Спюллера.—Монархисты и буланжисты.—Русская дипломатія.—Россія и Франція одинаково нуждаются другъ въ другѣ.—Выжидательная на Западѣ—русская политика должна быть дѣятельною на Востокѣ. — «Journal de S.-Pétersbourg» и «Le Nord».—Положеніе, занятое Императорскимъ кабинетомъ въ вопросахъ: египетскомъ, абиссинскомъ, критскомъ и болгарскомъ.

Издавна установленный при западно-европейскихъ дворахъ обычай—миролюбивыя заявленія главы государства по случаю новогодняго пріема—не былъ соблюденъ въ нынѣшнемъ году ни въ одной изъ столицъ державъ-участницъ «четверного» союза. О мирѣ на этотъ разъ умолчали члены «Лиги мира». Исключеніе составилъ президентъ Карно, въ рѣчи, обращенной къ дипломатическому корпусу, указавшій на мирныя стремленія Франціи, на желаніе ея жить въ согласіи съ сосѣдями, на готовность французскаго правительства всѣми силами содѣйствовать поддержанію спокойствія вселенной. Двѣ недѣли спустя, мы съ радостью прочитали краснорѣчивое выраженіе того же миролюбія въ заключеніи всеподданнѣйшаго доклада нашего министра финансовъ и еще болѣе властное его подтвержденіе въ Высочайшемъ отвѣтѣ московскому генералъ-губернатору на поздравленія съ наступающимъ годомъ, повергнутыя къ подножію престола отъ имени Первопрестольной Москвы.

Явленіе это не случайное. Оно наглядно свидѣтельствуетъ о тождествѣ направленія въ политикѣ двухъ великихъ державъ, стоящихъ

на противоположныхъ окраинахъ Европы. Если бы промежуточныя государства дѣйствительно дорожили миромъ и равновѣсіемъ этой части свѣта, то они должны были бы радоваться полному согласію, установившемуся между Россіею и Франціею, какъ нельзя лучше обезпечивающему и то, и другое. Между тѣмъ, всѣ усилія ихъ направлены къ тому, чтобы разстроить, разорвать его. Что же это значитъ? А просто, что единеніе Петербурга съ Парижемъ представляется неодолимымъ препятствіемъ къ осуществленію хищническихъ замысловъ никого иного, какъ самихъ заговорщиковъ «Лиги мира».

Но какъ разсорить двѣ державы, путемъ многовѣкового, горькаго историческаго опыта пришедшія наконецъ къ сознанію полной солидарности обоюдныхъ государственныхъ пользъ и потребностей? Средство есть, незамысловатое и не новое. Оно—то самое, къ которому прибѣгалъ Яго, чтобы возбудить Отелло противъ Дездемоны, которымъ вообще съ успѣхомъ пользуются злодѣи въ мелодрамахъ, чтобы разлучить и даже возстановить другъ противъ друга пару влюбленныхъ. Средство это—клевета, возбужденіе взаимнаго недовѣрія, подозрѣній.

И вотъ, одна нѣмецкая газета беззастѣнчиво влагаетъ въ уста президента французской республики заискивающія слова по адресу Германіи. Г. Карно ничего-де не желаетъ столь страстно, какъ полнаго примиренія съ сосѣднею имперіею, и искренно сожалѣетъ, что условія его личнаго положенія не дозволяютъ ему сдѣлать къ тому первый шагъ. Вторая газета подхватываетъ это извѣстіе и присоединяетъ къ нему другое: о намѣреніи президента привѣтствовать императора германскаго въ проѣздъ его чрезъ Мецъ. Третья возбуждаетъ вопросъ о свиданіи г. Карно съ Вильгельмомъ II, каковое свиданіе имѣетъ-де произойти въ Брюсселѣ будущею весною, по поводу празднованія двадцати-пятилѣтней годовщины вступленія на престолъ короля бельгійцевъ.

Всѣ эти вѣсти вызвали во Франціи цѣлую бурю вполнѣ понятнаго и законнаго негодованія. Правительство постигло необходимость дать удовлетвореніе оскорбленному общественному чувству страны. Одинъ изъ друзей министерства, г. Жервиль-Реашъ, по предварительному уговору съ главою кабинета, г. Тираромъ, предъявилъ въ палатѣ депутатовъ запросъ, на который предсѣдатель совѣта министровъ вызвался отвѣтить самъ. Но тутъ встрѣтилось непредвидѣнное затрудненіе. Нѣмецкая дипломатія поставила на видъ французской, что по означенному запросу, пожалуй, возбудятся пренія, ко-

торыя легко-де могутъ повести къ обостренію отношеній Франціи съ Германіей. Волей-неволей пришлось отказаться отъ парламентскаго обсужденія и ограничиться заявленіемъ въ офиціозной «Correspondance Havas», что-де приписанныя берлинскою печатью президенту Карно слова и намѣренія лишены всякаго фактическаго основанія.

Этимъ бы и кончилось дѣло, если бы оппозиціонная печать, монархистская и буланжистская, не придралась къ случаю и въ цѣломъ рядѣ статей не искала распространить слухъ, будто между французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и русскимъ посольствомъ въ Парижѣ произошло охлажденіе, вслѣдствіе якобы отказа перваго идти рука объ руку съ Россіею въ обще-европейскихъ дипломатическихъ вопросахъ. Отсюда недалеко было до заключенія, что настоящее французское правительство враждебно Россіи и что предпочтенія его на сторонѣ соглашенія съ Германіей, тѣснаго сближенія съ нею. Послѣдовали довѣрительныя объясненія съ г. Спюллеромъ буланжистскаго депутата Мильвуа и гласный запросъ въ палатѣ маркиза Бретейля, одного изъ вліятельнѣйшихъ вожаковъ роялистовъ, личнаго друга и довѣреннаго совѣтника графа Парижскаго. Они только подлили масло въ огонь.

Наконецъ, на столбцахъ самой распространенной изъ французскихъ газетъ появились извлеченія изъ брошуры полковника Стофеля, проповѣдующаго не только полное примиреніе Франціи съ Германіей цѣною возвращенія первой Лотарингіи и Эльзаса, но и заключеніе между ними союза оборонительнаго и наступательнаго, прямо направленнаго противъ Россіи и предполагаемыхъ у нея воинственныхъ замысловъ.

Это ли не зловѣщіе признаки чего-то,—по выраженію газеты «Le Nord»—«носящагося въ воздухѣ» и какъ будто свидѣтельствующіе о возвращеніи Франціи къ старымъ политическимъ предразсудкамъ и заблужденіямъ, за которыя она уже столько разъ и такъ дорого поплатилась? Долгъ нашъ внимательно разсмотрѣть этотъ вопросъ, такъ какъ отъ него главнымъ образомъ зависитъ дальнѣйшее направленіе внѣшней политики нашего отечества.

Съ годъ тому назадъ, по поводу нечаянной катастрофы въ Сагалло, намъ пришлось предостерегать русскихъ людей отъ слишкомъ поспѣшныхъ, а потому и опрометчивыхъ сужденій относительно явленій, недостаточно выясненныхъ или разслѣдованныхъ. Послѣдующія событія подтвердили нашъ взглядъ на кровавую развязку Ашиновскаго предпріятія, какъ на роковое

недоразумѣніе. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, мы не отдадимся первому, несомнѣнно непріятному впечатлѣнію, произведенному въ нашей печати доходящими изъ Парижа вѣстями и постараемся, трезво и хладнокровно обсудивъ ихъ, постигнуть ихъ истинный смыслъ и значеніе.

Мы указали на мутный ихъ источникъ, который самъ по себѣ уже не заслуживаетъ большого довѣрія. Французское общество озаботилось къ тому же, выраженіемъ строгаго осужденія враждебнымъ Россіи вѣяніямъ, въ рядѣ заявленій газетъ, принадлежащихъ ко всѣмъ партіямъ и лагерямъ. Не сочувствіе, не дружба, а неудержимое влеченіе французовъ къ Россіи—явленіе всеобщее, стихійное, вошедшее въ плоть и кровь французскаго народа и кореняющееся, какъ въ глубокомъ сознаніи политическихъ ошибокъ прошлаго, такъ и въ инстинктивномъ пониманіи потребностей настоящаго времени, задачъ будущаго. Оно сказывается всегда и всюду, съ трогательною задушевностью и единодушіемъ, съ теплою и неподдѣльною искренностью. Толпа пользуется всякимъ случаемъ, чтобы дать волю одушевляющему ее чувству, то громкими и радостными кликами привѣтствуя президента Карно при посѣщеніи имъ августѣйшаго и побѣдоноснаго вождя русской рати, прибывшаго во Францію съ цѣлью искать исцѣленія отъ тяжкаго недуга, то восторженно рукоплеща исполненію на французской сценѣ великаго произведенія Глинки, обезсмертившаго подвигъ русскаго крестьянина, что̀ положилъ животъ свой за Царя.

И такъ, преданность Россіи французскаго общества, скажемъ болѣе,—всего французскаго народа—внѣ всякаго сомнѣнія. Остаются, слѣдовательно, правящіе круги, правительство республики.

Даже самые заклятые враги настоящаго государственнаго строя, равно какъ и закаленные въ наглости средне-европейскіе офиціозы не дерзаютъ обвинить прямо главу государства во враждебныхъ чувствахъ по отношенію къ Россіи. Они ограничиваются тѣмъ, что косвенно выводятъ ихъ изъ приписываемаго ими же г. Карно желанія сблизиться съ Германіей. Нужды нѣтъ, что президентъ республики не сдѣлалъ пока въ этомъ направленіи ни малѣйшаго «перваго шага», что ему и въ голову не приходило привѣтствовать императора Вильгельма II, ни въ Мецѣ, ни въ какой либо иной мѣстности отторженныхъ отъ Франціи областей. Calomniez — il en restera toujours quelque chose. А тутъ еще можетъ случиться, что, покорный внушеніямъ изъ Берлина, король Леопольдъ II дѣйствительно пригласитъ главу сосѣдней державы посѣтить его въ Брюс-

селѣ въ день празднованія двадцати-пятилѣтней годовщины своего царствованія, къ каковому дню туда же ожидаютъ молодого императора Германіи. Вѣдь это будетъ первый актъ личной вѣжливости европейскаго государя къ президенту республики, на который послѣднему трудно не отвѣчать предупредительною взаимностью. Подивимся же широтѣ и глубинѣ политическихъ разсчетовъ нѣмецкаго канцлера, гибкости и разнообразію его дипломатическихъ пріемовъ. Когда рѣчь идетъ о достиженіи намѣченной цѣли, онъ всего менѣе стѣсняется освященными придворно-канцелярскою рутиною предразсудками. Протестантъ—онъ гласно изъявляетъ благоговѣйное почтеніе папѣ, какъ верховному пастырю римско-католической церкви; убѣжденный монархистъ—онъ, конечно, не поскупится и на выраженія почета и отличія, подобающія главѣ французской республики, какъ представителю великой и могущественной державы, мечъ которой тяжело вѣситъ въ судьбахъ Европы и всего міра. Если состоится предположенное свиданіе г. Карно съ Вильгельмомъ II въ бельгійской столицѣ, то въ правѣ ли будутъ пенять на него тѣ, отъ кого зависѣло предвосхитить у князя Бисмарка мысль о введеніи президента французской республики въ личное общеніе съ европейскими монархами, мысль, конечно смѣлую, но вѣрно разсчитанную на удовлетвореніе національнаго самолюбія французовъ?

Какъ бы то ни было, при существующемъ во Франціи конституціонномъ порядкѣ, глава государства не имѣетъ рѣшающаго вліянія на внѣшнюю политику страны, руководимую и направляемую его отвѣтственнымъ министерствомъ и въ частности,—министромъ иностранныхъ дѣлъ. Вотъ почему намъ важно знать, въ какой степени основательны слухи о разногласіяхъ, будто бы возникшихъ между кабинетами парижскимъ и с.-петербургскимъ?

За послѣднее время, предметомъ переговоровъ между ними служили четыре международные вопроса: объ умиротвореніи Крита, о притязаніяхъ Италіи на дипломатическое представительство въ сношеніяхъ Абиссиніи съ прочими державами, о конверсіи египетскаго долга, о новомъ болгарскомъ займѣ.

По первому изъ этихъ вопросовъ Императорскій кабинетъ предлагалъ заботу объ умиротвореніи возложить на комиссію, состоящую изъ консуловъ, которая явилась бы посредницею между турецкими властями и христіанскимъ населеніемъ острова. Предложеніе это было отклонено всѣми великими державами, въ томъ числѣ и Франціею. По вопросу абиссинскому мы, кажется, разсчитывали на при-

соединеніе французовъ къ нашему протесту противъ итальянскихъ притязаній, а между тѣмъ оказалось, что г. Спюллеръ ограничился простымъ увѣдомленіемъ о полученіи ноты, которою посолъ короля Гумберта извѣстилъ его о состоявшемся договорѣ съ Негусомъ Меноликомъ.

Французская дипломатія оправдываетъ свой образъ дѣйствій слѣдующими соображеніями. На островѣ Критѣ—говоритъ она—Франція прежде всего желаетъ возстановленія порядка и спокойствія, а опытъ доказалъ, что предложенная русскимъ дворомъ мѣра не цѣлосообразна и могла бы только повести къ продленію смуты и неустройствъ. Что же касается до Абиссиніи, то, во-первыхъ, русскій посолъ въ Парижѣ вступилъ въ объясненія съ министромъ иностранныхъ дѣлъ республики лишь пять недѣль по обмѣнѣ нотъ между послѣднимъ и маркизомъ Менабреа, да къ тому же еще французская нота ни мало-де не предрѣшаетъ самой сущности вопроса о притязаніяхъ Италіи, окончательное разрѣшеніе коего послѣдуетъ лишь по сообщеніи великимъ державамъ текста договора, заключеннаго итальянцами съ Негусомъ. За то, по вопросамъ о государственномъ долгѣ, какъ Египта, такъ и Болгаріи, парижскій кабинетъ вполнѣ присоединился къ точкѣ зрѣнія кабинета с.-петербургскаго и призналъ основательность доводовъ и заключеній русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ.

Вотъ къ чему сводится въ дѣйствительности мнимый разладъ французской дипломатіи съ нашею. Въ двухъ дѣлахъ, прямо затрогивающихъ русскіе интересы—мы разумѣемъ Египетъ и Болгарію—она не колеблясь стала на сторону Россіи, не взирая на то, что всѣ прочія великія державы,—замѣтьте всѣ безъ исключенія,—остались при противоположномъ мнѣніи. Допустимъ, что объясненіе ея разногласія съ нами въ вопросахъ критскомъ и абиссинскомъ не исчерпываютъ всѣхъ ея истинныхъ побужденій. Признаемъ, что въ первомъ случаѣ она не захотѣла раздражать англичанъ, во второмъ—итальянцевъ, и притомъ, въ предметахъ несущественныхъ, гдѣ болѣе или менѣе энергическое слово мало измѣняетъ сущность дѣла. Вѣдь если,—разсуждала она—Франція несговорчивостью своею въ пустякахъ навлечетъ на себя гнѣвъ Лондона или Рима и предрасположитъ ихъ къ еще опаснѣйшей связи съ Берлиномъ, а чего добраго, и къ прямому нападенію на нее, соединенными силами «четверного» союза, то кто же поручится ей, что Россія не предоставитъ ее своему жребію, въ отсутствіе положительныхъ обязательствъ, которыя обезпечивали бы Франціи русскую

помощь? Совсѣмъ другое дѣло, если бы взаимное ручательство на случай опасности связывало Францію съ Россіей. Тогда она могла бы смѣло идти рука объ руку со своею гласною союзницею и исповѣдывать согласіе свое съ нею во всѣхъ обще-европейскихъ вопросахъ, большихъ или малыхъ, важныхъ или неважныхъ, господствуя сообща надъ политическимъ положеніемъ во всѣхъ концахъ вселенной.

Отстаивая права Россіи на самостоятельное соображеніе своей внѣшней политики исключительно съ пользами и нуждами русскаго государства и народа, мы не можемъ не признать и за Франціей права руководствоваться, въ данномъ случаѣ, собственными, французскими побужденіями, тѣмъ болѣе, что они не только не исключаютъ полную ея солидарность съ Россіей, а, напротивъ, приводятъ къ необходимости дать ей надежную матеріальную санкцію. Будь мы на мѣстѣ нашего дипломатическаго представителя въ Парижѣ, мы всегда предпочли бы откровенное обсужденіе частныхъ противорѣчій, неизбѣжныхъ во взглядахъ двухъ столь отличныхъ другъ отъ друга державъ, каковы Франція и Россія, чистосердечный обмѣнъ мыслей, который одинъ только и можетъ привести къ ихъ согласованію—слѣпому и безгласному подчиненію французскаго министра нашимъ требованіямъ. Послѣднее не внушило бы намъ ни уваженія, ни довѣрія — этихъ двухъ необходимыхъ условій успѣха во всякомъ общемъ дѣйствіи, и мы скорѣе были бы склонны заподозрить въ немъ двоедушіе, лукавство, намѣренный обманъ. Россіи важно имѣть за себя Францію, а не того или другого министра изъ отставныхъ, мечтающаго о возвращеніи къ власти и разсчитывающаго путемъ угодливости добыть нашу поддержку, чтобы свить себѣ прочное гнѣздо во дворцѣ Орсейской набережной.

Соотвѣтственно сему, намъ пріятно констатировать, что нынѣшнее французское правительство, въ полномъ его составѣ, доказало неоднократно на дѣлѣ, какъ высоко оно цѣнитъ русскую дружбу и готово отвѣчать на нее взаимностью. Напомнимъ, что президентъ Карно не упускалъ ни единаго случая засвидѣтельствовать свое благоговѣйное почтеніе Вѣнценосному Вождю русской земли и членамъ его Царственнаго Дома. Глава кабинета, г. Тираръ, дѣятельно заботится о развитіи торговыхъ связей между Россіей и Франціею. Мы уже упоминали о полномъ единомысліи г. Спюллера съ русскимъ дворомъ, по вопросамъ египетскому и болгарскому, и не его вина, если онъ не былъ приглашенъ присоединиться къ величавому и краснорѣчивому протесту статсъ-

секретаря Гирса противъ возмутительнаго насилія, учиненнаго Англіею надъ Португаліей. Министръ внутреннихъ дѣлъ г. Констанъ зорко наблюдаетъ за нашими соціально-революціонными выходцами. Энергическое содѣйствіе, оказанное министромъ финансовъ республики г. Рувье нашимъ банковымъ операціямъ на парижскомъ рынкѣ, доставило ему вполнѣ заслуженную награду—крестъ св. Анны первой степени. Мы знаемъ, что министръ народнаго просвѣщенія г. Фальеръ, щедрый на отличія ученымъ, писателямъ и художникамъ, близко принимаетъ къ сердцу успѣхи русской науки, литературы, искусства, и искренно сожалѣемъ, что всѣмъ понятныя причины не позволяютъ намъ распространиться о существенныхъ услугахъ, оказанныхъ Россіи военнымъ министромъ г. де-Фрейсинэ и его товарищемъ, министромъ морскимъ.

Въ сопоставленіи со всѣми этими положительными фактами представляются лишенными всякаго значенія праздныя измышленія, которыми наполнилъ свою брошуру бывшій военный агентъ Наполеона III въ Берлинѣ, очевидно соскучившійся двадцати-лѣтнимъ вынужденнымъ покоемъ, давно не состоящій на дѣйствительной службѣ, престарѣлый полковникъ Стофель. Не смотря на это, мы все же остановимся на его досужемъ произведеніи и попытаемся критически отнестись къ проповѣдуемому имъ ученію о необходимости для Франціи, примирясь съ Германіей, примкнуть къ направленному противъ Россіи и поддержанному Англіею союзу среднеевропейскихъ государствъ.

Начнемъ съ того, что нѣмецкая печать единогласно отвергла исходную точку политической системы г. Стофеля, заключающуюся въ гипотезѣ добровольнаго возвращенія Франціи Германіею Лотарингіи и Эльзаса, и что ни одна французская газета, не исключая и той, что пріютила брошуру отставного полковника на своихъ столбцахъ, не откликнулась сочувственно на развиваемыя въ ней положенія. Въ этомъ смыслѣ отличилась одна лишь наша псевдодипломатическая газета, давно ставшій притчею во языцѣхъ «Journal de St. Pétersbourg», воспроизведшій ее почти цѣликомъ, опустивъ лишь дышащее злобой на Россію заключеніе, такъ что рѣдкіе читатели нашего офиціоза могутъ подумать, что въ ней идетъ рѣчь ни о чемъ иномъ, какъ объ установленіи на землѣ вѣчнаго мира, то есть о той самой международной идилліи, которая составляетъ, какъ извѣстно, политическій идеалъ самого г. Горна.

Въ сущности вотъ къ чему сводится эта идиллія:

«Такое разрѣшеніе задачи»—подъ нимъ г. Стофель разумѣетъ оборонительный и наступательный союзъ Франціи съ Германіей—«должно вызвать на размышленіе нѣмецкихъ государственныхъ людей, которые, повидимому, и не подозрѣваютъ опасность, угрожающую просвѣщеннымъ націямъ Европы. Грозитъ она съ Востока, гдѣ она постоянно ростетъ, медленно, но непреложно. Не нужно долго размышлять о Европѣ, чтобы придти къ убѣжденію, что вслѣдствіе несогласій, раздѣляющихъ народы, Россія, рано или поздно, захватитъ придунайскія области. Тогда она сдавитъ Европу отъ Балтійскаго моря до Архипелага, будучи сама ограждена этими двумя морями съ фланговъ и не подвергаясь опасности быть обойденною. Располагая многочисленными моряками острововъ Архипелага, она скоро достигнетъ до береговъ Адріатики и до Тріеста. Стоитъ только воцариться въ ней государю, изъ породы завоевателей, и разъединенные народы Запада не будутъ въ состояніи противиться могучему натиску славянскаго племени. То будетъ война цивилизаціи противъ варварства, и наступитъ, быть можетъ, минута, когда исполнится пророчество Наполеона I, на островѣ св. Елены, и Европа станетъ республиканскою или казацкою».

Въ разглагольствіяхъ бонапартиста не у дѣлъ поражаетъ насъ больше всего удивительное сходство ихъ съ мыслями, развитыми по тому же предмету и почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ однимъ изъ присяжныхъ органовъ нѣмецкой государственной канцеляріи, «Національной Газетою», всего за два или за три дня до появленія въ «Фигаро» пространныхъ выписокъ изъ занимающей насъ брошуры. Тѣмъ бо̀льшее значеніе получаетъ окончательный выводъ, къ которому приходитъ г. Стофель. «Союзъ Германіи съ Франціей»—говоритъ онъ, — «предотвратилъ бы навѣрняка эту грозную случайность будущаго, ибо собственною силою увлекъ бы Австрію, Италію, Турцію и второстепенныя страны. Такъ составилась бы Лига государствъ Европы, которыя, обратясь фронтомъ къ Востоку, всегда были бы готовы остановить Россію въ ея честолюбивыхъ предпріятіяхъ и, въ частности, воспрепятствовать ей овладѣть придунайскими областями. То была бы лига европейской свободы и цивилизаціи».

Читая эти широковѣщательныя фразы, невольно припоминаешь слѣдующее, вполнѣ ими подтверждаемое замѣчаніе русскаго министра-патріота, графа Ѳ. В. Ростопчина: «Для настоящаго времени прошедшее есть самый полезнѣйшій урокъ, но, къ несчастью человѣ-

ческаго рода, все забывается, и люди живые думаютъ всегда быть умнѣе умершихъ».

Вѣдь та политика, что́ нынѣ столь усердно проповѣдуется полковникомъ Стофелемъ, давно уже извѣдана на опытѣ. Она—та самая политика, которой слѣдовалъ Наполеонъ III, мнившій выступить въ Крымской войнѣ передовымъ бойцомъ за свободу и цивилизацію Европы. Ему также представлялась «варварская» Россія вѣчною угрозою «просвѣщенному» Западу, и призрачная опасность русскаго завоеванія заслоняла въ его воображеніи опасность дѣйствительную, заключавшуюся для Франціи въ хищническихъ замыслахъ нѣмцевъ, зарившихся на пограничныя французскія области. Заблужденіе это раздѣляло съ нимъ, впрочемъ, и значительное большинство при дворѣ, въ палатахъ, въ печати, въ обществѣ, словомъ общественное мнѣніе страны.

Громовой ударъ, разразившійся надъ Франціей въ 1870 году, отрезвилъ, образумилъ французовъ. Дорого поплатились они за легкомысленное увлеченіе политическими теоріями и за принесеніе имъ въ жертву существенныхъ интересовъ родины. Третья республика во внѣшней политикѣ своей отреклась навсегда отъ пагубныхъ заблужденій второй имперіи, строгимъ и неумолимымъ обличителемъ коихъ былъ Гамбетта. Самъ онъ выработалъ новую политическую программу, въ основаніе которой положено сближеніе съ Россіей, естественной союзницей Франціи. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода предположить, что программа эта измѣнена или оставлена нынѣшними правителями республики, всего менѣе г. Спюллеромъ, вѣрнымъ другомъ и преданнымъ послѣдователемъ Гамбетты, блюстителемъ его преданій и исполнителемъ завѣтовъ. Нахожденіе его у власти служитъ намъ, напротивъ, надежнѣйшимъ ручательствомъ за то, что современная Франція не уклонится съ пути, предначертаннаго ей самымъ даровитымъ изъ ея государственныхъ людей новѣйшей эпохи, съ пути, шествуя которымъ она не только залечила старыя свои раны, но и обновилась въ развитіи производительныхъ силъ своихъ, снова обезпечивающихъ ей подобающее мѣсто въ кругу перворазрядныхъ европейскихъ государствъ.

И такъ, опасность франко-русскому соглашенію грозитъ никакъ не со стороны французскаго правительства. Вредно можетъ отразиться на немъ лишь непрошенное вмѣшательство въ дѣло разныхъ самозванныхъ и безпокойныхъ искателей приключеній, съ сомнительною репутаціею, ихъ компрометирующія выходки, да усилія

оппозиціонной печати, стремящейся обратить его какъ бы въ свою монополію. При громадномъ обаяніи, коимъ пользуется нынѣ русское имя во Франціи, и тѣмъ, и другимъ, выгодно эксплоатировать его въ свою пользу. Политическія партіи, находящіяся не у дѣлъ, и прибѣгаютъ къ Россіи, какъ къ излюбленному орудію въ борьбѣ съ противниками, располагающими властью, стараясь во что бы ни стало выставить послѣднихъ въ качествѣ если не нашихъ недруговъ, то, по меньшей мѣрѣ, недоброжелателей. Отсюда всѣ поименованные выше слухи, росказни, сплетни, разсчитанные на наше легковѣріе, на невозможность для насъ подвергнуть ихъ строгой и безпристрастной провѣркѣ. Разсчетъ оппозиціи простъ: если по французской поговоркѣ: «друзья нашихъ друзей суть и наши друзья», то почему же ей не попытаться выдать своихъ враговъ за враговъ Россіи?

Мы оставляемъ открытымъ вопросъ: дѣйствительно ли французскіе монархисты или буланжисты такъ беззавѣтно преданы Россіи, какъ сами увѣряютъ насъ въ томъ, но мы знаемъ, что дружба ихъ во всякомъ случаѣ безплодна для нашего отечества. Строить на ней нашу политику во Франціи, ожидать отъ нея усиленія тамъ русскаго вліянія, не все ли равно, что искать пріобрѣсти дружбу Италіи чрезъ бывшаго короля неаполитанскаго, расположеніе князя Бисмарка чрезъ сына ганноверскаго короля? Въ Болгаріи, гдѣ мы такъ долго прибѣгали именно къ подобнымъ пріемамъ, печальный опытъ долженъ былъ бы убѣдить насъ, что всякое вмѣшательство во внутреннія дѣла чужой страны можетъ только вредно отразиться на международныхъ къ ней отношеніяхъ. Да притомъ и Франція—не Болгарія. При всей личной скромности, государственные люди, ею правящіе, проникнуты сознаніемъ ея достоинства, какъ великой міровой державы, самостоятельно распоряжающейся своей судьбой.

Спѣшимъ оговорить, что такъ и смотритъ на нее русская дипломатія, всегда тщательно избѣгавшая какихъ либо болѣе или менѣе тайныхъ связей съ монархическою или буланжисткою оппозиціей. Къ несчастію, нельзя сказать того же о предпочтеніяхъ, которыя она неоднократно выказывала тѣмъ или другимъ оттѣнкамъ въ средѣ самой правительственной партіи и даже отдѣльнымъ лицамъ, послѣдовательно занимавшимъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ, при чемъ не всегда одно и то же лицо являлось persona grata въ Парижѣ, въ улицѣ Гренель, и въ Петербургѣ, у Пѣвческаго моста. Мы желали бы одинаково ровнаго и привѣтливаго отношенія

нашихъ дипломатовъ ко всѣмъ безъ различія представителямъ правительственной власти во Франціи, доколѣ они, со своей стороны, прямять и дружать Россіи. Только подъ этимъ условіемъ возможно водвореніе между обоими кабинетами полнаго и невозмутимаго согласія, столь настоятельно вызываемаго обоюдными потребностями, какъ Франціи, такъ и Россіи.

Повторяемъ: обѣ державы въ равной мѣрѣ нуждаются одна въ другой.

Для Франціи вопросъ о союзѣ съ Россіей—вопросъ о жизни или смерти. Признавъ возможнымъ невозможное, допустивъ даже, что, въ случаѣ войны съ русскими, Германія рѣшится купить нейтралитетъ или содѣйствіе Франціи возвращеніемъ ей отторженныхъ въ 1870—71 годахъ областей, кто же помѣшаетъ нѣмцамъ, послѣ расправы съ Россіей, снова отнять уже не одну Лотарингію съ Эльзасомъ, но и множество другихъ французскихъ земель, пригодныхъ для округленія нѣмецкой имперіи или ея союзниковъ? Съ отличающею его грубою откровенностью князь Бисмаркъ давно уже возвѣстилъ міру, что участь, уготовляемая имъ Франціи—расчлененіе ея, расторженіе вѣкового ея національнаго единства, образованіе на ея обломкахъ нѣсколькихъ полу-независимыхъ отдѣльныхъ государствъ.

Для Россіи—союзная связь съ французами имѣетъ нѣсколько иное, впрочемъ не менѣе важное, значеніе. Отстоять нашу государственную цѣлость и самостоятельность въ открытой борьбѣ съ Западною Европой мы, дастъ Богъ, возможемъ и безъ ихъ помощи. Но союзъ Франціи представляется намъ единственнымъ средствомъ, чтобъ держать въ уздѣ средне-европейскую коалицію и, отвлекая ея вниманіе и силы отъ Востока, бодро и смѣло приступить къ проведенію на Балканскомъ полуостровѣ самобытной русской политики.

Что выжидательная на Западѣ, политика Россіи должна быть дѣятельною на Востокѣ—признается, повидимому, и нашимъ дипломатическимъ вѣдомствомъ, въ продолженіе послѣдняго мѣсяца возбудившимъ, въ переговорахъ своихъ съ великими державами, не малое число частныхъ вопросовъ, именно по восточнымъ дѣламъ. Выше мы уже упомянули о заявленіяхъ Императорскаго кабинета по вопросамъ египетскому, абиссинскому, критскому и болгарскому.

Не безъ грусти и сожалѣнія вынуждены мы замѣтить, что за отсутствіемъ всякихъ офиціальныхъ сообщеній нашего правительства о ходѣ внѣшнихъ дѣлъ, намъ не остается ничего другого, какъ почерпать свѣдѣнія о нихъ изъ иностранныхъ источниковъ. Мы

предпочитаемъ вовсе не пользоваться тѣми отрывочными извѣстіями, которыя, время отъ времени, встрѣчаемъ на столбцахъ двухъ изданій, считающихся посвященными въ наши дипломатическія тайны: «Journal de St.-Pétersbourg» и «Le Nord»,—до такой степени ихъ слащавый и подобострастный тонъ претитъ нашему русскому чувству, а возмутительное содержаніе оскорбляетъ завѣтныя наши національныя думы и вѣрованія. Мы рѣшительно недоумѣваемъ, почему министерство иностранныхъ дѣлъ избрало въ повѣренные своихъ дѣйствій и помысловъ эти два чужеземные листка, отдавъ имъ предпочтеніе предъ всѣми независимыми органами отечественной печати. Неужели мы, русскіе, православные люди, меньше понимаемъ толкъ въ дѣлахъ нашей родины, чѣмъ издающіе эти листки, итальянскій разночинецъ въ Брюсселѣ и венгерскій еврей въ Петербургѣ, неужели меньше ихъ любимъ Россію, знаемъ ея исторію, заинтересованы въ ея величіи и благоденствіи? Неужели ихъ патріотизмъ чище и выше нашего, поведеніе безкорыстнѣе, или, быть можетъ, совсѣмъ наоборотъ, считается болѣе сподручнымъ ввѣрять наемникамъ заботу о нашихъ семейныхъ дѣлахъ, съ устраненіемъ отъ нихъ прирожденныхъ членовъ великой русской семьи, вѣрныхъ подданныхъ Русскаго Государя, плотью и духомъ сыновъ русскаго народа?

Дипломатическія предубѣжденія противъ насъ не помѣшаютъ намъ, однако, признать, что, насколько намъ извѣстны перечисленныя выше заявленія Императорскаго кабинета, они всѣ исходятъ изъ основныхъ преемственныхъ началъ русской государственной жизни, хотя и не въ равной мѣрѣ отвѣчаютъ практическимъ потребностямъ русской политики.

Поставивъ условіемъ своего согласія на конверсію египетскаго займа предварительное и точное опредѣленіе срока выступленія англійскихъ войскъ изъ Египта, русскій дворъ ясно далъ понять, кому слѣдуетъ, что присутствіе этихъ войскъ въ области, считающейся нераздѣльною частью Оттоманской имперіи, есть ни что иное, какъ актъ произвола и насилія, не узаконенный ни дозволеніемъ Порты, ни полномочіемъ великихъ державъ, а потому и составляетъ вопіющее нарушеніе международныхъ договоровъ, опредѣляющихъ настоящее положеніе Востока.

Столь же основателенъ отказъ Императорскаго кабинета принять къ свѣдѣнію сообщеніе итальянскаго правительства о заключеніи договора съ Абиссиніею, въ силу коего дипломатическія сношенія съ этою страною могутъ производиться не иначе, какъ чрезъ посред-

ство Квиринальскаго двора. Абиссинія — государство независимое, населенное племенемъ, исповѣдующимъ вѣру, близко подходящую къ ученію православной церкви, и этого одного уже достаточно, чтобы побудить насъ отклонить притязаніе Италіи, ни мало не обязательное для державъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго повода жертвовать ея вожделѣніямъ и прихотямъ свободою своихъ дѣйствій на западномъ побережьи Краснаго моря.

Обращеніе нашего министерства иностранныхъ дѣлъ къ главнымъ европейскимъ дворамъ по критскому вопросу свидѣтельствуетъ также о вѣрности его преданіямъ русской политики на Востокѣ, заключающимся въ томъ, чтобы при всякомъ столкновеніи христіанъ съ мусульманами брать первыхъ подъ свою защиту, и, по мѣрѣ возможности, стараться достигнуть улучшенія ихъ участи. Бѣда, однако, заключается въ томъ, что, какъ показываетъ опытъ, предстательство за нихъ предъ Портою и великими державами рѣдко приводило насъ къ желаемой цѣли. Зависѣло это оттого, что съ одной стороны турки, при всей доброй волѣ, все же оказывались неспособными ввести такое управленіе, которое удовлетворило бы христіанъ; съ другой стороны «европейскій концертъ» всегда устраивалъ дѣло такъ, что либо оставлялъ наши заявленія безъ вниманія, либо заводилъ въ балканскихъ земляхъ порядокъ, при которомъ положеніе христіанъ хотя и измѣнялось въ ихъ пользу, но непремѣнно въ нашъ ущербъ. Таковы были доселѣ горькіе плоды, пожинаемые нами на Востокѣ при каждой нашей попыткѣ улучшить участь мѣстнаго христіанскаго населенія посредствомъ общеевропейскаго соглашенія. Не слѣдуетъ ли замѣтить, что мы благоразумнѣе поступимъ, если станемъ осуществлять великодушныя наши намѣренія по отношенію къ единовѣрцамъ нашимъ на свой страхъ, не прибѣгая къ соучастію государствъ Запада, мало заботящихся о благѣ восточныхъ христіанъ и привыкшихъ лишь прикрываться имъ, какъ предлогомъ, для удовлетворенія собственныхъ своекорыстныхъ видовъ?

Не мы, конечно, станемъ отрицать несомнѣнное право Россіи протестовать противъ заключенія послѣдняго болгарскаго займа, но мы предпочли бы, если бы за протестомъ послѣдовало энергическое требованіе немедленной уплаты всѣхъ причитающихся русской казнѣ съ Болгаріи платежей за минувшіе четыре года. Чѣмъ менѣе остается у насъ надежды на покаяніе нынѣшняго софійскаго правительства, тѣмъ безпощаднѣе, казалось бы, слѣдуетъ намъ обращаться съ нимъ и, за временною невозможностью, на-

предпочитаемъ вовсе не пользоваться тѣми отрывочными извѣстіями, которыя, время отъ времени, встрѣчаемъ на столбцахъ двухъ изданій, считающихся посвященными въ наши дипломатическія тайны: «Journal de St.-Pétersbourg» и «Le Nord»,—до такой степени ихъ слащавый и подобострастный тонъ претитъ нашему русскому чувству, а возмутительное содержаніе оскорбляетъ завѣтныя наши національныя думы и вѣрованія. Мы рѣшительно недоумѣваемъ, почему министерство иностранныхъ дѣлъ избрало въ повѣренные своихъ дѣйствій и помысловъ эти два чужеземные листка, отдавъ имъ предпочтеніе предъ всѣми независимыми органами отечественной печати. Неужели мы, русскіе, православные люди, меньше понимаемъ толкъ въ дѣлахъ нашей родины, чѣмъ издающіе эти листки, итальянскій разночинецъ въ Брюсселѣ и венгерскій еврей въ Петербургѣ, неужели меньше ихъ любимъ Россію, знаемъ ея исторію, заинтересованы въ ея величіи и благоденствіи? Неужели ихъ патріотизмъ чище и выше нашего, поведеніе безкорыстнѣе, или, быть можетъ, совсѣмъ наоборотъ, считается болѣе сподручнымъ ввѣрять наемникамъ заботу о нашихъ семейныхъ дѣлахъ, съ устраненіемъ отъ нихъ прирожденныхъ членовъ великой русской семьи, вѣрныхъ подданныхъ Русскаго Государя, плотью и духомъ сыновъ русскаго народа?

Дипломатическія предубѣжденія противъ насъ не помѣшаютъ намъ, однако, признать, что, насколько намъ извѣстны перечисленныя выше заявленія Императорскаго кабинета, они всѣ исходятъ изъ основныхъ преемственныхъ началъ русской государственной жизни, хотя и не въ равной мѣрѣ отвѣчаютъ практическимъ потребностямъ русской политики.

Поставивъ условіемъ своего согласія на конверсію египетскаго займа предварительное и точное опредѣленіе срока выступленія англійскихъ войскъ изъ Египта, русскій дворъ ясно далъ понять, кому слѣдуетъ, что присутствіе этихъ войскъ въ области, считающейся нераздѣльною частью Оттоманской имперіи, есть ни что иное, какъ актъ произвола и насилія, не узаконенный ни дозволеніемъ Порты, ни полномочіемъ великихъ державъ, а потому и составляетъ вопіющее нарушеніе международныхъ договоровъ, опредѣляющихъ настоящее положеніе Востока.

Столь же основателенъ отказъ Императорскаго кабинета принять къ свѣдѣнію сообщеніе итальянскаго правительства о заключеніи договора съ Абиссиніею, въ силу коего дипломатическія сношенія съ этою страною могутъ производиться не иначе, какъ чрезъ посред-

ство Квиринальскаго двора. Абиссинія — государство независимое, населенное племенемъ, исповѣдующимъ вѣру, близко подходящую къ ученію православной церкви, и этого одного уже достаточно, чтобы побудить насъ отклонить притязаніе Италіи, ни мало не обязательное для державъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго повода жертвовать ея вожделѣніямъ и прихотямъ свободою своихъ дѣйствій на западномъ побережьи Краснаго моря.

Обращеніе нашего министерства иностранныхъ дѣлъ къ главнымъ европейскимъ дворамъ по критскому вопросу свидѣтельствуетъ также о вѣрности его преданіямъ русской политики на Востокѣ, заключающимся въ томъ, чтобы при всякомъ столкновеніи христіанъ съ мусульманами брать первыхъ подъ свою защиту, и, по мѣрѣ возможности, стараться достигнуть улучшенія ихъ участи. Бѣда, однако, заключается въ томъ, что, какъ показываетъ опытъ, предстательство за нихъ предъ Портою и великими державами рѣдко приводило насъ къ желаемой цѣли. Зависѣло это оттого, что съ одной стороны турки, при всей доброй волѣ, все же оказывались неспособными ввести такое управленіе, которое удовлетворило бы христіанъ; съ другой стороны «европейскій концертъ» всегда устраивалъ дѣло такъ, что либо оставлялъ наши заявленія безъ вниманія, либо заводилъ въ балканскихъ земляхъ порядокъ, при которомъ положеніе христіанъ хотя и измѣнялось въ ихъ пользу, но непремѣнно въ нашъ ущербъ. Таковы были доселѣ горькіе плоды, пожинаемые нами на Востокѣ при каждой нашей попыткѣ улучшить участь мѣстнаго христіанскаго населенія посредствомъ общеевропейскаго соглашенія. Не слѣдуетъ ли замѣтить, что мы благоразумнѣе поступимъ, если станемъ осуществлять великодушныя наши намѣренія по отношенію къ единовѣрцамъ нашимъ на свой страхъ, не прибѣгая къ соучастію государствъ Запада, мало заботящихся о благѣ восточныхъ христіанъ и привыкшихъ лишь прикрываться имъ, какъ предлогомъ, для удовлетворенія собственныхъ своекорыстныхъ видовъ?

Не мы, конечно, станемъ отрицать несомнѣнное право Россіи протестовать противъ заключенія послѣдняго болгарскаго займа, но мы предпочли бы, если бы за протестомъ послѣдовало энергическое требованіе немедленной уплаты всѣхъ причитающихся русской казнѣ съ Болгаріи платежей за минувшіе четыре года. Чѣмъ менѣе остается у насъ надежды на покаяніе нынѣшняго софійскаго правительства, тѣмъ безпощаднѣе, казалось бы, слѣдуетъ намъ обращаться съ нимъ и, за временною невозможностью, на-

носить ему болѣе чувствительные удары, бить его, по крайней мѣрѣ, по карману. Тогда произойдетъ одно изъ двухъ: или г. Стамбуловъ внесетъ намъ слѣдующія суммы, или же мы получимъ право обезпечить ихъ матеріальными гарантіями, выборъ коихъ будетъ зависѣть онъ насъ.

Такая мѣра вовсе не исключаетъ разрѣшеніе болгарскаго вопроса въ смыслѣ, указанномъ въ предшедшихъ нашихъ бесѣдахъ, а напротивъ, по крайнему нашему разумѣнію, должна именно приблизить насъ къ нему. Напрасно нѣкоторые органы русской печати приписываютъ намъ намѣреніе во что бы ни стало примириться съ существующимъ нынѣ въ Болгаріи порядкомъ вещей. Мы только придерживаемся мнѣнія, что необходимо тщательно выяснить настоящее положеніе этой страны и либо вызвать ее на сближеніе на почвѣ обоюдной пользы, либо разъ навсегда вычеркнуть болгаръ изъ числа народовъ, осѣняемыхъ крылами русскаго двуглаваго орла.

«Ужъ если», выражаясь стихомъ Грибоѣдова, «рождены мы все перенимать», то почему бы не вдохновиться намъ мудрымъ изреченіемъ великаго политическаго учителя нашего времени, какъ нельзя болѣе примѣнимымъ къ нынѣшнимъ отношеніямъ русской дипломатіи къ Болгаріи. «Идеи наказанія, награжденія и мести» — поучаетъ князь Бисмаркъ — «совершенно исключены изъ политики, соображаться же съ ними равносильно извращенію самаго ея смысла. Она предоставляетъ Божественному Провидѣнію и Тому, кто располагаетъ судьбами царствъ, карать государей и народы, преступившіе нравственный законъ. Она не имѣетъ ни обязанности, ни права изображать изъ себя судью. При какихъ бы ни было обстоятельствахъ, ей слѣдуетъ лишь поставить себѣ вопросъ: въ чемъ здѣсь благо моей страны? какимъ способомъ можно достигнуть наибольшей выгоды для моей страны? Сентиментальность такъ же мало умѣстна въ политикѣ, какъ и въ торговомъ дѣлѣ. Задача политики не мстить за прошлое, а заботиться о томъ, чтобы оно не возобновлялось».

III.

С.-Петербургъ, 23 февраля (7 марта) 1890 г.

Международная конференція по робочему вопросу въ Берлинѣ. — Разногласіе между императоромъ Вильгельмомъ II и княземъ Бисмаркомъ.—Участіе Франціи въ Берлинскомъ съѣздѣ.—Оппозиціонные партіи во Франціи.—«Инцидентъ» герцога Орлеанскаго.—Венгерскія дѣла: Андраши и Тисса вовлекаютъ Австро-Венгрію въ тѣсный союзъ съ Германіей. — Захватъ Босніи и Герцеговины. — Восточная политика вѣнскаго двора.

Въ Германіи—на очереди рабочій вопросъ, постановленный никѣмъ инымъ, какъ самимъ императоромъ. Обсуждаетъ его, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Вильгельма II, прусскій государственный совѣтъ, въ составъ котораго привлечены ремесленники и подмастерья. Всѣ державы Запада приглашены принять участіе въ созываемомъ въ Берлинѣ международномъ совѣщаніи для изысканія средствъ и способовъ къ повсемѣстному улучшенію быта рабочихъ.

Мы не намѣрены входить въ разсмотрѣніе этого сложнаго предмета по существу. Условія русскаго производства такъ отличны отъ тѣхъ, которыя установились въ Западной Европѣ, что успѣхъ или неудача замышляемыхъ царственнымъ соціалистомъ нововведеній въ этой области останется безъ всякаго воздѣйствія на положеніе рабочаго дѣла въ Россіи. Это позволяетъ намъ оставаться совершенно равнодушными къ тому, какъ отразятся они на взаимныхъ отношеніяхъ труда и капитала, какъ повліяютъ на развитіе промышленности и торговли, въ чемъ видоизмѣнятъ нынѣшній порядокъ распредѣленія богатствъ между сословіями? Всѣ эти вопросы имѣютъ для насъ смыслъ и значеніе лишь въ примѣненіи къ нашему отечеству, а волноваться изъ-за того, какъ разрѣшатъ ихъ наука и законодательство на Западѣ—не дѣло русскихъ людей.

Но съ другой стороны, мы не можемъ не признать ихъ важности для внутренняго состоянія Германіи, коимъ несомнѣнно обусловливается ея внѣшнее могущество. Мы слышимъ также, что общность хозяйственныхъ ея интересовъ съ такими же интересами прочихъ западныхъ державъ, можетъ создать почву, благопріятную и для политическаго ихъ сближенія. Съ этой двойной точки зрѣнія мы и коснемся въ нашей бесѣдѣ вышеуказанной «злобы дня».

Внѣшній блескъ, коимъ со дня основанія окружена новосозданная Германская имперія, желѣзная броня, въ которую она закована, скрывали до недавняго времени отъ нашихъ взоровъ ея внутреннія отношенія, таившіеся въ глубинѣ ея зародыши домашнихъ смутъ и междоусобій. Германію воплощалъ предъ Европой исполинскій образъ нѣмецкаго канцлера, являвшагося полновластнымъ распорядителемъ ея судебъ, альфой и омегой ея государственнаго устройства. Въ нашемъ воображеніи онъ заслонялъ не только подчиненный ему личный правительственный составъ, народное представительство, но и весь сорокамилліонный нѣмецкій народъ, дробящійся на нѣсколько политическихъ партій, у каждой изъ которыхъ—свои задачи, завѣты, вѣрованія. Въ Нѣмецкой землѣ, какъ и въ прочихъ странахъ Запада, независимо отъ распредѣленія на партіи, различныя сословія стоятъ другъ ко другу въ отношеніяхъ недружелюбныхъ, порою прямо враждебныхъ. Мѣщанство (Bürgerthum) завидуетъ правамъ и преимуществамъ, которыя законъ и обычай укрѣпили за дворянствомъ (Adel); рабочій-пролетарій ненавидитъ капиталиста-хозяина, эксплоатирующаго трудъ. Въ народномъ хозяйствѣ—противорѣчіе между интересами земледѣлія и промышленности; въ области мысли и совѣсти—глубокій антагонизмъ между либералами и консерваторами, католиками и протестантами. Сѣверный нѣмецъ не ладитъ съ южнымъ, а на окраинахъ имперіи, поляки Познани, датчане Шлезвига, населеніе Лотарингіи и Эльзаса продолжаютъ при каждомъ случаѣ проявлять свои центробѣжныя стремленія. Мы указали лишь на нѣкоторые, наиболѣе бросающіеся въ глаза, признаки розни и раздора, но и ихъ достаточно, чтобы убѣдиться, что внѣшнему единству нѣмецкаго народа далеко не соотвѣтствуетъ настоящая, крайне недостаточная степень его объединенія внутренняго.

Двадцати-пятилѣтняя диктатура князя Бисмарка, до послѣдняго времени одинаково распространявшаяся какъ на внѣшнюю, такъ и на внутреннюю политику Германіи, сдерживала наружное проявленіе перечисленныхъ нами противорѣчій, но, конечно, не содѣй-

ствовала ихъ примиренію или устраненію. Побудительною причиной той податливости, съ которою нѣмецкіе избиратели посылали доселѣ въ имперскій парламентъ депутатовъ, въ безмолвіи склонявшихся предъ желѣзною волею канцлера, былъ искусно возбужденный имъ самимъ страхъ предъ двумя опасностями, грозящими имперіи: соціалъ-демократія внутри и франко-русскій союзъ извнѣ. Въ убѣжденіи большинства нѣмцевъ, князь Бисмаркъ одинъ располагалъ достаточною духовною мощью, чтобы разсѣять эти два роковые призрака. Но канцлеръ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ. Демократическій соціализмъ ростетъ и усиливается не по днямъ, а по часамъ; болѣе чѣмъ когда либо Россія и Франція обнаруживаютъ взаимное тяготѣніе. Отсюда протестъ, выразившійся въ результатѣ недавнихъ выборовъ въ рейхстагъ: пораженіе правительственной картели (сдѣлки націоналъ-либераловъ съ консерваторами) и торжество оппозиціонныхъ партій: центра, свободомыслящихъ и соціалъ-демократовъ.

Весьма вѣроятно, что желаніе предотвратить такой исходъ выборовъ руководило Вильгельмомъ II, когда онъ громко и торжественно возбудилъ рабочій вопросъ, заявивъ о намѣреніи своемъ разрѣшить его законодательнымъ путемъ. Императорскій починъ въ этомъ дѣлѣ, если и повліялъ на избирателей, то лишь въ томъ смыслѣ, что какъ бы подтвердилъ имъ основательность притязаній соціалистовъ и тѣмъ содѣйствовалъ успѣху послѣднихъ. Во всякомъ случаѣ, новый составъ парламента и преобладаніе въ немъ противоправительственнаго большинства лишаютъ заранѣе проекты законовъ, надъ разработкою которыхъ трудится нынѣ прусскій государственный совѣтъ, всякаго практическаго значенія, такъ какъ слѣдуетъ ожидать неизбѣжнаго отверженія ихъ рейхстагомъ.

Если справедливы слухи о разногласіи между императоромъ и канцлеромъ по рабочему вопросу, то нельзя не подивиться лишній разъ государственной прозорливости князя Бисмарка, ясный и трезвый умъ котораго всегда предохранялъ его отъ увлеченій и побуждалъ искать исхода изъ затрудненій исключительно на почвѣ историческаго опыта и холоднаго политическаго разсчета. Страстная натура молодого императора внушаетъ ему, повидимому, иной образъ дѣйствій. Но кто легко воспламеняется—разочаровывается еще быстрѣе. Является потребность въ оправданіи. Странно, однако, звучатъ въ устахъ Вильгельма II объясненія его охоты къ путешествіямъ, гласное исповѣданіе политическихъ откровеній, почерпаемыхъ «въ созерцаніи звѣзднаго неба, на открытомъ морѣ», съ не-

ожиданнымъ заключеніемъ, «что если нападутъ на него, то вмѣстѣ съ нимъ будетъ сражаться многочисленное и доблестное войско». Кто любитъ въ словѣ такіе стремительные переходы отъ одного впечатлѣнія къ другому, противоположному, способенъ къ нимъ и на дѣлѣ, а это представляетъ серьезную опасность для Европы, если взять во вниманіе, что отъ императора германскаго въ значительной мѣрѣ зависитъ разрѣшеніе вопроса: быть миру или войнѣ?

Вотъ почему мы склонны видѣть въ разосланномъ державамъ приглашеніи собраться на совѣщаніе въ Берлинѣ для обсужденія обще-европейскихъ экономическихъ дѣлъ не столько гарантію мира, какъ протрубила о томъ нѣмецкая офиціозная печать, сколько попытку установить хозяйственную солидарность западныхъ государствъ, мало-по-малу имѣющую перейти въ солидарность политическую, съ цѣлью сплотить воедино всѣ ихъ силы, въ виду предстоящей въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ неизбѣжной борьбы германо-латинскаго Запада съ православнымъ Востокомъ.

Но въ такомъ случаѣ, какъ же должна Россія взирать на изъявленное Франціей согласіе участвовать въ Берлинской конференціи?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ въ зависимости отъ предварительнаго разрѣшенія другого вопроса: можетъ ли присутствіе французскихъ делегатовъ въ Берлинѣ и участіе ихъ въ трудахъ международнаго совѣщанія повести къ примиренію, а затѣмъ и къ сближенію Франціи съ Германіей?

Что французскіе экономисты и рабочіе, которыхъ правительство республики намѣрено отправить въ прусскую столицу, будутъ приняты тамъ предупредительно и даже любезно — не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но изъ этого далеко еще не слѣдуетъ, что достаточно ихъ дѣятельнаго сотрудничества въ дѣлѣ, близко принимаемомъ къ сердцу германскимъ императоромъ, чтобы сгладить всѣ существующіе нынѣ поводы къ враждѣ нѣмцевъ съ французами. Всего менѣе можетъ способствовать достиженію этой цѣли выясненіе экономическихъ потребностей обѣихъ странъ, которыя, какъ показываетъ опытъ, если не прямо противорѣчивы, то все же очень трудно согласуемы. Только отвлеченное умозрѣніе можетъ утверждать, что хозяйственная почва благопріятна для единенія народовъ. Въ дѣйствительности—основа промышленныхъ и торговыхъ отношеній—состязаніе, соперничество, т. е. борьба, не столь кровожадная, какъ та, что происходитъ на поляхъ битвъ, но все же упорная и безпощадная. Исходить изъ противоположнаго взгляда—значитъ обнаруживать въ одно и то же время и большую самоувѣренность, и

большое недомысліе. Но если бы и было иначе, то и тогда врядъ ли могъ бы состояться уговоръ по рабочему вопросу между Германіей и Франціей, такой уговоръ, который споспѣшествовалъ бы развитію производительныхъ силѣ первой, такъ какъ не въ интересахъ второй содѣйствовать прямому или косвенному усиленію боевыхъ средствъ могущественной сосѣдки, укрѣпленные лагери которой расположены въ десяти переходахъ отъ Парижа.

Всѣ эти соображенія, конечно, имѣло въ виду французское правительство, сопровождая принятіе нѣмецкаго приглашенія оговорками о трудностяхъ задуманнаго Вильгельмомъ II предпріятія и требуя существенныхъ измѣненій въ первоначальной программѣ международнаго совѣщанія. Къ какимъ бы они ни привели результатамъ, въ числѣ таковыхъ не будетъ франко-нѣмецкаго соглашенія, доколѣ Германія не возвратитъ Эльзаса и Лотарингіи, а возвратить ихъ Франціи добровольно, безъ войны, она не можетъ, не подвергнувъ опасности собственнаго единства, олицетвореніемъ коего являются въ глазахъ нѣмцевъ обѣ отторженныя области, считаемыя ими законнымъ наслѣдіемъ нѣмецкаго народа.

Выводъ ясенъ: Россіи нѣтъ ни малѣйшаго повода безпокоиться присутствіемъ французскихъ представителей на Берлинскомъ съѣздѣ. Гораздо непріятнѣе были бы для насъ послѣдствія уклоненія Франціи отъ участія въ немъ. Оно несомнѣнно вызвало бы крайнее раздраженіе при германскомъ дворѣ, подало бы поводъ офиціозной нѣмецкой печати снова упрекать французскій народъ и правительство республики въ противодѣйствіи мирнымъ стремленіямъ Германіи и, чего добраго, ускорило бы часъ неизбѣжной кровавой развязки, что́, конечно, не входитъ въ разсчеты Императорскаго кабинета.

Одного этого размышленія довольно, чтобы оправдать предъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ рѣшеніе французскаго правительства, и если раздаются у насъ голоса, выражающіе неудовольствіе на него, то французы за это на насъ не сердятся. «Русскіе бранятъ насъ ревнуя, а ревнуютъ любя»—остроумно замѣтилъ пишущему эти строки посолъ республики при нашемъ дворѣ. Но что сказать о тѣхъ французахъ, которые, хорошо зная причины, вмѣнявшія въ обязанность министерству послѣдовать примѣру Англіи и всѣхъ прочихъ приглашенныхъ государствъ, не задумываются придавать его рѣшенію совершенно иной смыслъ и, изъ-за партійныхъ цѣлей жертвуя высшими интересами родины, объясняютъ его стремленіемъ кабинета Тирара-Спюллера повернуться спиною къ Россіи и бро-

ситься въ объятія князя Бисмарка? Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ имѣлъ полное право назвать такое поведеніе «недостойнымъ», и палата проявила большой политическій тактъ, единогласно одобривъ руководившія имъ побужденія, но отказавшись подвергнуть парламентскому обсужденію внѣшнюю политику правительства. Для насъ имѣетъ особое значеніе то обстоятельство, что эта же палата заглушила шумнымъ протестомъ утвержденіе депутата Лора, будто министерство перемѣнило фронтъ въ указанномъ выше смыслѣ. Намъ кажется, что единодушная сочувственная Россіи манифестація совокупности представителей французскаго народа, съ министрами во главѣ, гораздо внушительнѣе смѣшного притязанія монархической и буланжистской оппозиціи выдавать себя за единственныхъ друзей Россіи во Франціи.

Вообще оппозиціонныя французскія партіи не колеблются подчинять своимъ разсчетамъ, предразсудкамъ и предпочтеніямъ государственныя пользы и даже достоинство Франціи. Это одно изъ самыхъ печальныхъ явленій въ современной политической жизни означенной страны повторилось недавно въ такъ называемомъ «инцидентѣ» герцога Орлеанскаго. Старшій сынъ графа Парижскаго, претендента на французскій престолъ, которому особый законъ возбраняетъ пребываніе во Франціи, явился въ Парижъ и потребовалъ принятія въ ряды французской арміи на основаніи общаго закона объ отбываніи воинской повинности. По меньшей мѣрѣ наивно усматривать въ этой выходкѣ патріотическій подвигъ, такъ какъ зачисленіе въ солдаты молодого принца, конечно, не увеличило бы боевую силу французскаго войска, и гораздо естественнѣе признать ее за попытку заявить о своемъ существованіи и пріобрѣсти популярность своему имени, въ виду всевозможныхъ случайностей будущаго. Но если такая забота отвѣчаетъ личнымъ интересамъ герцога, то послѣдствія ея никоимъ образомъ не могли быть полезны для Франціи и нанесли ей существенный вредъ, возбудивъ противоположныя страсти, нарушивъ спокойствіе въ странѣ. Строгія мѣры, принятыя правительствомъ противъ принца Лудовика-Филиппа, не зависѣли, впрочемъ, отъ его произвола, а истекали изъ обязанности въ точности исполнить постановленія закона, который за самовольное возвращеніе обреченныхъ на изгнаніе членовъ домовъ, нѣкогда царствовавшихъ во Франціи, предаетъ ихъ суду и наказываетъ тюремнымъ заключеніемъ на извѣстные сроки. Замѣтимъ, что исполненіе закона министрами не могло создать имъ затрудненій, которыя неизбѣжно возникли бы при малѣйшемъ ихъ

поползновеніи обойти законъ или нарушить. Судъ проявилъ большую снисходительность, приговоривъ герцога Орлеанскаго къ наименьшему сроку заточенія, и если президентъ Карно не помиловалъ его, то потому, что устроенныя роялистами бурныя демонстраціи въ Парижѣ и въ провинціи придали бы этому акту милосердія значеніе вынужденной уступки.

Мы бы вовсе не упомянули въ нашей бесѣдѣ объ этомъ, въ сущности весьма маловажномъ предметѣ, еслибъ не имѣли въ виду разъяснить истинный смыслъ его тѣмъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые въ сужденіяхъ своихъ о происходящемъ во Франціи руководятся взглядами на священное значеніе монархическаго начала въ томъ видѣ, въ какомъ оно проходитъ чрезъ всю нашу исторію и понынѣ, благодареніе Богу, проявляется въ нашемъ своеобразномъ государственномъ строѣ. Источникъ этого начала—божественное право—давно уже отрицается въ конституціонныхъ монархіяхъ Запада тѣми, кого рожденіе призвало служить его блюстителями и представителями. Въ частности, Орлеанская вѣтвь дома Бурбоновъ еще со временъ первой революціи откреклась отъ династическихъ правъ своихъ и въ лицѣ герцога Филиппа, извѣстнаго подъ прозвищемъ Egalité, запятнала себя соучастіемъ въ злодѣяніи, именуемомъ «казнью» Лудовика XVI. Нужно ли напоминать о похищеніи у законнаго короля Карла X престола Лудовикомъ-Филиппомъ, внукъ котораго нынѣшнія свои притязанія на него обусловливаетъ уже не «Божіею милостью», а «волею народа». И какой смыслъ имѣетъ требованіе «дофина» отбыть воинскую повинность, служить рядовымъ въ арміи, коей, по монархическому праву, онъ призванъ стать верховнымъ вождемъ? Говоря откровенно, оно—ничто иное, какъ политическая реклама, однородная съ тѣми, на которыхъ строилъ свою популярность генералъ Буланже. Припомнимъ по этому случаю, какъ строго осуждалъ императоръ Николай—правоспособнѣйшій судья въ вопросахъ легитимизма—то, что онъ называлъ «претендентскою комедіей» (comédie de prétendant), только ронявшею въ сужденіи его достоинство главы дома Бурбоновъ, коимъ былъ въ его время графъ Шамборскій, не чета графу Парижскому или его пылкому наслѣднику.

До какой степени извращены и ослабѣли на Западѣ здравыя монархическія понятія, можно заключить изъ того, что министръ, пятнадцать лѣтъ стоявшій во главѣ мадьярскаго правительства и пользовавшійся безграничнымъ довѣріемъ и милостью своего государя, избираетъ нынѣ предлогомъ своего удаленія отъ дѣлъ анти-

династическую демонстрацію, подготовленную партіею «непримиримыхъ», но имъ самимъ усвоенную, вопреки ясно выраженной волѣ императора-короля и собственныхъ товарищей по министерству. Какъ бы то ни было, рѣшенная въ принципѣ отставка Коломана Тиссы, выступившаго предъ короною ходатаемъ за Кошута, состоится, по всей вѣроятности, на разстояніи нѣсколькихъ недѣль отъ кончины графа Андраши, вслѣдствіе чего почти одновременное исчезновеніе съ политическаго поприща этихъ двухъ выдающихся дѣятелей образуетъ въ государственной жизни Венгріи широкій и чувствительный пробѣлъ.

Мы не намѣрены касаться здѣсь заслугъ Андраши и Тиссы въ дѣлѣ созданія и утвержденія внутренней самостоятельности ихъ родины, но не можемъ пройти молчаніемъ воздѣйствія ихъ на внѣшнюю политику австро-венгерской монархіи и осуществленнаго ихъ совмѣстными усиліями перемѣщенія центра тяжести ея изъ Вѣны въ Будапештъ, другими словами съ Запада на Востокъ. Въ этомъ дѣлѣ оба они явились исполнителями плана, давно задуманнаго княземъ Бисмаркомъ и доведеннаго до благополучнаго конца, благодаря его энергической поддержкѣ.

Когда, послѣ разгрома 1866 года, Бейстъ предложилъ императору Францъ-Іосифу союзъ съ Бонапартовскою Франціей за основу внѣшней политики монархіи, а соглашеніе съ Венгріей — за основу ея политики внутренней, онъ не предвидѣлъ, что преобладаніе мадьярскихъ вліяній подорветъ и уничтожитъ французскій союзъ. И дѣйствительно, первый глава самостоятельнаго венгерскаго министерства, графъ Юлій Андраши, явился естественнымъ соперникомъ имперскаго канцлера и всѣми силами противодѣйствовалъ ему, пока самъ не замѣстилъ его въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Бейстъ вступалъ въ связь съ Наполеономъ III, а Андраши искалъ себѣ опоры въ Бисмаркѣ. На Зальцбургскомъ свиданіи 1867 года онъ прямо заявилъ императору французовъ, чтобы тотъ лучше не надѣялся на помощь Австро-Венгріи въ случаѣ войны съ Германіей, что мадьяры никогда не допустятъ до того, а три года спустя, онъ же воспротивился исполненію обязательствъ, принятыхъ вѣнскимъ дворомъ предъ тюильрійскимъ кабинетомъ.

Назначеніе графа Андраши министромъ иностранныхъ дѣлъ состоялось въ концѣ 1871 года, и не прошло года, какъ свиданіемъ монарховъ въ Берлинѣ запечатлѣлось полное примиреніе между императорами Вильгельмомъ I и Францомъ-Іосифомъ. На съѣздѣ этомъ присутствовалъ и императоръ Александръ II, но потому, что самъ

пожелалъ принять въ немъ участіе. Тамъ положено было основаніе трехдержавному союзу, извѣстному подъ названіемъ «соглашенія трехъ императоровъ» и пять лѣтъ господствовавшему надъ положеніемъ дѣлъ въ цѣломъ мірѣ. Но въ средѣ этого союза, и независимо отъ него, уже существовала тайная сдѣлка двухъ его членовъ, остававшаяся неизвѣстною для третьяго. Главною цѣлью союзниковъ была провозглашенная ими забота о поддержаніи порядка и мира въ Европѣ; дѣйствительною—скрытое отъ Россіи обѣщаніе Германіею Австро-Венгріи содѣйствовать распространенію ея владѣній и политическаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ

Когда, въ 1875 году, вспыхнуло герцеговинское возстаніе, а вслѣдъ за нимъ началась война сербовъ и черногорцевъ съ Портою, произошло нѣчто странное и совершенно необъяснимое. Всѣ великія державы повидимому старались примирить враждующія стороны, но усилія ихъ вызвать между ними примиреніе оставались безуспѣшными. Всѣхъ больше усердствовалъ въ этомъ направленіи русскій дворъ, то измышлявшій установленіе въ Вѣнѣ «центра» обще-европейскаго соглашенія по восточнымъ дѣламъ, то предлагавшій принятіе сообща понудительныхъ мѣръ, изложенныхъ въ такъ называемомъ Берлинскомъ меморандумѣ. Союзные дворы берлинскій и вѣнскій гласно поддерживали его предложенія, но изъ-подъ руки сами препятствовали ихъ осуществленію, подстрекая христіанъ къ борьбѣ, турокъ — къ сопротивленію. Поступали они такъ по той весьма простой причинѣ, что у Россіи была одна цѣль, у нихъ— другая. Россія хотѣла путемъ давленія на Порту достигнуть улучшенія участи ея христіанскихъ подданыхъ; союзники ея стремились къ созданію такого положенія, при которомъ Боснія и Герцеговина могли быть присвоены Австро-Венгріей подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ и, по возможности, безъ жертвъ деньгами или людьми.

Ни для чего иного, какъ для достиженія именно этого результата, князь Бисмаркъ пустилъ въ ходъ все свое вліяніе на русскій дворъ, чтобы убѣдить его не противиться потоку общественнаго мнѣнія и начать войну съ Турціей. Пока русскія войска переходили Дунай, неся свободу и независимость болгарамъ, австро-мадьяры готовились перейти чрезъ Саву и, занявъ двѣ славянскія области, утвердиться на Балканскомъ полуостровѣ. Только наши неудачи подъ Плевной замедлили вступленіе ихъ въ Боснію и Герцоговину, отложенное до весны, въ томъ предположеніи, что русскіе не отважатся совершить зимній походъ чрезъ Балканы, и что окончатель-

ная развязка Восточнаго вопроса по необходимости должна быть отсрочена до появленія ихъ подъ стѣнами Царьграда.

Неожиданный оборотъ, принятый событіями послѣ паденія Плевны, едва не разстроилъ хитроумныхъ разсчетовъ вѣнскаго двора. Уже въ февралѣ 1878 года русскій стягъ былъ водруженъ на берегахъ Босфора, а по Санъ-Стефанскому миру Боснія съ Герцоговиной оставлены за Турціей.

Выручить изъ бѣды австрійскихъ друзей взялся нѣмецкій канцлеръ. Всѣмъ памятно, какъ ловко на предсѣдательствуемомъ имъ Берлинскомъ конгрессѣ обездолена была Россія, несшая на себѣ всѣ тягости войны, и Австро-Венгрія вступила въ безспорное спокойное владѣніе «тыльными» областями (Hinterländer).

Предоставивъ князю Бисмарку уладить это дѣло съ великими державами, графъ Андраши долженъ былъ озаботиться изысканіемъ средствъ для покрытія расходовъ по «оккупаціи». Въ двойственной конституціонной монархіи сдѣлать это было не легко, въ виду явнаго нерасположенія къ подобному захвату со стороны парламентскаго большинства, какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Будапештѣ. Для успѣшнаго достиженія цѣли министръ иностранныхъ дѣлъ вступилъ въ сдѣлку съ Тиссою.

Коломанъ Тисса, когда Андраши занималъ еще постъ президента венгерскаго министерства, былъ вожакомъ оппозиціи и засѣдалъ на лѣвой сторонѣ въ Нижней Палатѣ. Мало-по-малу онъ перемѣщался слѣва направо и самъ сталъ главою мадьярскаго кабинета въ 1875 году, какъ разъ въ то время, когда начали обнаруживаться первые признаки броженія, приведшаго къ войнѣ 1877 — 78 годовъ. Чтобы упрочить за собою это мѣсто, онъ вошелъ въ виды Андраши и самого императора, близко принимавшаго къ сердцу вопросъ о завладѣніи Босніей и Герцоговиной, и въ промежутокъ между Санъ-Стефанскимъ миромъ и Берлинскимъ конгрессомъ, по предварительному уговору съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, привелъ въ исполненіе слѣдующій планъ.

Собрана была чрезвычайная сессія делегацій и отъ нея потребованъ сверхсмѣтный кредитъ въ тридцать милліоновъ гульденовъ. О назначеніи этой суммы правительство дало крайне неопредѣленныя объясненія, заявивъ, что она необходима, дабы, въ виду поступательнаго движенія Россіи, обезпечить безопасность Австро-Венгерской монархіи, а также подобающее ей вліяніе на дѣла Востока. При господствовавшемъ въ Австріи, и въ особенности въ Венгріи, всеобщемъ возбужденіи противъ Россіи, заявленіе это было понято

въ томъ смыслѣ, что потребованная сумма предназначена для вооруженій, въ виду готовящейся войны съ Россіей, и кредитъ былъ разрѣшенъ едва ли не единогласно. Тридцать милліоновъ, дѣйствительно, употребили на мобилизацію войскъ, но не на русской границѣ, а въ Хорватіи и Далмаціи, тѣхъ самыхъ войскъ, которыя, какъ только состоялось постановленіе Берлинскаго конгресса, вступили въ Боснію и Герцоговину и заняли ихъ.

Такимъ образомъ, захватъ «тыльныхъ» областей совершился безпрепятственно, не только безъ согласія парламентовъ по ту и по сю сторону Лейты, но и вопреки ясно выраженной ими волѣ; за то при безсознательнемъ ихъ участіи, вынужденномъ посредствомъ самаго беззастѣнчиваго обмана. Делегаціи попытались было разсердиться, но успокоились, когда, по возвращеніи изъ Берлина, графъ Андраши продержалъ имъ приблизительно такую рѣчь: «На что вы жалуетесь? Ужъ не на то ли, что я обратилъ на пользу нашей монархіи результаты русскихъ побѣдъ надъ турками? Сдѣлалъ я это, не рискуя ничѣмъ, не проливъ ни единой капли крови, съ самыми незначительными затратами. Опасались, что война приведетъ къ установленію преобладанія Россіи на Балканскомъ полуостровѣ; я устроилъ дѣло такъ, что Россія удаляется оттуда ни съ чѣмъ, какъ и пришла, а мы вступаемъ туда и утверждаемся тамъ твердою ногою. Европа не только этому не противится, но признаетъ подлежащими удовлетворенію наши интересы на Востокѣ, возводя насъ на степень блюстителей и защитниковъ ея интересовъ. Съ ея согласія мы занимаемъ двѣ цвѣтущія балканскія области и получаемъ чрезъ нихъ рѣшающее вліяніе на всѣ государства полуострова. Еслибъ я, отправляясь на конгрессъ, предупредилъ васъ о моихъ намѣреніяхъ и заранѣе возвѣстилъ вамъ, чего хочу достигнуть, то вы бы обозвали меня шарлатаномъ (Schwindler) и разсмѣялись бы мнѣ въ глаза. Нынѣ то, о чемъ вы не смѣли и помышлять, совершается предъ вами во-очію!»

Въ дипломатическомъ успѣхѣ графа Андраши большая часть причитается на долю Тиссы, подготовившаго почву въ Венгріи для новой восточной политики вѣнскаго двора. Съ тѣхъ поръ, мадьяры изъ туркофиловъ преобразились въ страстныхъ ея сторонниковъ, отводя въ ней своей національности преобладающую роль и значеніе. Нынѣ и Андраши, и Тисса ушли со сцены, но сѣмена, брошенныя ими въ сознаніе соотечественниковъ, дали ростки и обѣщаютъ обильную жатву. Венгрія возмнила себя державою, предназначенною Провидѣніемъ насадить западно-европейскую гражданствен-

ность на славянскомъ и вообще на православномъ Востокѣ. Взглядъ этотъ не только усвоенъ мыслителями, но и руководитъ дѣйствіями государственныхъ людей. Горячимъ и убѣжденнымъ его выразителемъ явился въ рѣчи, произнесенной въ торжественномъ собраніи мадьярской академіи наукъ, Веніаминъ Каллай, нынѣшній общій министръ финансовъ монархіи, котораго молва прочитъ въ преемники графу Кальноки въ должности министра иностранныхъ дѣлъ.

Разумѣется, осуществленіе такого замысла возможно только подъ условіемъ поддержки со стороны Германіи, а потому-то венгерцы, всѣ, безъ различія партій, и стоятъ горой за тѣсный союзъ съ нею. Въ Берлинѣ льстятъ ихъ вожделѣніямъ, но едва ли допустятъ осуществленіе оныхъ безъ того, чтобы обезпечить за собою львиную долю въ оттоманскомъ наслѣдствѣ, на которое сверхъ того заявляютъ притязанія и Италія, и Англія. Конечно, раздѣлъ Турціи между державами-участницами «четвернаго» союза представляетъ немаловажную опасность для Россіи. Но понятно, что во сто разъ опаснѣе онъ для самостоятельнаго развитія христіанскихъ государствъ Балканскаго полуострова.

Общая опасность создаетъ между ними и Россіей общій интересъ—единственно прочное основаніе всѣхъ разумныхъ политическихъ сочетаній. Правильная постановка этого вопроса дастъ и ключъ къ его разрѣшенію.

IV.

С.-Петербургъ, 20 марта (1 апрѣля) 1890 г.

Удаленіе отъ дѣлъ князя Бисмарка. — Обзоръ его государственной дѣятельности.—Характеристика его.—Двойная цѣль его политики: утвержденіе королевской власти въ Пруссіи; объединеніе Германіи подъ главенствомъ Гогенцолерновъ.—Политическіе пріемы Бисмарка.—Отношенія его къ Россіи.—Послѣдствіе ихъ. — Пробужденіе и развитіе русскаго самосознанія. — Заслуги Бисмарка предъ Германіей.—Наслѣдіе Бисмарка—«четверной» союзъ. — Девизъ русской политики: долгъ и правда.—Брошура г. Викерсгеймера: «Франко-русскій союзъ».—Доводы его въ пользу письменнаго союзнаго договора. — Новое министерство во Франціи: кабинетъ Фрейсинэ-Рибо.—Болгарія.

Совершилось событіе неизмѣримой важности для Германіи, для Европы, для всего міра. Создатель нѣмецкаго единства, геніальный государственный мужъ, властно руководившій судьбами Германской имперіи со дня ея возстановленія, тотъ, въ чьихъ мощныхъ рукахъ соединялись всѣ нити европейской политики, словомъ — князь Бисмаркъ пересталъ быть имперскимъ канцлеромъ, первымъ министромъ прусскимъ и удалился въ свои помѣстья — на покой.

Что причина удаленія маститаго канцлера отъ власти — существенное разномысліе между нимъ и молодымъ императоромъ, на это ясно указываютъ обстоятельства, при которыхъ состоялась просьба его объ отставкѣ и принятіе ея Вильгельмомъ II. Но чѣмъ вызванъ этотъ шагъ, какіе ближайшіе поводы къ разладу, кто въ немъ правъ и кто виноватъ—таковы вопросы, обсуждаемые и разрѣшаемые на всѣ лады въ повременной печати, русской и иностранной, естественно ищущей удовлетворить любопытству общества. Къ сожалѣнію, вопросы эти, по существу своему, не выяс-

нимы и не разрѣшимы, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, и только представляютъ обширное поле для предположеній и догадокъ,—основаніе довольно шаткое для политическихъ выкладокъ и заключеній. Мы предпочитаемъ, не вступая въ область гадательной политики, попытаться отыскать въ прошлой государственной дѣятельности князя Бисмарка ключъ къ уразумѣнію истиннаго смысла и значенія его удаленія отъ дѣлъ.

Въ Россіи — въ дипломатіи, въ печати, въ обществѣ,—давно уже и много толкуютъ и разсуждаютъ о Бисмаркѣ, но мало его знаютъ. Это тѣмъ непростительнѣе, что бывшій нѣмецкій канцлеръ, считая себя подсуднымъ общественному мнѣнію, самъ въ значительной степени разоблачилъ предъ нимъ не только дѣла свои, но и самые сокровенные помыслы. Жизнь и труды его—не тайна. По его распоряженію, обнародованы всѣ его рѣчи, бо̀льшая часть вышедшихъ изъ-подъ его пера государственныхъ актовъ и дипломатическихъ депешъ, даже письма къ семьѣ и близкимъ друзьямъ. Дополненіемъ къ этимъ матеріаламъ служатъ нескромныя разглашенія и признанія политическихъ противниковъ, изъ которыхъ назовемъ Ламармору, Арнима, Бейста, не говоря уже о французскихъ дипломатахъ: Бенедетти, Грамонѣ, Тьерѣ и Жюлѣ Фаврѣ. Мы, конечно, не имѣемъ притязанія въ тѣсныхъ предѣлахъ нашей бесѣды исчерпать столь обильный запасъ драгоцѣнныхъ историческихъ данныхъ несомнѣнной подлинности и высокаго интереса. Мы хотимъ только уловить общія, наиболѣе своеобразныя черты многолѣтней и неустанной дѣятельности князя Бисмарка и, по обыкновенію, опредѣлить въ частности тѣ начала, коими онъ послѣдовательно руководствовался въ отношеніяхъ своихъ къ нашему отечеству.

Вникая въ сущность политическаго генія великаго государственнаго человѣка, мы, кажется, не ошибемся, назвавъ его отличительными свойствами: свѣтлый, проницательный умъ и твердую непреклонную волю. Насъ поражаетъ въ немъ свободное отъ всякихъ увлеченій, холодное и безстрастное взвѣшиваніе обстоятельствъ, отношеніе къ нимъ, вполнѣ независимое отъ теоретическихъ ученій, отъ партійныхъ взглядовъ или предразсудковъ. При всемъ разнообразіи средствъ, Бисмаркъ никогда не упускаетъ изъ виду главной цѣли и, твердою рукою направляя къ ней событія, умѣетъ заставлять и противниковъ своихъ содѣйствовать ея достиженію; но самъ стремится къ ней отнюдь не прямѣйшимъ, за то вѣрнѣйшимъ путемъ, сообразно съ обстоятельствами, то ускоряя ходъ, то

его замедляя, и какъ бы постоянно памятуя безподобные стихи Шиллера, столь образно и убѣдительно свидѣтельствующіе о превосходствѣ духовной мощи надъ физическою:

Gradaus geht des Blitzes,
Geht des Kanonballs fürchterlicher Pfad.
. . . . Die Strasse die der Mensch befährt,
Worauf der Segen wandelt, diese folgt
Der Flüsse Lauf, der Thäler freien Krümmen [1]).

Цѣль Бисмарка была двойная, выражающая синтезисъ всей его жизни и дѣятельности, отъ первыхъ шаговъ на политическомъ поприщѣ, до окончательнаго удаленія съ него: утвержденіе монархическаго начала въ Пруссіи и Германіи и объединеніе Нѣмецкой земли подъ властью Гогенцоллернскаго дома. Отмѣтимъ и взаимодѣйствіе обѣихъ частей государственной программы, столь блистательно имъ осуществленной: сильная монархическая власть представлялась могучимъ орудіемъ для созданія единства Германіи, а самое это единство, въ свою очередь, становилось твердымъ оплотомъ создавшей его монархіи противъ всѣхъ враждебныхъ посягательствъ.

Вспомнимъ условія, при которыхъ двадцать восемь лѣтъ назадъ Оттонъ фонъ-Бисмаркъ-Шёнгаузенъ призванъ былъ довѣріемъ короля Вильгельма I стать во главѣ прусскаго министерства. Пруссія переживала тяжкій конституціонный кризисъ. Народное представительство посягало на права верховной власти. Мужественно вступилъ съ нимъ въ борьбу пылкій, но рѣшительный министръ, и отстоялъ ввѣренныя его охранѣ честь и независимость короны. Не смущаясь ожесточенными нападками въ палатахъ и въ печати либеральнаго большинства, онъ громко исповѣдовалъ свой взглядъ на государственное право Пруссіи. Оппозиція стремилась преобразить короля въ чисто номинальнаго главу государства, царствующаго, но не правящаго, хотѣла заставить его назначать министровъ изъ среды ея и по ея указанію. Бисмаркъ противопоставилъ ея требованіямъ положительныя постановленія прусской конституціи, не допустилъ введенія парламентаризма по образцу англійскому и французскому. Основной законъ страны, училъ онъ, ввѣряетъ королю управленіе королевствомъ чрезъ министровъ и чиновниковъ, имъ назначаемыхъ и отъ него зависимыхъ, а уча-

[1]) «Прямо ударяетъ молнія, стремится ужасное ядро изъ жерла орудія... Путь, которымъ шествуетъ человѣкъ и который приводитъ его къ успѣху, тотъ, что слѣдуетъ по теченію рѣки, по свободнымъ извилинамъ долинъ».

стіе палатъ въ правленіи ограничиваетъ обсужденіемъ законовъ и установленіемъ государственной росписи доходовъ и расходовъ. Этого взгляда твердо придерживался Бисмаркъ до конца, не только въ Пруссіи, но и въ Германской имперіи, конституція которой—своеобразное произведеніе его ума, плодъ глубокаго изученія и вѣрнаго пониманія историческаго прошедшаго Германіи, соображеннаго съ потребностями настоящаго и задачами будущаго.

Твердо вѣруя въ законность и спасительность монархіи, онъ придалъ ей новую жизненность и силу, поставивъ ее во главѣ объединительнаго движенія нѣмецкаго народа. Послушаемъ, какъ самъ онъ говоритъ объ этой сторонѣ своей политической дѣятельности: «Съ самаго начала моей карьеры я имѣлъ только одну путеводную звѣзду: какими средствами и какимъ путемъ могу я привести Германію къ единству и, по достиженіи этой цѣли, какъ долженъ я утвердить это единство, споспѣшествовать ему, устроить его такъ, чтобы оно упрочилось свободнымъ согласіемъ всѣхъ соучастниковъ?» [1]). Кровью и желѣзомъ спаялъ онъ единство это на поляхъ битвъ, но едва ли не большія искусство и энергію проявилъ въ заботахъ своихъ объ обезпеченіи ему поддержки всѣхъ политическихъ партій внутри имперіи. «Доктринёромъ я не былъ во всю мою жизнь»—заявлялъ онъ имперскому сейму.—«Всѣ системы, коими партіи считаютъ себя раздѣленными или связанными, для меня второстепенное дѣло. На первомъ планѣ—нація, ея внѣшнее положеніе, самостоятельность, такая ея организація, которая дозволитъ намъ, какъ великому народу, свободно дышать въ мірѣ. Все, что слѣдуетъ за тѣмъ, конституція либеральная, реакціонная или консервативная,—признаюсь вамъ вполнѣ откровенно, господа, — стоитъ для меня на второмъ планѣ. Это роскошь обстановки, о которой можно подумать современемъ, когда окончена будетъ постройка зданія. Въ этихъ партійныхъ вопросахъ я могу для блага страны сблизиться съ тою или другою партіей, теоріи же ихъ я цѣню необыкновенно дешево. Создадимъ сначала зданіе твердое, обезпеченное извнѣ, опирающееся внутри на національное согласіе, и тогда спросите у меня, какъ намѣренъ я омеблировать его болѣе или менѣе либеральными учрежденіями? Я, быть можетъ, вамъ отвѣчу: да у меня нѣтъ никакого предвзятаго мнѣнія. Дѣлайте мнѣ предложенія, и если царственный обладатель страны, которому я служу, согласится съ ними, то вы не встрѣтите у меня существенныхъ

---

[1]) Рѣчь въ засѣданіи нѣмецкаго рейхстага 27 іюня (9 іюля) 1879 г.

принципіальныхъ возраженій. Можно устроить дѣло и такъ, и такъ, много путей ведутъ въ Римъ. Бываютъ времена, когда нужно править въ либеральномъ духѣ, и другія времена, когда необходима диктатура. Все измѣняется, и ничто не вѣчно. Но когда рѣчь идетъ о сооруженіи нѣмецкаго царства, о единствѣ нѣмецкаго народа, то я требую, чтобы то и другое было установлено твердо, ограждено отъ бурь и не представляло изъ себя временнаго полевого укрѣпленія, обороняемаго лишь съ нѣсколькихъ сторонъ. Созданію и утвержденію обоихъ подчинилъ я мою политическую дѣятельность съ самаго ея начала, и если вы найдете въ ней хотя единую минуту, когда моя магнитная стрѣлка указывала не на это направленіе, то вы, пожалуй, докажете мнѣ, что я ошибался, но не докажете, чтобы я когда либо упустилъ изъ виду національную цѣль» [1]).

Совершенно тѣ же основныя правила примѣнялъ князь Бисмаркъ и къ внѣшней политикѣ, сначала Пруссіи, а потомъ и Германіи, послѣдовательно направляя ее къ неизмѣнной цѣли: къ созданію и утвержденію Германской имперіи. И тутъ дѣйствовалъ онъ, какъ истый государственный человѣкъ, свободный отъ всякихъ предразсудковъ, предубѣжденій, предпочтеній, ничѣмъ не увлекающійся, все подчиняющій холодному и безстрастному разсчету, никогда не идущій наперекоръ естественному теченію событій, желающій лишь необходимаго, преслѣдующій только достижимыя цѣли и не пренебрегающій добромъ, ради стремленія къ лучшему. Нельзя сказать, чтобы чувство не играло роли въ его политикѣ; онъ только самъ не отдается ему, за то чувствительность другихъ прекрасно умѣетъ приноровлять къ своимъ видамъ. Самъ онъ чуждъ всякой страстности и въ сношеніяхъ съ иностранными дворами не знаетъ ни ненависти, ни мести. Онъ ведетъ войну съ цѣлью достигнуть выгоднаго мира, избѣгаетъ ея, пока предвидитъ возможность добиться тѣхъ же результатовъ мирными средствами, но коль скоро война представляется ему неизбѣжною, то онъ, не колеблясь, самъ вызываетъ или объявляетъ ее, въ убѣжденіи, что своевременное наступленіе есть и надежнѣйшая оборона. Онъ быстро схватываетъ, вѣрно постигаетъ потребности даннаго положенія и соображается съ ними. Крайностей онъ постоянно избѣгаетъ, ограничиваясь лишь тѣмъ, что дѣйствительно необходимо, уклоняется отъ опасности, пока не въ состояніи одолѣть ея, и вступаетъ съ нею

---

[1]) Рѣчь въ засѣданіи нѣмецкаго рейхстага 12 (24) февраля 1881 г.

въ безпощадную борьбу, когда знаетъ, что побѣда несомнѣнна. Такъ, въ 1864 году, онъ ограбилъ Данію, отторгнувъ отъ нея Голштинію и Шлезвигъ, потому что она являлась ему беззащитною и безпомощною, но, два года спустя, онъ же ограничился присоединеніемъ къ Пруссіи Ганновера, Гессенъ-Касселя, Нассау и Франкфурта и образованіемъ подъ ея главенствомъ Сѣверо-Германскаго союза, пощадивъ Австрію, дабы не ожесточить ее и тѣмъ лишить себя возможности вступить съ нею впослѣдствіи въ выгодную сдѣлку, и ускоривъ подписаніемъ мира въ Никольсбургѣ, чтобы предупредить вооруженное вмѣшательство Франціи. Также точно и въ 1871 году онъ безжалостно расчленилъ побѣжденную Францію, какъ бы обреченную ему на жертву всѣми прочими великими державами, но когда, въ 1875 году, Россія воспрепятствовала ему разгромить ее въ конецъ, то сталъ заискивать въ ней, путемъ разныхъ удовлетвореній въ Азіи и въ Африкѣ, и искалъ пріобщить ее къ своей политической системѣ.

Постоянно мѣняя союзниковъ, то воюя съ австрійцами противъ датчанъ, то ополчаясь на австрійцевъ, заручившись дѣятельною помощью Италіи и нравственною поддержкой Наполеона III, то обращаясь на Францію при соучастіи Россіи, то, наконецъ, сплачивая противъ Россіи соединенныя силы всѣхъ государствъ Запада, одному союзу остался князь Бисмаркъ вѣренъ во всю жизнь свою: союзу съ общественнымъ мнѣніемъ. Располагая его въ свою пользу всѣми зависящими отъ него средствами, онъ воздѣйствію своему на повременную печать въ Германіи и внѣ ея предѣловъ обязанъ— какъ мы уже имѣли однажды случай замѣтить—поразительными успѣхами своими за послѣднія два десятилѣтія, едва ли не болѣе, чѣмъ совокупности всѣхъ прочихъ орудій его дипломатическаго арсенала [1]).

Въ словѣ онъ при этомъ не всегда стѣснялся истиною, на дѣлѣ не колеблясь подчинялъ право силѣ. Такіе пріемы,—по справедливому замѣчанію Бейста — слишкомъ много назвать «безсовѣстными», а «беззастѣнчивыми»—слишкомъ мало; вѣрнѣе сказать, вмѣстѣ съ бывшимъ австро-венгерскимъ канцлеромъ, что Бисмаркъ въ своей политической дѣятельности просто не былъ разборчивъ на средства и въ этомъ случаѣ, онъ воплощалъ въ себѣ прусскую преемственную государственную мудрость, какъ она выражалась въ XVII вѣкѣ въ великомъ курфирстѣ, въ XVIII—въ Фридрихѣ II и, даже въ промежуткахъ между ними и современнымъ ихъ геніальнымъ про-

---

[1]) «Изъ прошлаго русской дипломатіи», стр. 521.

должателемъ, въ цѣломъ рядѣ посредственныхъ государей и министровъ, иногда бездарныхъ и неумѣлыхъ, но всегда ревностныхъ и убѣжденныхъ служителей династической идеи Гогенцоллерновъ: расширенія Пруссіи, доставленія ей преобладанія въ Германіи, а затѣмъ и во вселенной. И если когда нибудь цѣль можетъ считаться оправдывающею средства, то какую цѣль болѣе возвышенную представимъ себѣ, чѣмъ величіе отечества? Самоотверженно служа ей, прусскіе государственные дѣятели, крупные и мелкіе, способные и неспособные, отъ короля до послѣдняго чиновника или солдата, напоминаютъ намъ фанатическихъ слугъ папскаго престола въ Средніе Вѣка, не отступавшихъ предъ самыми страшными злодѣяніями, обременявшихъ свою совѣсть смертельными грѣхами: обманомъ, клятвопреступленіемъ, убійствомъ и всякаго рода насиліями, лишь бы доставить торжество тому, что считали они откровеніемъ божественной истины, основать господство непогрѣшимаго главы римской церкви надъ всѣми властями міра.

Изъ общаго правила не было исключенія для Россіи. Въ продолженіе двухъ столѣтій, Пруссія, въ отношеніяхъ своихъ къ ней, руководилась исключительно собственною выгодою, а съ начала нынѣшняго вѣка безпощадно эксплоатировала въ свою пользу дружественное расположеніе трехъ поколѣній русскихъ государей и ихъ дипломатическихъ совѣтниковъ и представителей. Не князь Бисмаркъ изобрѣлъ эту систему, но онъ, безспорно, усовершенствовалъ ее, съумѣлъ извлечь изъ нея наибольшую сумму выгодъ. Долго русская дипломатія была въ опытныхъ и умѣлыхъ рукахъ его лишь послушнымъ орудіемъ, безсознательно, но очень усердно споспѣшествуя всѣмъ его замысламъ и предпріятіямъ. Мало того: онъ ясно сознавалъ потребность, если не увлечь русское общественное мнѣніе, то усыпить его или отуманить. «Боже упаси»,—восклицалъ онъ въ одной изъ рѣчей своихъ, произнесенной какъ разъ наканунѣ послѣдней Восточной войны,—«вызвать раздраженіе (Verstimmung) въ русскомъ народѣ, это хуже, чѣмъ мимолетное разногласіе съ какимъ нибудь правительствомъ (Das sei schlimmer als eine vorübergehende Differenz mit einer Regierung) [1]). Словно онъ предчувствовалъ, что смертельный ударъ баснѣ о преемственной двухвѣковой прусской дружбѣ будетъ нанесенъ пробужденіемъ въ русской народной мысли историческаго самосознанія.

---

[1]) Застольная рѣчь Бисмарка на обѣдѣ, данномъ имъ президенту и бюро рейхстага 19 ноября (1 декабря) 1876 г.

Первыя сомнѣнія въ искренности Пруссіи зародились въ средѣ русской дипломатіи тотчасъ по заключеніи Санъ-Стефанскаго мира, и выразителемъ ихъ, по возвращеніи съ Берлинскаго конгресса, явился никто иной, какъ первый уполномоченный Россіи на конгрессѣ, государственный канцлеръ князь Горчаковъ. Но лишь въ нынѣшнее царствованіе отечество наше обрѣло полную самостоятельность во внѣшней политикѣ, а Императорскій кабинетъ проявилъ ее на дѣлѣ. Съ этой минуты князь Бисмаркъ занялъ положеніе прямо враждебное Россіи, подтвердилъ или заключилъ, одинъ за другимъ, союзы съ Австро-Венгріей, съ Италіей, наконецъ съ Англіей, возобновилъ свои попытки прельщеніемъ или угрозой привлечь на свою сторону Францію. Не станемъ напоминать о цѣломъ рядѣ мѣръ, принятыхъ имъ съ цѣлью нанести намъ ущербъ, матеріальный либо нравственный, на чисто политической, какъ и на хозяйственной почвѣ. Мѣры эти у всѣхъ въ памяти, и естественнымъ ихъ послѣдствіемъ было убѣжденіе русскаго общества въ томъ, что государственныя пользы Германіи отнюдь не тождественны съ таковыми же нуждами Россіи, а порою даже и прямо имъ противоположны.

Вмѣсто того, чтобы повредить намъ, мѣры эти, такимъ образомъ, обратились намъ на благо, и въ этомъ несомнѣнная заслуга князя Бисмарка предъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Поведеніемъ своимъ онъ разсѣялъ туманъ, выяснилъ роковое недоразумѣніе. Всѣмъ стало ясно, понятно, что пресловутое единеніе съ Пруссіею—не болѣе, какъ призракъ, мечта, ничего общаго съ дѣйствительностью не имѣющая; что согласіе двухъ великихъ державъ зависитъ не отъ личной дружбы монарховъ или родственной связи династій, а и того менѣе отъ сходства воззрѣній въ области отвлеченныхъ государственныхъ началъ, но обусловливается общностью ихъ международныхъ интересовъ; что въ дѣлѣ развитія своихъ силъ и могущества Россія не только не можетъ разсчитывать на поддержку Германіи, но и неизбѣжно встрѣтится съ рѣшительнымъ ея противодѣйствіемъ, такъ же точно, какъ цѣли, преслѣдуемыя Германіею въ ея внѣшней политикѣ, не такого рода, чтобъ Россія могла содѣйствовать имъ безъ ущерба собственнымъ выгодамъ. Одновременно, самостоятельное изученіе отечественной исторіи по первичнымъ источникамъ установило, что такъ и было всегда, и что если въ прошедшемъ, русская дипломатія какъ бы того не замѣчала, то потому, что въ дѣятельности своей она еще не руководствовалась чисто національными побужденіями.

И такъ, не князь Бисмаркъ оказался противникомъ Россіи, а выяснилось, что въ существѣ своемъ внѣшніе интересы нашей родины расходятся съ интересами Германіи. Тщетно пытался бывшій нѣмецкій канцлеръ распространить мнѣніе, будто русская мысль невѣрно понимаетъ политическія задачи Россіи, ошибается въ опредѣленіи ея мірового призванія. Она держится на твердой исторической почвѣ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе проникая въ сознаніе русскихъ людей, во всѣхъ слояхъ общества, озаряя тотъ путь, на который, по манію свыше, вступила Россія, и съ котораго, дастъ Богъ, она впредь уже не уклонится.

Справедливость требуетъ, однако, признать, что долгъ нѣмецкаго министра служить не Россіи, а Германіи. Кто же сослужилъ ей болѣе вѣрную службу, чѣмъ тотъ, безъ кого монархическій строй Пруссіи выродился бы въ парламентаризмъ, а Германія оставалась бы донынѣ слабою и разрозненною, лишенною всякаго вліянія и значенія въ Европѣ? На глазахъ нашихъ князь Бисмаркъ воплотилъ въ себѣ образъ государственнаго мужа, вѣрнаго слуги престола, зоркаго стража чести и безопасности отечества, проникнутаго ревностью о благѣ государства, вдохновляемаго геніемъ своего народа. Нѣмецъ и пруссакъ, ничто нѣмецкое и въ частности прусское не было ему чуждо, тогда какъ ко всему чужестранному онъ относился съ полнымъ равнодушіемъ. Наглядно выражается это настроеніе оговоркою, сопровождавшей восклицаніе его при подписаніи въ Версалѣ перемирія, положившаго конецъ смертоносной войнѣ: «Довольно пролилось крови—нѣмецкой крови!» Предъ такою беззавѣтною любовію къ родной землѣ, предъ исполинскими подвигами, подъятыми и совершенными ей на пользу, мы невольно склоняемся и привѣтствуемъ удаляющагося на покой великаго политическаго противника заявленіемъ ему глубокаго почтенія, тѣмъ болѣе, что если онъ и не любилъ Россію, то, конечно, уважалъ ее.

Въ 1873 году, при посѣщеніи Вѣны княземъ Бисмаркомъ, намъ довелось быть свидѣтелемъ слѣдующей сцены. На вечерѣ въ Шёнбрунскомъ замкѣ, упомянувъ въ бесѣдѣ съ французскимъ посломъ маркизомъ д'Аркуръ о своихъ деревенскихъ вкусахъ, онъ сказалъ, что не разъ сожалѣлъ о томъ, что вступилъ на политическое поприще вмѣсто того, чтобы заняться исключительно сельскимъ хозяйствомъ въ своихъ помѣстьяхъ. «Въ качествѣ француза»,—съ изысканною вѣжливостью отвѣтилъ тонкій дипломатъ,—«ваша свѣтлость позволите мнѣ раздѣлить въ данномъ случаѣ ваше сожалѣніе». Положеніе русскихъ людей относительно бывшаго канцлера, къ

счастію, нѣсколько иное. Имъ не о чемъ сожалѣть и въ сегодняшнюю семидесятипятилѣтнюю годовщину рожденія геніальнаго политическаго учителя нашихъ дней они даже въ правѣ дружно выпить за его здоровье, какъ пилъ за учителей своихъ шведовъ Великій Петръ—на полѣ Полтавской побѣды.

Но какъ отразится удаленіе князя Бисмарка на положеніи Германіи и на отношеніяхъ ея къ прочимъ державамъ?

Въ томъ-то и особенность генія, что созданія его переживаютъ его самого. Увольняя Бисмарка, императоръ Вильгельмъ II, однако, нашелъ нужнымъ торжественно заявить, что въ системѣ внѣшней политики Берлинскаго двора не произойдетъ измѣненій. Заключенные на болѣе или менѣе продолжителные сроки союзные договоры съ Австро-Венгріею и Италіею, соглашеніе съ Великобританіею — остаются въ полной силѣ. Объ этомъ напомнилъ самъ императоръ въ воинственной рѣчи, которою привѣтствовалъ надняхъ принца Валлійскаго. Говорятъ о предстоящемъ свиданіи новаго канцлера генерала Каприви съ графомъ Кальноки и г. Криспи. Такимъ образомъ, «четверной» союзъ—политическое сочетаніе, задуманное и осуществленное Бисмаркомъ, попрежнему тяготѣетъ надъ Европой. Вся разница въ томъ, что самъ Бисмаркъ перестанетъ руководить имъ. Что же касается до его преемниковъ, то не примѣнимы ли къ нимъ мѣткіе стихи изъ «Лагеря Валленштейна»:

Wie er räuspert und wie er spuckt,
Das habt ihr ihm glücklich abgeguckt;.
Aber sein Schenie, ich meine sein Geist,
Sich nicht auf der Wachparade weist [1]).

Впрочемъ, раздаются голоса, утверждающіе, напротивъ, что перемѣна въ Берлинѣ знаменуетъ поворотъ въ политикѣ Германіи, и притомъ—въ смыслѣ благопріятномъ Россіи. Послѣдуетъ-де возвращеніе молодого императора на покинутый бывшимъ канцлеромъ путь династической дружбы и родственнаго единенія съ Россіей. Воскреснутъ преданія прошлаго, и Россія съ Германіей снова явятся міру политическими Діоскурами, неразрывными въ счастіи и въ бѣдѣ.

Если такъ, — то признаемся откровенно — подобный идеалъ взаимныхъ отношеній обѣихъ имперій ни мало насъ не прельщаетъ и только внушаетъ намъ существенныя сомнѣнія и опа-

---

[1]) Какъ онъ откашлявается и плюетъ—это вы у него счастливо подсмотрѣли; но геній его—я хочу сказать его разумъ—не обнаруживается на вахтъ-парадѣ.

сенія. Историческій опытъ неопровержимо доказалъ, что онъ отнюдь не отвѣчаетъ пользамъ и нуждамъ нашего отечества. За послѣднія десять лѣтъ, и нѣмцы, и русскіе успѣли свыкнуться съ несомнѣнною истиною, что политика чувства, а тѣмъ болѣе чувствительности, не ведетъ къ добру.

Всегдашнее послѣдствіе ея — разочарованіе, по меньшей мѣрѣ для одной стороны, иногда и для обѣихъ, во всякомъ случаѣ— плохая основа согласія и мира. При князѣ Бисмаркѣ не было дружбы между Петербургомъ и Берлиномъ, но было взаимное уваженіе, и не смотря на охлажденіе, миръ нарушенъ не былъ. Будетъ ли то же, если двумъ императорскимъ дворамъ снова придется пережить тяжкое испытаніе разочарованнаго чувства, обманутыхъ ожиданій, разбитыхъ надеждъ? Не вызовется ли ими страшный роковой взрывъ, избѣжать котораго удалось доселѣ ихъ государственному благоразумію? На мысль эту наводитъ насъ страстный и необузданный нравъ молодого императора Германіи, такъ откровенно выражающійся въ безчисленныхъ рѣчахъ его и писаніяхъ, гласно исповѣдуемая имъ рѣшимость «сокрушить» всякаго, кто не захочетъ идти съ нимъ—замѣтьте даже не противъ него— когда онъ, очертя голову, «на всѣхъ парахъ» несется въ невѣдомую даль.

Въ понятіяхъ русскихъ людей сложилось иное представленіе о главѣ государства, величавый обликъ котораго отражается въ безсмертныхъ стихахъ нашего народнаго поэта:

Не долженъ царскій голосъ
На воздухѣ теряться по-пустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.

Съ довѣріемъ смотритъ Россія къ грядущее, какъ въ открытую грамоту, на которой царственной рукой начертаны два слова: «долгъ» и «правда». Въ нихъ видитъ она надежный залогъ своего величія и благополучія.

Конечно, не внѣ себя, а въ себѣ самой слѣдуетъ ей искать и находить прежде всего ручательства цѣлости и безопасности. Животворящій источникъ силы, обезпечивающій внѣшній миръ—согласіе внутреннее, единеніе всѣхъ русскихъ людей въ непоколебимой вѣрности Престолу и пламенной любви къ родинѣ; но какъ ни глубока вѣра въ нашу мощь, государственную и народную, не благоразумно пренебрегать естественнымъ ея подспорьемъ: сплоченіемъ воедино всѣхъ государствъ, которыя, не входя въ составъ

«четверного» союза, могутъ составить ему внушительный противовѣсъ въ общей системѣ равновѣсія Европы.

Хорошо извѣстное нашимъ читателямъ мнѣніе наше объ этомъ предметѣ нашло сочувственный откликъ во Франціи. Независимо отъ единомысленныхъ отзывовъ газетъ, мы не могли не обратить вниманія на брошуру, недавно вышедшую въ Парижѣ и въ короткое время уже выдержавшую нѣсколько изданій. Озаглавлена она: Франко-русскій союзъ, отвѣтъ г. Татищеву.

Мы потому хотимъ познакомить съ нею читателей, что встрѣтили въ ней необычайно вѣскіе и убѣдительные доводы въ защиту положенія, которое неоднократно развивали сами, а именно: что нельзя полагаться на общность интересовъ Россіи и Франціи для обезпеченія имъ взаимной помощи на случай опасности, и что условія этой помощи непремѣнно должны быть въ точности опредѣлены формальнымъ союзнымъ договоромъ.

«О!»—восклицаетъ почтенный авторъ брошуры, бывшій депутатъ Викерсгеймеръ,—«я слышу, что говорится въ нашихъ политическихъ кругахъ: «Такъ какъ интересы обѣихъ націй совпадаютъ,—то трактатъ представляется излишествомъ. Коль скоро вспыхнетъ война одной изъ нихъ съ «тройственнымъ» или «четвернымъ» союзомъ, другая полетитъ къ ней на помощь. Такимъ образомъ мы уже пользуемся въ дѣйствительности выгодами союза tacitu concensu, не будучи стѣснены неудобствомъ формальнаго договора». Я хочу доказать, что мнѣніе это безусловно неразумно и что если бы ему было суждено восторжествовать окончательно, то мы, въ случаѣ войны, подверглись бы величайшимъ опасностямъ».

Г. Викерсгеймеръ приводитъ нѣсколько историческихъ примѣровъ, подтверждающихъ, что ни одна коалиція не обходилась безъ предварительнаго уговора и что этому условію обязана, между прочимъ, своими успѣхами Пруссія, заключившая въ 1866 году союзный трактатъ съ Италіей противъ Австріи, а въ 1867 году—съ южно-нѣмецкими государствами противъ Франціи. Отъ себя напомнимъ о договорахъ, связывающихъ нынѣ Германію съ Австро-Венгріей, Италіей и Англіей и лежащихъ въ основаніи пресловутой «Лиги мира».

Переходя къ обсужденію нынѣшнихъ отношеній Франціи къ Россіи, «если не будетъ трактата»,—продолжаетъ авторъ,—«нельзя быть увѣреннымъ, что одна изъ двухъ націй неизбѣжно поспѣшитъ на помощь другой, при самомъ началѣ войны. Усложненія внутренней политики, которыя невозможно опредѣлить, но легко понять

заранѣе, могутъ замедлить выступленіе въ походъ одной изъ двухъ державъ. Нѣсколько успѣховъ, одержанныхъ въ началѣ кампаніи одною изъ нихъ, могутъ побудить другую не торопиться въ дѣйствіяхъ, въ томъ предположеніи, что они пока не необходимы. Словомъ, каковы бы ни были причины замедленія, послѣдствіемъ ихъ можетъ быть мгновенный разгромъ одной изъ дружественныхъ державъ во внезапной и непредвидѣнной катастрофѣ».

«Неужели»,—спрашиваетъ г. Викерсгеймеръ,—«въ эту именно минуту, другая держава воздвигнется на непріятеля, возвеличеннаго обаяніемъ побѣды, одинокая, лишь съ половиною силъ, коими могъ бы располагать союзъ, послѣ подавленія союзника, и, быть можетъ, даже послѣ быстраго исчезновенія его съ театра войны, вслѣдствіе необходимости избѣжать немедленнымъ заключеніемъ мира конечной гибели? Благоразумно ли это? Самая элементарная осторожность не требуетъ ли, чтобы, наоборотъ, съ первой минуты, всѣ союзныя силы могли выйти въ поле противъ армій коалиціи, дабы разъединить ея силы и нанести ей, съ двухъ противоположныхъ сторонъ, наиболѣе чувствительные удары?»

«Чтобы достигнуть такого результата, необходимъ формальный договоръ. Но это еще не все. Война на Западѣ, какъ и на Востокѣ, будетъ, конечно, состоять вперемежку изъ успѣховъ и неудачъ для всѣхъ, и одинъ изъ обоихъ союзниковъ можетъ быть ослабленъ въ то самое время, когда другой будетъ еще исполненъ силы. Не слѣдуетъ ли предвидѣть условій, при которыхъ и тотъ, и другой, могутъ вступить въ переговоры?»

«Не слѣдуетъ ли предвидѣть, что первый побѣжденный естественно подвергнется искушенію слишкомъ рано вступить въ переговоры съ торжествующею коалиціею, дабы избѣжать полного разгрома, и что коалиція легко согласится на такой трактатъ, дабы всѣ свои силы направить противъ того изъ двухъ союзниковъ, что̀ остался цѣлъ и тѣмъ самымъ сталъ наиболѣе опаснымъ? Затѣмъ, обезпечивъ себѣ такимъ образомъ значительный численный перевѣсъ надъ послѣднимъ, она снова можетъ обратиться на перваго и раздавить его въ свою очередь».

«Напротивъ, если оба союзника связаны договоромъ, то тотъ изъ нихъ, который потерпитъ первое пораженіе, пока второй остается невредимымъ или даже, можетъ быть, самъ одержалъ уже побѣду, не потеряетъ мужества, потому что онъ въ состояніи будетъ опереться на значительную силу, коей располагаетъ союзъ, зная, что его не покинутъ. Отдѣльное пораженіе будетъ, при такихъ усло-

віяхъ, неудачей, конечно, прискорбной, но паника не обратитъ его въ катастрофу».

«И такъ, повторяю, необходимъ договоръ».

Авторъ брошуры признаетъ, что, ратуя за соглашеніе съ Франціей, мы руководимся исключительно потребностью Россіи, съ которою совпадаютъ и выгоды Франціи, ибо, заключаетъ онъ, необходимо совпаденіе интересовъ, дабы изъ него народился союзъ. Совѣтуя своимъ соотечественникамъ стать на ту же точку зрѣнія, онъ энергично возстаетъ противъ утвержденія, все рѣже и рѣже раздающагося во Франціи, будто, вступая въ союзъ съ Россіей, она только будетъ содѣйствовать торжеству панславизма. «Панславизмъ»,—поучаетъ онъ, — «есть ничто иное, какъ нѣмецкій призракъ, вызываемый вотъ уже нѣсколько десятилѣтій «пресмыкающимися» газетами Средней Европы, съ цѣлью подорвать довѣріе къ Россіи съ одной стороны, а съ другой — отвести Европѣ глаза отъ дѣйствительно угрожающаго ей пангерманизма».

Г. Викерсгеймеръ раздѣляетъ нашъ взглядъ на миролюбивое значеніе франко-русскаго оборонительнаго союза и на благотворныя послѣдствія его для независимости второстепенныхъ державъ Запада: Нидерландовъ, Бельгіи и Швейцаріи, къ которымъ онъ отъ себя прибавляетъ Данію и Швецію съ Норвегіей. Въ заключеніе онъ такъ разрѣшаетъ существенно важный вопросъ: въ чемъ ручательство исполненія союзнаго договора?

«Трактатъ»,—поясняетъ онъ,—«можетъ имѣть одно только ручательство: общій интересъ договаривающихся сторонъ, тотъ интересъ, что̀ имѣетъ преобладающее значеніе. Но, сверхъ того, онъ представляетъ огромное преимущество, предвидя, хотя и не всѣ, а все же главнѣйшіе случаи, тѣ именно, что дано предусмотрѣть человѣческой мудрости и о которыхъ некогда философствовать, когда нужно сражаться. Наконецъ, трактатъ опредѣляетъ условія прекращенія войны и тѣ, на какихъ признается возможнымъ подписаніе мира».

Намъ невѣдомо, въ какой мѣрѣ вновь образованное французское министерство сочувствуетъ мыслямъ, изложеннымъ въ приведенной брошурѣ. Это и не наше дѣло, а дѣло русской дипломатіи, на обязанности которой лежитъ убѣждаться въ степени дружественнаго расположенія къ Россіи иностранныхъ правительствъ. Но мы надѣемся, что въ послѣднемъ отношеніи, кабинетъ, предсѣдательствуемый г. де-Фрейсинэ, не уступитъ своимъ предшественникамъ и что новый министръ иностранныхъ дѣлъ останется и

у власти вѣренъ воззрѣніямъ по внѣшней политикѣ, проводимымъ газетою «Le Parti National», слывущей органомъ той парламентской группы, къ которой принадлежитъ г. Рибо.

Черныя тучи, собирающіяся за Дунаемъ, снова приковываютъ взоръ нашъ къ Болгаріи. Мы никогда не понимали, не понимаемъ и теперь тѣхъ, кто утверждаетъ, что Россіи-де все равно, что̀ бы ни происходило въ этой освобожденной ея кровью странѣ. Преступная нелѣпость такого утвержденія станетъ ясна для всѣхъ, если принять во вниманіе, что оно равносильно слѣдующему сужденію: для Россіи безразлично, явится ли Болгарія заслономъ въ наступательномъ движеніи средне-европейскихъ державъ къ Царюграду и Проливамъ или, напротивъ, сама обратится въ авангардъ этихъ державъ, призванный проложить и расчистить имъ путь?

Обсужденіе въ настоящей бесѣдѣ этого вопроса, касающагося жизненнѣйшихъ интересовъ русской политики на Востокѣ, увлекло бы насъ слишкомъ далеко за намѣченные намъ предѣлы, и мы вынуждены отложить его до другого раза.

V.

Парижъ, 19 апрѣля (1 мая) 1890 г.

Международная манифестація рабочихъ.—Западный соціализмъ чуждъ русской жизни.—Дипломатическіе предразсудки.—Безучастіе Россіи къ соціальному движенію на Западѣ.—Соціализмъ въ Германіи, Австро-Венгріи, Италіи, Испаніи, Нидерландахъ, Бельгіи, Швеціи, Норвегіи и Англіи.—Соціалистическія партіи во Франціи.—Національная ихъ окраска.

Сегодняшній день съ безпокойствомъ и тревогою встрѣчала Западная Европа во всѣхъ концахъ своихъ. Состоявшаяся повсемѣстно манифестація рабочихъ въ пользу восьмичасового трудового дня не оправдала, однако, всеобщихъ опасеній; порядокъ нигдѣ не былъ серьезно нарушенъ, все обошлось довольно мирно и спокойно, безъ сопротивленія властямъ, буйства, грабежа, насилія. Къ вечеру собственники и хозяева вздохнули свободно. Нѣкоторые изъ нихъ склонны даже считать призрачною опасность, причинившую имъ столько страха. «Много шуму изъ-за пустяковъ», восклицаютъ они.

На нашъ взглядъ было бы величайшимъ заблужденіемъ не признавать важнаго и чреватаго обильными послѣдствіями значенія международной рабочей манифестаціи. Единогласно предъявленное требованіе—опредѣлить закономъ норму трудового дня заключаетъ въ себѣ всю сущность соціализма. Если бы мѣра эта могла быть внесена въ законодательство отдѣльныхъ странъ, а тѣмъ болѣе составить предметъ договора между ними, то существующія нынѣ общественныя отношенія на Западѣ видоизмѣнились бы совершенно. Не было бы болѣе рѣчи о вольномъ соглашеніи между тѣми, кто даетъ работу, и тѣми, кто ее принимаетъ. Государство явилось бы распредѣлителемъ барышей между трудомъ и капиталомъ. Это и есть го-

сударственный соціализмъ, и даже не просто государственный, а международный, котораго, какъ показала сегодняшняя манифестація, въ полномъ единомысліи добиваются рабочіе всѣхъ странъ Запада, крупныхъ и мелкихъ, богатыхъ и бѣдныхъ, промышленныхъ и земледѣльческихъ, образованныхъ и невѣжественныхъ, монархическихъ и республиканскихъ.

На этотъ разъ рабочіе ограничились тѣмъ, что заявили правительствамъ свои желанія, въ силу предварительнаго уговора, въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, въ одинъ и тотъ же день и едва ли не часъ. Одновременность и повсемѣстность манифестаціи указываетъ на существованіе въ ихъ средѣ могучей организаціи, которая тамъ и сямъ проявлялась неоднократно и прежде, въ помѣстныхъ стачкахъ, но въ полномъ объемѣ сказалась именно во вселенскомъ характерѣ рабочаго праздника 1-го мая. Отнынѣ не подлежитъ сомнѣнію, что совокупность рабочихъ силъ во всемъ мірѣ можетъ быть руководима изъ одного центра и направляема къ достиженію одной цѣли. Кто же можетъ поручиться, что въ другой разъ рабочіе удовольствуются мирнымъ предъявленіемъ своихъ требованій и не попытаются прибѣгнуть къ насилію? Подводя итогъ всѣмъ участникамъ манифестаціи въ столицахъ и обширныхъ промышленныхъ округахъ западно-европейскихъ государствъ, замѣчаемъ громадный численный перевѣсъ ихъ надъ войсками, находящимися въ распоряженіи правительствъ. Не легко подавить возстаніе въ большомъ городѣ, гдѣ приходится дѣйствовать на ограниченномъ пространствѣ; во сто разъ труднѣе—возстановить порядокъ въ цѣлой странѣ или въ нѣсколькихъ сопредѣльныхъ странахъ, образумить или обуздать стихійную народную силу, разгулявшуюся на просторѣ.

Вотъ въ чемъ, по нашему мнѣнію, заключается поучительный выводъ изъ сегодняшняго, такъ мирно прошедшаго, дня. Онъ наглядно показалъ, какъ опасно играть съ огнемъ соціализма даже съ лучшими намѣреніями, возбуждать надежды рабочихъ на несбыточныя перемѣны въ ихъ участи, такія надежды, удовлетворить которыя не во власти правительствъ. Конечная цѣль соціализма—«общественная ликвидація», другими словами, полное разрушеніе государственнаго строя и преобразованіе общества въ началѣ равномѣрнаго распредѣленія богатствъ. Все, что приближаетъ рабочихъ къ этой цѣли, будетъ, конечно, принято ими изъ рукъ правительствъ, но по меньшей мѣрѣ наивно ожидать, чтобы они добровольно остановились на полупути. Увлеченіе страсти не поддается убѣжденію. Сдержать его можетъ только сила, и исходъ борьбы труда и капи-

тала сводится къ одному вопросу: кто кого пересилитъ? Таковъ естественный путь развитія западно-европейской гражданственности, и имъ въ значительной степени обусловливаются и политическія отношенія германо-латинскаго міра.

Къ счастію, Россія стоитъ отъ него въ отдаленіи, совершеннымъ особнякомъ, въ силу своеобразныхъ условій, которыя создали для нея природа и исторія. Русское государство, русскій народъ—особый міръ, развивающійся самобытно и только косвенно подвергающійся воздѣйствію Запада. Всѣ общественныя движенія этой половины Европы почти вовсе не касались нашихъ предѣловъ. На внутреннюю жизнь русскаго общества не повліяли ни первая французская революція, ни революціонныя горячки тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, ни соціальное броженіе семидесятыхъ годовъ, ни, наконецъ, современныя намъ анархическія вѣянія. Участіе въ нихъ русскихъ людей было всегда отрывочнымъ и случайнымъ. Отдѣльныя личности могли быть замѣшаны въ чужеземныя смуты, какъ напримѣръ, графъ Павелъ Строгановъ, бывшій, прежде чѣмъ стать товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, членомъ клуба якобинцевъ въ эпоху террора, или Александръ Герценъ, царившій съ Маццини и Ледрю-Ролленомъ во главѣ засѣдавшаго въ Лондонѣ «всемірнаго революціоннаго комитета»; но ни якобинскій клубъ, ни «всемірный комитетъ» не распространяли на Россію своей дѣятельности. Взгляду нашему ни мало не противорѣчитъ и то обстоятельство, что, по возвращеніи изъ французскихъ походовъ 1814—15 годовъ, часть нашей великосвѣтской молодежи увлеклась господствовавшими въ то время въ Западной Европѣ конституціонными вожделѣніями, а въ наши дни, швейцарская отрасль анархистовъ, руководимая Бакуниномъ, породила шайку крамольниковъ, именовавшихъ себя «русскою соціально-революціонною партіею». Какъ тѣ, такъ и другіе, явленіе не органическое, вышедшее изъ нѣдръ русской жизни, а чужое, наносное, болѣзненный наростъ на государственномъ тѣлѣ Россіи, послѣдствіе чисто внѣшняго зараженія.

Между тѣмъ, въ продолженіе цѣлаго столѣтія, наши правительственныя сферы, и въ частности дипломатія, иначе относились къ этимъ очевиднымъ исключеніямъ изъ общаго правила. Источникомъ заблужденія была вѣра въ политическую солидарность Россіи съ государствами Запада, прекрасно умѣвшими эксплоатировать ее въ свою пользу. Во имя этой солидарности противъ общаго врага престоловъ—революціи, средне-европейскіе дворы связали насъ по рукамъ и по ногамъ, задержали нашъ государственный ростъ и по-

будили с.-петербургскій кабинетъ поступиться въ ихъ пользу существеннѣйшими интересами русскаго царства. Такъ было въ 1820-мъ году, въ 1830, въ 1848, въ три главныя эпохи пресловутаго Священнаго Союза, условія котораго во всѣхъ внѣшнихъ вопросахъ клонились къ исключительной выгодѣ Австріи и Пруссіи, а Россіи обезпечивали ихъ помощь лишь противъ революціи внутренней. И русскіе дипломаты того времени—русскіе, впрочемъ, даже не по имени, а только по послужному списку, — засѣдая за зеленымъ столомъ со средне-европейскими товарищами, важно и пространно разсуждали о томъ, какъ австрійскій императоръ или прусскій король будутъ содѣйствовать русскому Самодержцу въ охранѣ Богомъ врученной ему неограниченной власти противъ посягательствъ русскихъ людей, его подданныхъ! Развѣ этимъ однимъ они не обличали полнаго незнанія нашихъ государственныхъ преданій, чудовищнаго непониманія народныхъ стремленій, завѣтовъ, вѣрованій?

Послѣ Севастопольскаго погрома народилось у насъ новое дипломатическое поколѣніе, но старые предразсудки долго продолжали еще руководить его влеченіями и поступками. Осужденный кровавымъ опытомъ восточной войны 1853—56 годовъ, тѣсный союзъ Россіи съ разросшеюся въ Германскую Имперію Пруссіею и съ раздвоившеюся Монархіею Габсбурговъ, какъ фениксъ, возродился изъ собственнаго пепла осенью 1872 года, опять-таки на почвѣ совокупнаго дѣйствія трехъ союзныхъ державъ противъ «Международнаго Союза рабочихъ». Предлогъ этотъ никогда не воплотился въ дѣйствительность, и мы не знаемъ ни одной мѣры, которая была бы принята сообща тремя императорскими дворами для задержанія соціальнаго движенія въ Европѣ. За то союзники снова обошли Россію въ вопросахъ чисто политическихъ, обездолили ее на Берлинскомъ конгрессѣ, а вслѣдъ затѣмъ уже открыто вступили другъ съ другомъ въ заговоръ противъ нея самой. Казалось, что австро-нѣмецкій союзный договоръ 1879 года долженъ былъ бы положить конецъ пагубному ослѣпленію, но, немного лѣтъ спустя, тройственный союзъ Россіи, Германіи и Австро-Венгріи возобновился въ третій разъ,—о, постоянство дипломатіи!—во имя общаго противодѣйствія международному анархизму.

Царственная дума, бодрствующая надъ Россіей, предохранила ее отъ гибельныхъ послѣдствій новаго вовлеченія въ политическія сѣти беззастѣнчивыхъ сосѣдей. Прошло три года, и соглашеніе трехъ императорскихъ дворовъ возобновлено не было. Напоминаемъ

объ этомъ въ настоящую минуту потому, что снова явственно слышимъ голоса, раздающіеся вокругъ насъ и нашоптывающіе о томъ, что, въ виду грозной опасности, угрожающей и государственному и общественному складу въ Европѣ отъ вселенскаго соціализма, слѣдуетъ-де монархическимъ державамъ скрѣпить ослабшія узы единенія и воздѣйствовать противъ общаго врага. Старый знакомый припѣвъ, но уже не внушающій намъ ни малѣйшихъ опасеній. Исторія сдѣлала свое дѣло. Троекратный урокъ ея не можетъ пройти безслѣдно. Порукою въ томъ служитъ намъ просвѣщенное вниманіе къ исторіи, проявляемое съ высоты царскаго престола, и сверхъ того, несомнѣнное отраженіе народной мысли на образѣ дѣйствій современной нашей дипломатіи. Не можетъ же она одна чуждаться успѣховъ русскаго самосознанія, не пожинать плодовъ его въ области внѣшней политики, порученной ея попеченію довѣріемъ Монарха? Продолжаетъ отдѣлять ее отъ общественнаго мнѣнія Россіи лишь устарѣлое предубѣжденіе, ничѣмъ нынѣ не оправдываемое, и которое, конечно, исчезнетъ совершенно, коль скоро русскіе дипломаты поймутъ, наконецъ, что дабы являться дѣйствительными представителями своей родины, надо воспріять ея духъ, быть плотью отъ плоти ея и костію отъ костей, смѣло исповѣдать русскую правду предъ лицомъ всего міра.

Какъ бы ни была сильна и неотвратима опасность, грозящая Западной Европѣ отъ соціализма, не намъ спасать ее, не Россіи жертвовать для ея избавленія своими государственными нуждами въ пользу той или другой изъ европейскихъ державъ. Въ сношеніяхъ съ послѣдними, русскій дворъ не можетъ, не долженъ вдохновляться иными соображеніями, кромѣ чисто политическихъ, оставаясь безучастнымъ зрителемъ внутреннихъ волненій и только отмѣчая ихъ приливъ и отливъ, какъ признакъ усиленія или ослабленія данной политической величины. Съ этой точки зрѣнія взглянемъ и мы на внутреннее положеніе дѣлъ въ главныхъ государствахъ Запада.

Въ Германіи большинство соціалистовъ давно сплотилось въ политическую партію, строго организованную на началахъ дисциплины, стремящуюся къ осуществленію своихъ идей законными способами и насчитывающую уже болѣе тридцати представителей въ Рейхстагѣ. Правительство боролось съ нею доселѣ посредствомъ особаго закона о соціалистахъ, подвергавшаго ихъ строгому надзору полиціи и даже чувствительному ограниченію гражданскихъ правъ. Императоръ Вильгельмъ II намѣренъ, кажется, напротивъ, обратить противъ нихъ ихъ

собственное оружіе и цѣлымъ рядомъ законодательныхъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію быта рабочихъ, побудить послѣднихъ выдти изъ состава соціалъ-демократической организаціи. Удастся ли ему достигнуть цѣли—покажетъ будущее. Въ этомъ, однако, позволительно усомниться, въ виду всеобщаго броженія, вызваннаго его начинаніями среди нѣмецкихъ рабочихъ и выразившагося въ многочисленныхъ стачкахъ, а также въ празднованіи во всей Германіи рабочаго праздника 1-го мая. Не слѣдуетъ забывать и того, что независимо отъ соціалъ-демократовъ есть въ нѣмецкой землѣ и рабочіе анархисты, враги всякаго порядка и законности. Они представляютъ, впрочемъ, опасность несравненно меньшую, какъ по незначительному числу, такъ и по крѣпости, присущей государственному строю. Твердыню эту, опирающуюся на такіе могучіе устои, каковы одушевленное монархическимъ духомъ помѣстное дворянство, многочисленная, строго дисциплинованная армія и дѣятельная, образованная и неподкупная бюрократія — нельзя разрушить нападеніями извнѣ. Другое дѣло—внутренній разладъ, подтачивающій въ ней жизненную силу, вносящій двойственность въ охранительные элементы страны и тѣмъ самымъ ослабляющій ихъ противодѣйствіе враждебнымъ государству теченіямъ. Сдается намъ, что таковы именно неизбѣжныя послѣдствія удаленія опытнаго и искуснаго кормчаго, правившаго доселѣ государственнымъ кораблемъ, и быстрый переходъ отъ его системы управленія къ противоположной, основанной на пылкихъ юношескихъ мечтахъ и порывахъ, несомнѣнно великодушныхъ и благонамѣренныхъ, но представляющихъ не болѣе какъ опыты разрѣшенія соціальнаго вопроса, а извѣстно, что такіе опыты нигдѣ еще не приводили государство къ добру. Во всякомъ случаѣ, задуманныя Вильгельмомъ II преобразованія, распространяющіяся на всѣ отрасли жизни не только государственной, но и общественной, знаменуютъ коренной внутренній переворотъ въ Германской Имперіи, который не можетъ не отразиться и на внѣшнихъ ея отношеніяхъ. Мы съ интересомъ будемъ слѣдить за ними, хотя, признаемся откровенно, мало вѣримъ въ успѣхъ попытки достигнуть консервативной цѣли революціонными средствами.

Положеніе рабочаго дѣла въ Австро-Венгріи совершенно иное, чѣмъ въ Германіи. Тамъ нѣтъ могучей партійной организаціи, соціалисты не образуютъ политической партіи, принимающей чрезъ своихъ представителей участіе въ законодательствѣ, большинство ихъ придерживается крайнихъ анархическихъ взглядовъ и стоитъ

къ государству въ прямо враждебныхъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію, правительственная власть по обѣ стороны Лейты недостаточно вооружена для отпора ихъ покушеніямъ, во-первыхъ потому, что основной законъ двухъ половинъ монархіи обезпечиваетъ полную свободу стачекъ, сходокъ и печатнаго слова—исключенія допускаются только въ примѣненіи къ славянамъ, — во-вторыхъ, оттого, что племенная рознь создаетъ широкую основу и для сословнаго разлада. Отсюда необычайное ожесточеніе рабочихъ въ ихъ столкновеніяхъ съ полиціей и войсками, и чисто анархическій характеръ манифестаціи 1-го мая въ Австро-Венгріи. Обостренію отношеній между имущими и неимущими не мало способствуетъ также преобладаніе еврейства въ финансовомъ, торговомъ и промышленномъ мірѣ, и даже въ отрасляхъ духовной дѣятельности, преобладаніе, вызывающее протестъ въ видѣ антисемитизма, который нигдѣ въ Европѣ не пустилъ болѣе глубокихъ корней, чѣмъ въ древней монархіи Габсбурговъ. Въ Вѣнѣ и Пештѣ, наканунѣ дня, посвященнаго всеобщей рабочей манифестаціи, паническій страхъ обуялъ капиталистовъ и хозяевъ, въ особенности изъ евреевъ, толпами покидавшихъ обѣ столицы, чтобы не стать жертвами насилія разъяренной черни. Опасенія эти оказались преувеличенными, но глубокая ненависть къ собственникамъ живетъ въ сердцахъ австро-мадьярскаго пролетаріата. Непрерывныя стачки во всѣхъ концахъ монархіи свидѣтельствуютъ, что броженіе далеко не улеглось, и правительство вынуждено напрячь всѣ свои силы для возстановленія хотя бы только внѣшняго порядка. Задача эта и поглощаетъ нынѣ все его вниманіе, поневолѣ отвлекая его отъ честолюбивыхъ замысловъ, столь недавно еще имѣвшихъ цѣлью распространеніе австро-венгерскаго господства за Дунаемъ и Балканами.

Очагами международнаго анархизма, готовыми вспыхнуть отъ первой искры, могутъ считаться Италія и Испанія, представляющія изъ себя монархіи только по оболочкѣ и по имени. Въ знаменательный день 1-го мая, въ обѣихъ этихъ странахъ происходили кровавыя схватки между представителями государственной силы или, вѣрнѣе сказать, безсилія, и участниками рабочей манифестаціи. Немного лучше вели себя рабочіе въ Нидерландахъ и Бельгіи, въ Швеціи съ Норвегіей и въ Даніи. Въ Англіи рабочіе-англичане, подобно нѣмцамъ, строго держатся законной почвы, за то въ самомъ Лондонѣ происходилъ разгулъ анархистовъ, выходцевъ изъ всѣхъ странъ міра, злоупотребляющихъ британскимъ гостепріимствомъ для подготовленія величайшихъ злодѣяній на материкѣ,

точащихъ ножи, заряжающихъ ружья и пистолеты, припасающихъ динамитъ, бомбы и другія орудія истребленія. Эта шайка изверговъ неистовствуетъ на всей волѣ и громко провозглашаетъ свои преступныя намѣренія и замыслы. Въ этомъ хорѣ, — увы! участвуютъ и нѣсколько десятковъ нашихъ отщепенцевъ, отверженныхъ сыновъ русской земли, порвавшихъ съ нею всякія вещественныя и духовныя связи, нагло поносящихъ ее предъ лицомъ всего міра, дерзновенно посягающихъ на священнѣйшіе залоги ея величія и благоденствія.

Такова неприглядная картина, которую въ настоящую минуту представляетъ на всемъ пространствѣ Западной Европы безобразный разгулъ страстей заклятыхъ враговъ государственности и всякой законности, дерзко бросающихъ вызовъ блюстителямъ и защитникамъ общественнаго права и порядка. Единственная страна — не скажемъ вполнѣ отъ нихъ свободная, но гдѣ правительство и общество, въ тѣсномъ союзѣ, безъ труда обуздываютъ ихъ—слывшая доселѣ за обѣтованную землю международнаго анархизма, республиканская Франція. Зависитъ это отъ многихъ, весьма сложныхъ причинъ, изъ которыхъ укажемъ на главнѣйшія.

Соціализмъ во Франціи не имѣетъ одной общей организаціи. Онъ дробится на безчисленное множество отдѣльныхъ партій, группъ, оттѣнковъ. Заражены имъ лишь рабочіе въ большихъ городахъ и немногихъ, преимущественно горнопромышленныхъ округахъ, сельское же населеніе, владѣющее землею, относится къ нему не только недовѣрчиво, но и безусловно враждебно. Французскіе рабочіе могутъ быть, подобно нѣмецкимъ, раздѣлены на двѣ главныя категоріи: тѣхъ, что̀ стремятся достигнуть законными средствами участія въ управленіи страною и провести законодательнымъ путемъ мѣры, которыя считаютъ необходимыми для обезпеченія своего благосостоянія, и другихъ, отрицающихъ всякую власть, порядокъ, организацію, словомъ, ярыхъ анархистовъ, требующихъ «общественной ликвидаціи». Послѣдніе образуютъ по сравненію съ первыми незначительное меньшинство и стоятъ къ нимъ къ отношеніяхъ далеко недружественныхъ. Да и не можетъ быть иначе, если припомнимъ, что истый французъ, прежде всего, пламенный патріотъ, подозрительно взирающій на связь французскихъ анархистовъ съ чужеземными единомышленниками. Вотъ почему международная анархія не можетъ разсчитывать на Францію, холодно и съ недовѣріемъ встрѣчающую ея представителей, чуждающуюся какого либо общенія съ ними. Настроеніе это поддержи-

вается въ массѣ французовъ не одними воспоминаніями о войнѣ 1870—71 годовъ. но и тѣмъ положеніемъ, что̀ приняли относительно Франціи правительства державъ-участницъ «четвернаго» союза: Германіи, Австро-Венгріи, Италіи и Англіи. Современный французъ видитъ въ нихъ ожесточенныхъ враговъ родины и знаетъ, что на полѣ битвы, рабочіе этихъ странъ будутъ служить и сражаться въ рядахъ армій, нападающихъ на Францію. Подъ давленіемъ желѣзной дѣйствительности, великодушныя былыя мечтанія французскихъ республиканцевъ о братствѣ народовъ и общихъ интересахъ человѣчества разлетѣлись въ прахъ, и они, въ подавляющемъ большинствѣ, ограничиваютъ нынѣ предѣлами отечества сферу своихъ симпатій и доброжелательства. Дружать они съ друзьями Франціи. которыхъ ищутъ и находятъ, отнюдь не между ближайшими сосѣдями, а далеко, на противоположной оконечности Европы, среди русскихъ, и вообще славянъ, а также румынъ и грековъ, или по ту сторону Океана, въ великой сѣверо-американской и въ безчисленныхъ мелкихъ южно-американскихъ республикахъ. Но эта дружба политическая, зиждущаяся на предполагаемомъ соглашеніи правительствъ, и ни одному французу въ голову не придетъ основывать ее на профессіональной солидарности съ рабочими Россіи, балканскихъ земель или Америки. Въ рабочихъ же прочихъ государствъ Европы онъ признаетъ лишь соперниковъ, пока на мирной почвѣ труда, а завтра, быть можетъ, и вооруженныхъ противниковъ...

VI.

Тейфенбахъ, въ Штиріи, 20 мая (1 іюня) 1890 г.

Открытіе нѣмецкаго рейхстага.—Значеніе миролюбивыхъ заявленій императора Вильгельма II.—Новыя вооруженія Германіи.—Успокоительныя рѣчи канцлера Каприви.—Рѣчь, произнесенная въ Бордо президентомъ французской палаты депутатовъ.—Возрожденіе Франціи путемъ распространенія народнаго образованія и пріумноженія вооруженныхъ силъ.—Внутреннее замиреніе.—Брошура г. Дрейфуса: «Необходимая война».—Брошура г. Ціона: «Россія и Франція».—Ошибки и промахи автора. — Ожесточенныя нападки на русскую дипломатію.—Истинное положеніе русскаго дѣла во Франціи.—Благотворная дѣятельность посла въ Парижѣ, барона Моренгейма.—Внутреннее положеніе Болгаріи.—Несостоятельность «выжидательной» политики въ примѣненіи къ этой странѣ.—Догматъ дипломатической непогрѣшимости.

Сессія вновь избраннаго нѣмецкаго рейхстага открыта императорскою рѣчью, содержащею перечисленіе предстоящихъ ему трудовъ.

Всего болѣе мѣста отведено въ ней внутреннимъ вопросамъ и въ частности цѣлому ряду новыхъ законовъ, признанныхъ «неотложными» и направленныхъ къ улучшенію быта и положенія рабочихъ. Назначеніе ихъ—дать удовлетвореніе тѣмъ изъ притязаній рабочаго сословія, которыя представляются государственной власти справедливыми и совмѣстимыми съ существующимъ въ Германіи правовымъ строемъ. Въ этомъ отношеніи проекты имперскаго правительства идутъ гораздо далѣе пожеланій недавней Берлинской международной конференціи, въ той надеждѣ, что нѣмецкіе рабочіе удовольствуются ими и откажутся отъ требованій чрезмѣрныхъ и неисполнимыхъ. Въ противномъ случаѣ, заявилъ Вильгельмъ II, всякая попытка съ ихъ стороны нарушить законный порядокъ будетъ подавлена съ непоколебимою твердостью.

Утвержденіе всеобщаго мира на прочныхъ основаніяхъ провозглашается молодымъ германскимъ императоромъ въ той же рѣчи, главною цѣлью всѣхъ его усилій. Средствами къ ея достиженію онъ считаетъ сохраненіе союзовъ, заключенныхъ Германіею для своей защиты, и поддержаніе дружественныхъ отношеній со всѣми иностранными правительствами. Но все же надежнѣйшее ручательство мира усматриваетъ онъ въ развитіи военныхъ силъ нѣмецкой имперіи.

«Всякое измѣненіе, въ относительномъ могуществѣ государствъ» — вѣщаетъ Вильгельмъ II — «грозитъ опасностью политическому равновѣсію», другими словами, настоящее политическое положеніе Европы представляется ему вполнѣ удовлетворительнымъ и не подлежащимъ какимъ либо перемѣнамъ. Германія, достигнувъ полнаго осуществленія своихъ національныхъ задачъ и стремленій, не признаетъ того же права за другими народами. Довольная своимъ преобладаніемъ среди прочихъ европейскихъ государствъ, она намѣрена сохранить его за собою и становится на стражѣ международнаго status quo, столь для нея благопріятнаго.

Но если другія державы, не раздѣляя такого односторонняго мнѣнія, пожелаютъ выйти изъ зависимаго положенія, въ которое поставило ихъ чрезмѣрное усиленіе Пруссіи, разросшейся въ могущественную Германскую имперію, являющуюся только по виду союзомъ государствъ, а въ дѣйствительности управляемую единымъ умомъ и единою волею главы имперіи, императора; если онѣ сознаютъ потребность дать миру Европы болѣе устойчивыя ручательства, чѣмъ обильное въ словѣ, но далеко еще недоказанное на дѣлѣ миролюбіе наслѣдника Гогенцоллерновъ; если, наконецъ, онѣ откажутся признать начало равновѣсія въ перевѣсѣ одной державы надъ всѣми прочими? Въ такомъ случаѣ на нихъ будутъ обращены соединенныя силы Германіи и ея союзниковъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого, однако, что подъ охраною всеобщаго мира нѣмецкій императоръ, въ сущности, разумѣетъ ни что иное, какъ утвержденіе собственнаго преобладанія въ Европѣ, на вѣки вѣковъ?

А пока европейскія государства обречены на неподвижность, Германія станетъ настойчиво и безпрепятственно распространять свою власть въ другихъ частяхъ свѣта, на первый разъ въ Восточной Африкѣ, но и тамъ хищническія цѣли, земельные захваты прикрываются благовидными предлогами: преслѣдованіе торговли рабами, содѣйствіе торжеству цивилизаціи.

Такова программа внѣшней политики Вильгельма II, возвѣщенная собственными его устами представителямъ нѣмецкаго народа.

Если бы она была искренно миролюбива, то не зачѣмъ, казалось бы, прибѣгать къ новымъ вооруженіямъ. Мира одинаково жаждутъ всѣ правительства и всѣ народы. Никого изъ нихъ не требуется принуждать къ миру силою. Но въ томъ-то и дѣло, что охрана мира въ Европѣ и насажденіе гражданственности въ Африкѣ суть не болѣе, какъ предлоги для прикрытія видовъ, внушаемыхъ преемственнымъ и безмѣрнымъ честолюбіемъ берлинскаго двора. Отсюда необходимость поддержать ихъ вооруженною рукою, влекущая за собою крайнее напряженіе боевыхъ средствъ имперіи. Недостаточно поддерживать нѣмецкую армію на прежней внушительной высотѣ; нужно расширить кадры, увеличить наличность не только военнаго, но и мирнаго времени; словомъ, необходимо довести армію до такого состоянія, чтобы она обезпечивала за Германіей численный перевѣсъ надъ арміями всѣхъ прочихъ великихъ державъ.

И вотъ на обсужденіе нѣмецкаго рейхстага представленъ законопроектъ, предлагающій увеличить численность арміи въ мирное время на 18,574 человѣка, съ ассигнованіемъ на этотъ предметъ лишнихъ 18 милліоновъ марокъ въ годъ, всего же съ прочими чрезвычайными расходами на 31 милліонъ болѣе, чѣмъ въ предшедшіе годы.

Но это еще не все. Военный министръ, генералъ Верди дю-Вернуа, съ чисто солдатскою откровенностью, объявилъ, что это только первый шагъ по пути, вступивъ на который, нѣмецкое военное вѣдомство непремѣнно дойдетъ до конца. Предполагается современемъ включить въ ряды арміи всѣхъ нѣмцевъ, обязанныхъ нести военную службу, безъ малѣйшаго исключенія, что̀ повлечетъ за собою усиленіе мирнаго состава арміи уже не на 18,000, а на 55,000 человѣкъ. Вожакъ свободомыслящей партіи, Рихтеръ, вычислилъ, что полное осуществленіе выработаннаго военнымъ министерствомъ плана выразится чрезъ десять лѣтъ въ слѣдующихъ цифрахъ: численный составъ арміи въ мирное время, вмѣсто нынѣшнихъ 468,000 человѣкъ, дойдетъ до 1.032,000, въ военное время—вмѣсто нынѣшнихъ 3.350,000 человѣкъ—6.566,000; военный бюджетъ возрастетъ до 970.000,000 марокъ ежегодно, не считая единовременныхъ чрезвычайныхъ затратъ въ два милліарда.

Защитникомъ этого колоссальнаго плана, предъ которымъ нѣмѣетъ воображеніе, выступилъ въ рейхстагѣ престарѣлый фельдмаршалъ Мольтке, согласно обычаю, усвоенному всѣми нѣмецкими государственными людьми, искавшій доказать его настоятельную необходимость ссылкою на вооруженія сосѣдей со стороны Запада

и Востока, какъ будто не Пруссіи принадлежитъ починъ введенія всеобщей воинской повинности въ Европѣ. Военный министръ пошелъ еще далѣе, заявляя, что Германія должна дать своимъ вооруженнымъ силамъ такое развитіе, чтобы другія державы лишены были возможности обогнать, ниже догнать ее. Ни тотъ, ни другой, словно и не подозрѣваютъ, что подобное чудовищное приращеніе боевыхъ средствъ имперіи, если и обезпечитъ Германію отъ опасности нападенія, то въ то же время подвергнетъ этой самой опасности всѣ сопредѣльныя съ нею страны.

Дабы разсѣять довольно естественное опасеніе «безпокойныхъ и недовѣрчивыхъ сосѣдей», новый имперскій канцлеръ, генералъ Каприви, счелъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько успокоительныхъ заявленій. По поводу недавно появившейся въ Берлинѣ брошуры: «Videant consules», онъ отрицалъ проповѣдуемыя авторомъ ея онѣмеченіе славянъ и распространеніе владычества Германіи на все балтійское побережье. Но вѣдь стремленіе нѣмцевъ на Востокъ—историческое явленіе, дѣйствующее въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, совершенно независимо отъ произвола государственныхъ людей Германіи, явленіе стихійное, зародившееся задолго до генерала Каприви и которое, конечно, переживетъ его, а потому мы въ полномъ правѣ отвѣтить ему, что, при всей искренности его завѣреній, территоріальное безкорыстіе Германіи—не болѣе, какъ слова-слова-слова! тогда какъ потребованные отъ рейхстага кредиты—мечи-мечи-мечи! И неужели намъ, русскимъ людямъ, непозволено усвоить разсужденіе, которымъ фельдмаршалъ Мольтке заключилъ такъ убѣдительно послѣднюю рѣчь свою: «Миролюбивыя заявленія иностранныхъ правительствъ имѣютъ, конечно, очень высокую цѣну; но безопасность свою можемъ мы обрѣсти только въ самихъ себѣ».

Убѣжденіемъ этимъ вполнѣ прониклась современная Франція, спокойно, безъ шума и задора, но твердо и неуклонно совершающая преобразованіе военныхъ силъ своихъ. Совершенно справедливо замѣтилъ въ рѣчи, произнесенной въ Бордо, президентъ палаты депутатовъ, г. Флокэ, что главная задача правительства республики можетъ считаться осуществленною. Тому назадъ двадцать лѣтъ, послѣ рокового разгрома 1870—71 годовъ, она выражалась въ двухъ словахъ: образованіе народа и вооруженіе его. Нынѣ всѣ французы обучены грамотѣ, народное просвѣщеніе широкою струею разлилось по странѣ, и Франція обладаетъ арміею, несравненно многочисленнѣйшею и сильнѣйшею, чѣмъ та даже, которою располагали Лудовикъ XIV, Конвентъ и Наполеонъ, не говоря уже о Реставраціи,

іюльской монархіи или второй имперіи. Неутомимый организаторъ, нынѣшній военный министръ, г. де-Фрейсинэ, завершилъ надняхъ ея переустройство принятіемъ мѣры, необходимость которой давно была сознана высшими военными авторитетами: назначеніемъ безсмѣннаго начальника главнаго штаба всѣхъ французскихъ войскъ, который, при объявленіи войны, становится начальникомъ главнаго штаба совокупности дѣйствующихъ армій. Призваніе на этотъ важный отвѣтственный постъ самаго дѣятельнаго и способнаго изъ французскихъ военачальниковъ, генерала Мирибеля, дѣлаетъ большую честь независимости образа мыслей и воинской прозорливости «гражданскаго» военнаго министра республики.

Не менѣе превосходнаго состоянія войска содѣйствуетъ возростанію международнаго значенія Франціи внутреннее замиреніе страны. Страсти улеглись и успокоились, смута и раздоръ, если не вполнѣ исчезли, то все же не проявляются болѣе въ буйныхъ нарушеніяхъ общественнаго порядка, въ отчаянныхъ попыткахъ къ насильственному ниспроверженію государственнаго строя. Зловѣщій призракъ буланжизма, болѣе двухъ лѣтъ тяготѣвшій надъ Франціей, разсѣялся, не оставя и слѣда. Правительство обрѣло, съ давно небывалою устойчивостью, твердость и энергію, необходимыя принадлежности власти. Президентъ республики, въ путешествіяхъ по различнымъ областямъ, пожинаетъ плоды своихъ примирительныхъ посѣвовъ. Всюду населеніе заявляетъ ему сочувствіе, восторженно привѣтствуетъ его.

Немудрено, что всѣ эти признаки возрожденія отечества вызываютъ снова во французахъ самоувѣренность, утраченную ими со временъ злополучной войны, и которая проявляется въ образѣ дѣйствій дипломатіи, въ настроеніи политическихъ дѣятелей, въ тонѣ и рѣчахъ различныхъ органовъ печати. Надняхъ въ Парижѣ раздался даже голосъ, прямо требующій возсоединенія съ Франціей отторженныхъ отъ нея нѣмцами Лотарингіи и Эльзаса.

Требованіе это изложено въ брошурѣ, озаглавленной: «Необходимая война» (La guerre nécessaire). Принадлежитъ она перу депутата Дрейфуса, члена радикальной фракціи республиканскаго большинства. Мысль свою почтенный авторъ формулируетъ въ слѣдующемъ положеніи: Настало время для Франціи добиться пересмотра франкфуртскаго мирнаго договора или разорвать его.

Г. Дрейфусъ находитъ, что Франція не будетъ безопасна, пока не возвратитъ утраченныхъ областей. На обратную уступку

ихъ Германія никогда не согласится добровольно, а пока она не состоится тѣмъ или другимъ способомъ, нельзя и помышлять о разоруженіи. Между тѣмъ, развитіе и пріумноженіе боевыхъ средствъ страны стóитъ ей страшныхъ жертвъ, истощаетъ ея производительныя силы. Исходъ изъ такого положенія можетъ быть только одинъ: война, къ которой Франція въ настоящую минуту лучше подготовлена, чѣмъ ея соперница. Союзницы Германіи, Австро-Венгрія и Италія, крайне ненадежны, тогда какъ Франція можетъ положиться на Россію. Авторъ брошуры допускаетъ пользу заключенія франко-русскаго союзнаго договора, «но»,—прибавляетъ онъ,—«мы не придаемъ подписанію его того значенія, которое приписывалъ ему Катковъ и продолжаетъ приписывать г. Татищевъ». Лучшее ручательство совокупнаго дѣйствія обѣихъ державъ—общность ихъ интересовъ. Чего хочетъ Франція? спрашиваетъ г. Дрейфусъ.—Возвратить себѣ Эльзасъ и Лотарингію.—Чего хочетъ Россія?—Разорвать Берлинскій трактатъ; возвратиться къ трактату Санъ-Стефанскому, расширивъ его; вступить въ Константинополь. «Въ наше время»—продолжаетъ онъ,—«Костантинополь не есть уже путь въ Индію; со времени открытія Суэцскаго канала онъ уже не представляетъ прежней важности для Европы. Для Россіи же, Константинополь — это дверь въ Средиземное море, переставшее быть французскимъ озеромъ и обратившееся въ англійскій прудъ съ тѣхъ поръ, какъ Великобританія овладѣла Кипромъ и Египтомъ. Она уже обладала Мальтою и Гибралтаромъ. Нынѣ она полновластно господствуетъ на всемъ Средиземномъ морѣ. «А потому»,—заключаетъ г. Дрейфусъ,—«въ интересахъ Франціи открыть доступъ въ это море Россіи, флотъ которой, чрезъ Дарданеллы, присоединится къ французскому флоту, дабы противостоять сообща, въ случаѣ надобности, англійскимъ судамъ, во всякомъ случаѣ—нѣмецко-итальянскимъ эскадрамъ».

Такимъ образомъ всѣ шансы побѣды на сторонѣ Франціи, въ союзѣ или даже безъ союза съ Россіей, противъ Германіи и ея союзницъ. Армія ея пока многочисленнѣе, лучше вооружена; въ Тунисѣ и Тонкинѣ ея солдаты и генералы освоились съ войною, тогда какъ нѣмцы не были въ огнѣ цѣлыхъ двадцать лѣтъ. Общій выводъ автора: Пробилъ часъ войны; два года назадъ было бы слишкомъ рано; черезъ два года, быть можетъ, будетъ уже слишкомъ поздно.

Здраво мотивированное и смѣло выраженное мнѣніе г. Дрейфуса противорѣчитъ, правда, миролюбивому настроенію французскаго правительства и общества, но оно все же представляетъ несомнѣн-

ное «знаменіе времени» и свидѣтельствуетъ о подъемѣ національнаго духа французовъ. На нашъ взглядъ, этого еще недостаточно, чтобы побудить Францію принять на себя отвѣтственность за починъ въ борьбѣ, исхода которой никому не дано предвидѣть, и которая неизбѣжно повлечетъ за собой неисчислимыя бѣдствія для той или другой стороны, быть можетъ и для обѣихъ. Но ободряющее дѣйствіе такого настроенія несомнѣнно обращаетъ французовъ въ столь же полезныхъ и желательныхъ союзниковъ, сколько и въ опасныхъ враговъ.

Мы, русскіе люди, можемъ только искренно порадоваться народному обороту во внутреннемъ и внѣшнемъ положеніи дружественной намъ державы, возрожденіе которой, матеріальное и нравственное, представляется явленіемъ въ высшей степени благопріятнымъ для Россіи. Образуя вмѣстѣ съ нею, на двухъ противоположныхъ окраинахъ Европы, противовѣсъ Германской имперіи, опирающейся на Австро-Венгрію и Италію и поддержанной морскими силами Великобританіи, Франція, въ единеніи съ Россіей, обезпечиваетъ не только цѣлость и безопасность обоюдныхъ владѣній, но также и миръ и спокойствіе вселенной. Это—несомнѣнная истина, давно уже сознанная и оцѣненная какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и въ Парижѣ, столько же общественнымъ мнѣніемъ обѣихъ странъ, сколько и государственными людьми, призванными руководить ихъ внѣшнею политикою. Но чѣмъ болѣе дорожимъ мы добрымъ согласіемъ съ французскою республикою, тѣмъ строже должны относиться къ такимъ заявленіямъ въ печати, которыя, въ корнѣ подрывая установившіяся между Россіею и Франціею узы взаимнаго довѣрія и уваженія, наносятъ неисправимый вредъ тому самому дѣлу, которому, повидимому, хотѣли бы служить. Таково именно впечатлѣніе, вынесенное нами изъ прочтенія брошуры д-ра Ціона, недавно вышедшей въ Парижѣ на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Франція и Россія», и посвященной дорогой намъ памяти М. Н. Каткова.

Не мы, конечно, станемъ оспаривать основное положеніе автора, заключающееся въ томъ, что франко-русское соглашеніе должно быть непремѣнно опредѣлено оборонительнымъ союзнымъ договоромъ, который не только не подвергнетъ опасности мира Европы, но, напротивъ, будетъ служить наилучшимъ для него залогомъ и ручательствомъ. Положеніе это мы впервые установили въ нашихъ бесѣдахъ пять мѣсяцевъ назадъ, и съ тѣхъ поръ неоднократно возвращались къ нему, развивая и уясняя его въ послѣдующихъ обозрѣніяхъ. Мы раздѣляемъ также съ г. Ціономъ

усвоенное уже—какъ мы видѣли выше—и нѣкоторыми французскими публицистами мнѣніе, что Франціи не страшно распространеніе господства Россіи на Дарданеллы и Босфоръ и что свободный проходъ русскаго флота изъ Чернаго моря въ Архипелагъ какъ нельзя лучше отвѣчаетъ французскимъ интересамъ въ Средиземномъ морѣ. Спѣшимъ, однако, оговорить, что намъ рѣшительно непонятна хитроумная комбинація автора, оставляющаго султана въ Царьградѣ, въ качествѣ халифа и повелителя правовѣрныхъ, подъ властью и покровомъ Россіи. Комбинація эта представляется намъ совершенно несогласуемою съ національными стремленіями русскаго народа, полагающаго свое историческое призваніе въ водруженіи креста надъ полумѣсяцемъ на куполѣ Софійскаго храма, какъ знаменіе торжества Православія надъ Мусульманствомъ. Оговариваемъ также фантастическое привлеченіе императора австрійскаго, короля венгерскаго, въ составъ франко-русскаго союза подъ тѣмъ изумительнымъ предлогомъ, что-де между Россіей и Австро-Венгріей не существуетъ никакой противоположности интересовъ, ни малѣйшаго разумнаго повода къ пререканіямъ или раздору.

Сдается намъ, однако, что даже для защиты положеній, общихъ намъ съ г. Ціономъ, онъ прибѣгаетъ въ своей брошурѣ къ доводамъ крайне неудачнымъ и едва ли цѣлесообразнымъ.

Бывшему профессору физіологіи, быть можетъ, извинительно не твердо знать исторію, но зачѣмъ же тогда и браться за передачу историческихъ фактовъ, плохо ему извѣстныхъ, и которые, будучи переданы въ искаженномъ видѣ, могутъ только поколебать довѣріе читателей и къ выводимымъ изъ нихъ заключеніямъ. Изъ многочисленныхъ промаховъ д-ра Ціона укажемъ здѣсь на главнѣйшіе.

Онъ называетъ князя Курбскаго родственникомъ Іоанна Грознаго и выдаетъ за «штатскаго» генерала Савари. Гамбеттѣ онъ вмѣняетъ въ вину отправленіе, пять мѣсяцевъ по своей кончинѣ, г. Ваддингтона въ качествѣ чрезвычайнаго представителя Франціи на коронацію въ Москву. Во время коронаціонныхъ празднествъ,—утверждаетъ далѣе г. Ціонъ, — кронпринцъ Фридрихъ-Вильгельмъ вступилъ-де въ переговоры, подготовившіе возобновленіе тройственнаго союза. Мы позволимъ себѣ замѣтить, что это было бы для него тѣмъ труднѣе, что вовсе не онъ, а сынъ его, нынѣшней императоръ Вильгельмъ II, представлялъ своего маститаго дѣда на этомъ торжествѣ.

Авторъ развязно, хотя довольно безсвязно, разсуждаетъ о тайныхъ дипломатическихъ актахъ, какъ, напримѣръ, австро-русская конвенція 1877 года, или никому, кромѣ его одного, невѣдомый договоръ трехъ императорскихъ дворовъ, представляющій, по собственному его признанію, ту характерную особенность, что, будучи якобы подписанъ 15 марта 1886 года, онъ «окончательно» ратификованъ при свиданіи въ Скерневицахъ, происходившемъ 3 (15) и 4 (16) сентября 1884 года, т. е. за два съ половиною года до заключенія самаго договора.

Не болѣе свѣдущимъ является авторъ въ своихъ оцѣнкахъ общественныхъ явленій, каковы славянофильство или развитіе въ сознаніи русскаго общества идеи соглашенія съ Франціей. Въ послѣднемъ движеніи онъ хотя и отводитъ Каткову подобающее мѣсто, но совершенно умалчиваетъ о дѣятельномъ участіи Аксакова и Скобелева. За то, съ нескрываемымъ самодовольствомъ, посвящаетъ онъ насъ въ собственное свое вмѣшательство въ дѣло, приписывая едва ли не себѣ одному всѣ политическіе и финансовые результаты, достигнутые, какъ извѣстно, дружными усиліями цѣлаго ряда дѣятелей, какъ русскихъ, такъ и французовъ, въ области дипломатіи, финансовъ и литературы.

Чрезмѣрная притязательность автора довольно невиннаго свойства, и можетъ вызвать только улыбку на устахъ читателей, хорошо знакомыхъ съ обстоятельствами дѣла. Къ сожалѣнію, совершенно иное, прямо удручающее впечатлѣніе производятъ тѣ мѣста его брошуры, въ которыхъ онъ пытается очернить и смѣшать съ грязью политическихъ дѣятелей обѣихъ странъ, почему либо лично ему неугодныхъ. Ни мало не задумываясь, онъ обвиняетъ ихъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ забвеніи долга и даже въ государственной измѣнѣ; но, давая волю пылкому своему воображенію, онъ и не трудится надъ приведеніемъ какихъ либо доказательствъ. Оставляемъ на его отвѣтственности, за невоможностью для насъ провѣрить разсказъ о мнимо-враждебныхъ, по отношенію къ Россіи, замыслахъ и поступкахъ большинства министерствъ, смѣнявшихся у власти во Франціи со времени основанія третьей республики, хотя намъ извѣстно не малое число фактовъ изъ жизни и дѣятельности Гамбетты и даже Жюля Ферри, прямо несогласныхъ съ его утвержденіями. Но мы исполняемъ нашъ долгъ, свидѣтельствуя, что изложеніе имъ печальнаго случая въ Сагалло совершенно противорѣчитъ дѣйствительности. Кабинетъ Флокэ-Гоблэ, подозрѣваемый г. Ціономъ въ умышленномъ пролитіи русской крови на

африканскомъ берегу, въ угоду Италіи, и былъ именно тѣмъ изъ французскихъ министерствъ, что́ дало русскому правительству наиболѣе доказательствъ желанія упрочить дружественную съ нимъ связь, а въ дѣлѣ Ашинова онъ не сдѣлалъ ни одного распоряженія, не заручившись согласіемъ и разрѣшеніемъ Императорскаго кабинета.

Наконецъ, въ отзывахъ автора о русскихъ дипломатахъ, замѣчается нѣчто глубоко оскорбляющее наше народное чувство и возбуждающее въ насъ нелицемѣрное патріотическое негодованіе. Пишущаго эти строки никто не заподозритъ, конечно, въ снисходительномъ или льстивомъ отношеніи къ отечественной дипломатіи, которую онъ безпощадно обличалъ каждый разъ, когда, по крайнему его разумѣнію, образъ мыслей и дѣйствій центральнаго вѣдомства или мѣстныхъ дипломатическихъ агентовъ не отвѣчалъ государственнымъ пользамъ Россіи. Выражая въ печати взгляды наши по вопросамъ внѣшней политики, мы, по мѣрѣ силъ, исполняли нашу вѣрноподданическую обязанность, по завѣту незабвеннаго Каткова, «не допуская никакого лицепріятія, не впадая ни въ какіе торги съ совѣстью, не давая сбить себя никакимъ прельщеніямъ съ одной стороны, никакимъ вынужденіямъ — съ другой». Порою мы высказывали наше мнѣніе съ тою рѣзкостью, что́ находитъ себѣ оправданіе въ ревности о благѣ отечества. Но никогда, даже въ пылу самой ярой полемики, не позволяли мы себѣ, не позволимъ и впредь, бросать неблаговидную тѣнь на личный характеръ или достоинство русскихъ дипломатовъ, искать уронить въ общественномъ уваженіи лицъ, имѣющихъ честь представлять предъ Европою Государя и Россію. Напротивъ, мы почитали себя счастливыми каждый разъ, когда имѣли возможность гласно признать ихъ заслуги, привѣтствовать ихъ успѣхи во славу престола, на пользу родинѣ.

Таково, именно, въ настоящую минуту, положеніе русскаго дѣла во Франціи. Идея всюду пролагаетъ путь факту. Не подлежитъ сомнѣнію, что горячая дѣятельность въ литературѣ и въ частности въ повременной печати подготовила почву для дипломатическаго сближенія Россіи съ Франціей. Но, повторяемъ, истина эта одинаково сознана въ политическихъ сферахъ какъ въ Парижѣ, такъ и въ С.-Петербургѣ. Державный Вождь Русской земли проворливымъ окомъ измѣрилъ и оцѣнилъ всю пользу для Россіи отъ добраго согласія ея съ Франціей. Да и могъ ли Онъ не быть убѣжденъ трогательными выраженіями сочувствія и преданности французскаго

правительства и общества къ Нему и къ Его народу? Ближайшій исполнитель Высочайшихъ предначертаній, министръ иностранныхъ дѣлъ, также имѣлъ не разъ уже случай на опытѣ провѣрить благопріятныя послѣдствія единомыслія кабинетовъ петербургскаго и парижскаго по главнымъ международнымъ вопросамъ. Франко-русское соглашеніе перешло, такимъ образомъ, изъ области предположеній въ область дѣйствительности. Ко благу обѣихъ странъ, отнынѣ оно господствуетъ надъ судьбами Европы и всего міра.

Ревностнымъ послѣдователемъ этого политическаго направленія представляется намъ посолъ нашъ въ Парижѣ, на котораго въ особенности обрушиваются громы г. Ціона. Русскій душою, питомецъ Московскаго университета, товарищъ юности Каткова и Аксакова, баронъ А. П. Моренгеймъ съумѣлъ, въ продолженіе пятилѣтняго своего пребыванія въ столицѣ Франціи, снискать всеобщее уваженіе, какъ достойный представитель величія Государя и Россіи, вѣрный истолкователь благорасположенія ихъ къ французскому народу. Можно не раздѣлять всѣхъ политическихъ мнѣній барона Моренгейма, можно расходиться съ нимъ въ воззрѣніяхъ на тотъ или другой частный вопросъ; но нельзя не воздать ему должной справедливости за то, что онъ проявляетъ много ума и такта въ вѣрномъ исполненіи державной воли, въ рвеніи, съ которымъ оберегаетъ государственную честь и народныя пользы Россіи. Никогда нравственное обаяніе русскаго посла не сказывалось во Франціи съ бо̀льшею силою, никогда личность его не была окружена бо̀льшимъ почетомъ. «Видѣвшій свидѣтельствуетъ и истинно свидѣтельство его». Утверждаемъ это съ патріотическою гордостью, испытываемою нами всякій разъ, когда, за отечественнымъ рубежемъ, видимъ священное знамя Россіи, высоко и широко развѣвающимся въ твердыхъ и достойныхъ рукахъ.

Но если такъ,—возразятъ намъ,—то почему не заключенъ еще нами же признаваемый столь необходимымъ, въ виду непрерывающихся грозныхъ вооруженій Германіи и ея подручницъ, оборонительный союзный договоръ Россіи съ Франціей? Отвѣтъ нашъ простъ: во-первыхъ, мы не можемъ ни утверждать, ни отрицать того, чего не знаемъ, а заключеніе договора не влечетъ еще за собой обязательнаго его обнародованія; во-вторыхъ, всякому маломальски знакомому съ дипломатическою практикою ясно, что, направляясь къ извѣстной цѣли, дипломатамъ приходится считаться съ противными теченіями и лавировать, соображаясь съ ними, иногда даже въ направленіи противоположномъ. Важно лишь никогда

не упускать цѣль изъ виду, выждать попутнаго вѣтра, и тогда уже идти къ ней подъ всѣми парусами, прямымъ путемъ.

Такъ, надѣемся, и дѣйствуетъ наша дипломатія во Франціи. Почему же не такъ поступаетъ она въ Болгаріи, гдѣ каждый день, едва ли не каждый часъ, все болѣе и болѣе отдаляетъ ее отъ того, что должно было бы служить ей неизмѣнною цѣлью: возстановленія нормальныхъ отношеній между страною, искупленной русскою кровью, и ея освободительницей—Россіей? Судить приходится по результатамъ, да по отзывамъ иностранныхъ газетъ, такъ какъ азіатскій департаментъ давно уже не дѣлился съ русскимъ обществомъ офиціальными свѣдѣніями о Болгаріи.

Результаты, что̀ у всѣхъ на виду, самые безотрадные. Цѣлые пять лѣтъ Болгарія обходится безъ Россіи. Отчужденіе состоялось полное. Порядокъ, непризнанный русскимъ дворомъ, упрочился, пустилъ глубокіе корни въ странѣ. Мы твердо убѣждены, что, при наступленіи внѣшней бѣды, Болгарія почувствуетъ весь вредъ, проистекающій для ея національныхъ интересовъ отъ порванія узъ, связывавшихъ ее съ державой-благодѣтельницей, и даже дорого поплатится за свою неблагодарность; но пока не пробилъ этотъ часъ, она—надо сознаться—испытываетъ мало или вовсе не испытываетъ неудобствъ отъ разрыва съ нами. Вины г. Стамбулова предъ Россіей не препятствуютъ намъ признать, что въ управленіи княжествомъ онъ обнаруживаетъ замѣчательныя способности, разсудительность, твердость. Въ Болгаріи строятся желѣзныя дороги; государственные финансы находятся въ цвѣтущемъ состояніи, судя по той легкости, съ какою софійское правительство внесло русской казнѣ запоздалые взносы по уплатѣ своего долга; армія соблюдаетъ строгую дисциплину и не мѣшается въ политику; наконецъ, посреди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, общественный порядокъ и спокойствіе нигдѣ не подвергались серьезному нарушенію. Намъ хорошо̀ извѣстны возгласы и причитанія эмигрантовъ, что-де населеніе стонетъ и страдаетъ подъ невыносимымъ деспотизмомъ правителей, но такъ, всегда и вездѣ, отзываются политическіе выходцы о положеніи родины, а до сихъ поръ, выходцы болгарскіе не привели еще ни одного факта въ потвержденіе своихъ нареканій.

Таково настоящее положеніе Болгаріи. Какъ же относится къ нему русская дипломатія въ настоящемъ, что̀ намѣрена она предпринять въ будущемъ?

Если вѣрить газетамъ, получающимъ внушенія отъ нашего дипломатическаго вѣдомства или выдающимъ себя за его о́рганы,

положеніе русскаго двора по отношенію къ Болгаріи продолжаетъ быть выжидательнымъ. Россія не признаетъ законнымъ настоящее болгарское правительство и не допускаетъ мысли о примиреніи съ нимъ. Она спокойно ждетъ, пока народное негодованіе низвергнетъ его и снова возвратитъ болгарамъ свое благоволеніе, какъ только они, умудрясь опытомъ, возвратятъ ей почтеніе и преданность.

Такая политика могла бы быть, до извѣстной степени, оправдана, если бы, дѣйствительно, въ средѣ болгаръ существовало то недовольство противъ людей, находящихся у власти, о которомъ неустанно твердятъ эмигранты и котораго на самомъ дѣлѣ нѣтъ и слѣда. Но допустимъ, что въ Болгаріи произойдетъ переворотъ, и г. Цанковъ замѣнитъ г. Стамбулова во главѣ управленія. Конечно, онъ не поскупится, на первыхъ порахъ, на льстивыя увѣренія русской дипломатіи; но еслибы даже дѣло было доведено до полнаго возстановленія status quo ante, съ русскимъ военнымъ министерствомъ и русскими офицерами во главѣ болгарскаго войска, то развѣ порядокъ этотъ можетъ быть признанъ достаточно обезпечивающимъ интересы Россіи и Болгаріи? Оттого-то онъ и привелъ обѣ страны къ нынѣшнему разладу, что, съ одной стороны, налагая на Россію тяжкія жертвы, не приносилъ ей въ сущности ни малѣйшей пользы, съ другой — только раздражалъ болгаръ, уязвлялъ ихъ самолюбіе и вселялъ въ нихъ ненависть къ русскимъ. При такомъ порядкѣ, азіатскій департаментъ разыгрывалъ предъ Болгаріей роль bourru bienfaisant, а болгарскіе дѣятели то и дѣло переходили отъ подобострастнаго заискиванія, пока находились въ оппозиціи, къ наглой и вызывающей враждебности, когда достигали власти. Между тѣмъ, русская дипломатія распиналась за Болгарію предъ Европой, даже и не помышляя объ огражденіи пользъ Россіи въ этой странѣ надежными матеріальными ручательствами.

Выжидательная политика имѣетъ еще другое важное неудобство, о которомъ считаемъ нравственнымъ долгомъ высказаться съ полною откровенностью. Ставя перемѣну внѣшнихъ отношеній Россіи къ Болгаріи въ зависимость отъ внутренней перемѣны въ самомъ княжествѣ, она предполагаетъ послѣднюю желательной для Россіи. Этимъ ловко пользуются всѣ тѣ, кто заинтересованы въ продленіи русско-болгарской междоусобицы, дабы навязать русскому правительству отвѣтственность за всякую попытку болгарскихъ выходцевъ насильственнымъ путемъ низвергнуть установившійся въ княжествѣ порядокъ. За послѣднія пять лѣтъ произошло не мало такихъ по-

пытокъ, и всѣ, за исключеніемъ послѣдней,—съ кровавымъ исходомъ: Силистрія, Рущукъ, Бургасъ! Заговоръ маіора Паницы относится къ той же категоріи, столь же безплодныхъ, сколько и безцѣльныхъ предпріятій.

Мы не удостоимъ враговъ и недоброжелателей Россіи опроверженіемъ гнусной и бездоказательной клеветы, дерзко взводимой ими на руководителей внѣшней политики нашего отечества. Усвоивъ извѣстное положеніе князя Бисмарка о томъ, что чувству нѣтъ мѣста въ политикѣ, которую слѣдуетъ вести безстрастно и разсчетливо, какъ торговое дѣло, мы хотимъ видѣть въ нашемъ Посольскомъ Приказѣ торговую фирму безукоризненной честности, единственно приличествующей достоинству Царя и народа. Пусть другіе кабинеты прибѣгаютъ къ темнымъ и нечистымъ средствамъ. Преемственныя начала русскаго двора исключаютъ ихъ изъ его обихода. Но если бы такія средства и не осуждались совѣстью, то разумъ все же бы призналъ ихъ безразсудными, до такой степени они на дѣлѣ приводятъ къ результатамъ прямо противоположнымъ тѣмъ, что́ имѣются въ виду. Вмѣсто того, чтобы ниспровергнуть порядокъ, противъ котораго направлены нелѣпыя частныя вспышки, безъ труда подавляемыя, они только содѣйствуютъ вящему его упроченію.

Единственная выгода, представляемая выжидательною политикой, та, что она не требуетъ покаянія въ ошибкахъ и промахахъ, совершенныхъ нашими дипломатическими дѣятелями, того покаянія, безъ котораго не́чего и думать объ ихъ исправленіи и о вступленіи на новый дѣятельный путь.

Цѣлый рядъ внушительныхъ уроковъ далъ въ этомъ отношеніи современнымъ дипломатамъ великій политическій учитель нашихъ дней, недавно сошедшій съ арены, желѣзный канцлеръ Германской имперіи. Такъ, въ столкновеніи съ Испаніей изъ-за Филиппинскихъ острововъ, онъ, не колеблясь, сознался въ своемъ заблужденіи и выдалъ головою главнаго виновника, введшаго его въ заблужденіе, мѣстнаго нѣмецкаго агента.

Намъ кажется, что и въ русско-болгарскихъ недоразумѣніяхъ, независимо отъ провинностей болгаръ, которыхъ намъ и въ голову не приходитъ отрицать, не мало зла причинила такъ называемая febris consularis, та консульская лихорадка, что́ охватываетъ мѣстныхъ дѣятелей, а ими сообщается и столичному начальству. Зараженные ею дипломаты пренаивно смѣшиваютъ уколы личнаго самолюбія съ посягательствомъ на достоинство Россіи и, вопреки очевидности и здравому смыслу, не только хотятъ быть правыми

въ настоящемъ, но и не допускаютъ, чтобъ когда либо и въ чемъ либо они могли погрѣшить или ошибиться, даже въ прошедшемъ.

Отречемся же отъ догмата дипломатической непогрѣшимости, и тогда Россіи не зачѣмъ будетъ упорствовать въ заколдованномъ кругѣ выжидательной политики, осужденной опытомъ и несомнѣнно обреченной на безплодіе. Она получитъ возможность быстро и смѣло выступить на широкій путь политики дѣятельной, разумной, живой. Тогда представится ей такая дилемма: Болгарія или станетъ искреннимъ другомъ и союзницей Россіи, или сотрется съ лица земли. Третьяго рѣшенія рокового вопроса нѣтъ и быть не можетъ. Противъ него возопила бы къ небу русская кровь, въ такомъ изобиліи пролитая за свободу политическую и за духовную самобытность Болгаріи.

VII.

Тейфенбахъ въ Штиріи, 19 іюня (1 іюля) 1890 г.

Разладъ между Вильгельмомъ II и княземъ Бисмаркомъ. — Разномысліе по вопросамъ конституціонному и рабочему.—Различіе во взглядѣ на внѣшнія дѣла.—Иныя средства для достиженія тѣхъ же цѣлей.—Усиленныя вооруженія державъ-участницъ тройственнаго союза.—Приступленіе къ нему Англія видоизмѣняетъ его значеніе. — Стремленіе германскаго племени къ преобладанію во вселенной. — Естественные союзники Россіи: Франція, второстепенныя державы Запада и православныя государства Востока. — Нормальныя отношенія Россіи и Европы къ христіанскимъ народностямъ Балканскаго полуострова. — Россія и Австро-Венгрія въ отношеніяхъ своихъ къ Сербіи и Болгаріи.—Несогласуемость народныхъ стремленій болгаръ съ цѣлями «четвертного» союза. — Восточный вопросъ.

Когда, три мѣсяца назадъ, состоялось столь же неожиданное, сколько и вынужденное удаленіе князя Бисмарка на покой, мы устранили себя отъ обсужденія причинъ этого историческаго явленія, въ тайну которыхъ мы не были посвящены. Но съ тѣхъ поръ помянутыя причины успѣли достаточно выясниться, и это позволяетъ намъ высказать о нихъ наше мнѣніе, не вдаваясь въ область политическаго гаданія или мечтательности.

Мы не станемъ касаться ихъ, насколько онѣ обусловливаются личными отношеніями молодого императора къ его маститому министру. Это вопросъ психологическій, лишь косвенно отражающійся на политикѣ. Гораздо важнѣе знать, въ чемъ заключалось разномысліе между государемъ и канцлеромъ по текущимъ политическимъ вопросамъ, какъ внутреннимъ такъ и внѣшнимъ.

Теперь уже не подлежитъ никакому сомнѣнію, что у Вильгельма II и у Бисмарка два совершенно противоположные взгляда на конституціонную жизнь новосозданной нѣмецкой имперіи. По-

литическія партіи въ имперскомъ сеймѣ служили бывшему канцлеру лишь страдательнымъ орудіемъ для достиженія государственныхъ цѣлей, императоръ же намѣренъ, повидимому, привлечь ихъ къ дѣятельному участію въ управленіи дѣлами страны. На это указываетъ назначеніе на должность прусскаго министра финансовъ одного изъ виднѣйшихъ дѣятелей парламентаризма въ Германіи, вождя національ-либераловъ Микеля. Въ томъ же смыслѣ ожидается преобразованіе всего правительственнаго механизма имперіи, сосредоточеннаго доселѣ въ рукахъ одного лица — имперскаго канцлера и которому, по всей вѣроятности, суждено распасться на нѣсколько самостоятельныхъ вѣдомствъ, распредѣленныхъ между нѣсколькими отвѣтственными министрами. Таково было давнее желаніе членовъ парламента, всѣхъ партій и оттѣнковъ, но осуществленіе его казалось невозможнымъ, пока званіе канцлера носилъ князь Бисмаркъ, ревниво оберегавшій власть свою и недопускавшій мысли объ ея ограниченіи. Для менѣе могучихъ плечъ власть эта въ ея всеобъемлемости—непосильное бремя, и нѣтъ ничего удивительнаго, что эпигоны создателя нѣмецкаго единства помышляютъ о раздробленіи ея между собою. О сочувствіи рейхстага къ новому порядку можно судить по тѣмъ единогласнымъ протестамъ, которые раздались въ средѣ его при одномъ упоминовеніи генераломъ Каприви возможности возвращенія къ власти знаменитаго его предшественника.

Другой вопросъ, въ которомъ, какъ мы достовѣрно знаемъ изъ устъ самого князя Бисмарка, онъ совершенно расходится съ главою имперіи—вопросъ рабочій. Въ немъ пылкій нравъ Вильгельма II поддается великодушнымъ порывамъ отвлеченной доктрины, безусловно отвергаемымъ здравымъ и трезвымъ умомъ великаго государственнаго человѣка, который потому, въ особенности, считаетъ опасными попытки законодательнымъ путемъ опредѣлить временныя отношенія хозяевъ и рабочихъ, что онѣ, какъ доказываетъ опытъ, ведутъ къ неизбѣжному разочарованію, порождающему въ свою очередь взаимное раздраженіе и ненависть.

Несравненно менѣе рѣзко проявляется различіе въ воззрѣніяхъ императора и уволеннаго министра на внѣшнія дѣла, но, внимательно вглядываясь въ оборотъ, принятый послѣднимъ со времени отставки князя Бисмарка, все же нельзя не замѣтить и здѣсь существенныхъ оттѣнковъ, а потому и во внѣшнихъ, какъ и во внутреннихъ вопросахъ, бывшій канцлеръ несомнѣнно считалъ священною обязанностью совѣтника престола, выражаясь собственными его сло-

вами, «не смущаться нахмуреннымъ взоромъ монарха, которому онъ служитъ, но прямо и откровенно высказывать ему свои убѣжденія». Поступая такимъ образомъ, онъ оставался вѣренъ основному началу монархизма, коего самъ столько лѣтъ являлся твердымъ оплотомъ и въ Пруссіи, и въ Германіи, честно и самоотверженно исполняя передъ тремя поколѣніями своихъ государей долгъ преданнаго слуги и вѣрнаго подданнаго.

Въ чемъ же заключается различіе между прежнимъ и настоящимъ направленіемъ внѣшней политики нѣмецкой имперіи? Какъ увидимъ далѣе, перемѣна произошла отнюдь не въ цѣляхъ, а развѣ въ средствахъ, скорѣе развитыхъ и дополненныхъ, чѣмъ видоизмѣненныхъ. Главная цѣль остается та же: утвержденіе преобладанія Германіи во вселенной. Неизмѣннымъ является и широкій, если и не совсѣмъ твердый устой, на которомъ зиждется означенное преобладаніе: союзъ съ двумя средне-европейскими державами, Австро-Венгріей и Италіей. Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія послѣ категорическихъ заявленій предъ парламентами руководящихъ министровъ трехъ союзныхъ государствъ. Всѣхъ опредѣленнѣе въ означенномъ смыслѣ высказался графъ Кальноки. «Союзъ центральныхъ державъ», заявилъ онъ, «не только не испыталъ ослабленія, но еще болѣе выяснился, углубился и окрѣпъ. Наши отношенія къ Германіи никогда не были довѣрчивѣе, яснѣе и тверже. Не мало содѣйствовалъ тому высокодаровитый и дѣятельный монархъ, стоящій во главѣ Германіи, рѣзко выдающаяся личность котораго исключаетъ взякое сомнѣніе и неясность. Также точно и перемѣна въ вѣдомствѣ имперскаго канцлера не могла возымѣть никакого вліянія на покоящіяся на твердомъ основаніи взаимныя отношенія обоихъ государствъ, и мы не съ меньшимъ довѣріемъ видимъ во главѣ германскаго правительства генерала Каприви, чѣмъ доселѣ князя Бисмарка, съ которымъ я имѣлъ постоянно удовольствіе поддерживать самыя довѣрительныя и дружественныя сношенія. Ничто не можетъ явственнѣе доказать, какіе глубокіе корни успѣлъ уже пустить союзъ, какъ то обстоятельство, что перемѣна трехъ царствованій и руководящихъ государственныхъ людей въ сосѣдней имперіи не повлекла за собою ни малѣйшей перемѣны. Заявленія, сдѣланныя въ послѣднее время въ Берлинѣ и въ Римѣ, съ компетентнѣйшей стороны, доказываютъ, въ какой высокой мѣрѣ убѣждены и тамъ въ незыблемой прочности этихъ союзовъ».

Согласіе союзныхъ дворовъ выражается и въ усиленныхъ ихъ вооруженіяхъ. Въ предшедшей бесѣдѣ мы привели нѣсколько цифръ

изъ брошуры г. Рихтера, исчислившаго, во-что должны обойтись Германіи преобразовательные замыслы военнаго вѣдомства. Дополняемъ ихъ результатомъ дальнѣйшихъ исчисленій свободомыслящаго депутата. По разслѣдованію его, мирный составъ нѣмецкой арміи возросталъ въ слѣдующемъ размѣрѣ:

1867 г.	212,000	человѣкъ.
1870 »	300,000	»
1872 »	401,569	»
1880 »	427,274	»
1888 »	468,417	»
1890 »	486,991	»

Соотвѣтственно такому усиленію состава увеличивался и обыкновенный расходъ на содержаніе арміи, не считая чрезвычайныхъ расходовъ:

1880 г.	463 милліона	марокъ.
1888 »	654 »	»
1890 »	751 »	»

Ничто не можетъ быть краснорѣчивѣе этихъ цифръ, далеко еще не представляющихъ, какъ мы можемъ заключить изъ чистосердечныхъ заявленій нѣмецкаго военнаго министра генерала Верди дю-Вернуа, — послѣдняго слова военныхъ потребностей Германіи. Едва успѣлъ рейхстагъ вотировать, хотя и не безъ оговорокъ, сверхсмѣтный кредитъ въ 31 милліонъ, какъ уже внесено въ него требованіе отпуска другой суммы, вдвое превышающей первую, и также почти исключительно для военныхъ надобностей. Наконецъ, въ недалекомъ будущемъ предполагается усилить мирный составъ арміи привлеченіемъ въ нее всего числа молодыхъ людей, подлежащихъ отбыванію воинской повинности, безъ малѣйшихъ ограниченій или исключеній. Возвѣщенныя военнымъ министромъ намѣренія правительства произвели, однако, на депутатовъ такое удручающее впечатлѣніе, что, дабы не повредить успѣху чрезвычайныхъ кредитовъ нынѣшняго года, имперскій канцлеръ Каприви вынужденнымъ нашелся, если не совсѣмъ отречься отъ нихъ, то все же отнести ихъ къ разряду мѣръ задуманныхъ, но далеко еще не рѣшенныхъ окончательно. Въ то же время онъ на-отрѣзъ отказался принять во вниманіе выраженное парламентомъ желаніе, чтобы срокъ военной службы былъ сокращенъ до двухъ лѣтъ и чтобы численность арміи устанавливалась не на семь лѣтъ, какъ нынѣ, а ежегоднымъ закономъ. Какъ и во времена князя Бисмарка, де-

путаты покорно склонились предъ волею правительства и безропотно предоставили въ его распоряженіе потребованные кредиты.

Въ австро-венгерской делегаціи совершилось нѣчто подобное по тому же самому вопросу объ увеличеніи мирнаго состава арміи. Въ виду плохого состоянія финансовъ монархіи, правительство ограничилось требованіемъ незначительной прибавки къ военному бюджету, но, въ порывѣ откровенности, военный министръ генералъ Бауэръ признался, что не далѣе какъ на будущій годъ необходимо усилить численность войска на мирномъ положеніи и что мѣра эта будетъ стоить лишнихъ 120 и даже болѣе милліоновъ гульденовъ въ годъ. Требованіе свое онъ мотивировалъ соображеніемъ, что, «при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, непремѣнно нужно придти къ какому нибудь исходу, путемъ либо катастрофы, т. е. войны, либо рѣшительнаго оздоровленія мира». Особое значеніе получаютъ загадочныя слова военнаго министра, если сопоставить ихъ съ заявленіемъ товарища его, министра иностранныхъ дѣлъ, который, будучи побуждаемъ рьяными делегатами изъ мадьяръ и поляковъ проявить болѣе энергіи въ подчиненіи балканскихъ государствъ политическому вліянію Австро-Венгріи, — отозвался, что неблагоразумно обострять второстепенные политическіе вопросы, которые касаются интересовъ одной двойственной монархіи, и что чѣмъ ближе опасность всеобщей войны, тѣмъ болѣе слѣдуетъ приберегать для нея всѣ свои силы.

И такъ, зловѣщій призракъ всеобщей войны, несмотря на всѣ миролюбивыя завѣренія монарховъ и государственныхъ людей средней Европы, продолжаетъ господствовать надъ нею и надъ ними, вліять на ихъ помыслы и дѣйствія. Сосчитавъ настоящія свои силы, державы-участницы тройственнаго союза могли бы, кажется, успокоиться, такъ какъ ихъ болѣе чѣмъ достаточно для отраженія нападенія, даже одновременнаго съ обоихъ фронтовъ, нападенія, прибавимъ мы отъ себя, совершенно невѣроятнаго и которое ни однимъ изъ союзныхъ дворовъ не принимается серьезно въ разсчетъ. По исчисленію нѣмецкаго депутата Рихтера, силы эти выражаются въ слѣдующихъ числахъ:

	Германія.	Австро-Венгрія.	Италія.	ВСЕГО.
Батальоновъ . .	534	458	335	1,327
Эскадроновъ . .	465	246	144	855
Батарей . .	364	241	207	812
Мирный составъ арміи . . .	468,000	279,000	253,000	1.000,000
На военномъ положеніи . . .	3.335,000	1.750,000	1.650,000	6.735,000

Сложивъ боевыя силы Россіи и Франціи, между которыми, сколько извѣстно, не заключено доселѣ не только наступательнаго, но даже и оборонительнаго договора, мы не достигнемъ общей суммы и въ 5.000,000, слѣдовательно, настоящая общая численность войскъ трехъ средне-европейскихъ государствъ превышаетъ такую же численность армій русской и французской болѣе чѣмъ на 1.500,000 человѣкъ. Спрашивается: для чего же потребовалось еще усилить этотъ перевѣсъ, не только пріумноженіемъ своихъ войскъ, но и привлеченіемъ къ тройственному союзу сильнѣйшей изъ морскихъ державъ, Англіи?

Другого смысла не можетъ имѣть состоявшееся надняхъ соглашеніе между дворами берлинскимъ и лондонскимъ, и въ немъ-то и видимъ мы отступленіе перваго отъ политическихъ преданій князя Бисмарка.

Въ продолженіе цѣлой четверти вѣка, бывшій нѣмецкій канцлеръ не разъ вступалъ въ соглашенія, какъ съ Англіей, такъ и съ Россіей, бо́льшею частію противополагая одну изъ этихъ державъ другой и стараясь извлечь изъ ихъ несогласій возможно бо́льшую выгоду для Германіи. Но соглашенія эти были столь же случайныя, сколько и временныя; и Россія, и Англія представлялись Бисмарку слишкомъ могущественными, чтобы онъ могъ когда либо надѣяться обратить ихъ въ покорныхъ и смиренныхъ подручницъ нѣмецкой имперіи. Первая подчинила своему владычеству шестую часть вселенной; вторая господствуетъ въ пяти океанахъ. Стѣсненная между ними Германія не могла и помышлять объ упроченіи своего преобладанія на сушѣ и на морѣ, пока не успѣла бы въ корнѣ подорвать мощь этихъ двухъ исполиновъ. А для этого недостаточно было однѣхъ ея силъ. Требовалось сплотить вокругъ себя всѣ прочія государства Запада Европы и ставъ во главѣ ихъ, вызвать сначала ожесточенную борьбу между Англіей и Россіей, а по истощеніи обѣихъ соперницъ, нагрянуть на нихъ, разгромить въ конецъ, подѣлить ихъ обломки между нѣмцами и ихъ союзниками. Такова была первоначальная мысль, положенная бывшимъ канцлеромъ въ основаніе любимаго его дѣтища: союза средне-европейскихъ державъ, къ которому, рано или поздно, волей или неволей, имѣла примкнуть и Франція.

Два непредвидѣнныя обстоятельства помѣшали осуществленію широко задуманнаго, настойчиво и послѣдовательно приводимаго въ исполненіе замысла геніальнаго государственнаго мужа. Не смотря на непрерывныя подстрекательства, Россія и Англія предпочли худой миръ

доброй ссорѣ, и китъ не вступилъ въ ожидаемую борьбу со слономъ. Съ другой стороны, залечившая свои раны, внутреннія и внѣшнія, очнувшаяся, окрѣпшая, возрожденная Франція гордо отказалась вступить въ унизительную сдѣлку съ хищною сосѣдкой, отторгнувшею у нея двѣ цвѣтущія области и предлагавшею ей содѣйствіе и дружбу лишь подъ условіемъ полнаго подчиненія ея политическому руководительству. Мало того: умудренная опытомъ французская республика, чрезъ голову Германіи, протянула дружественную руку великой русской державѣ, интересы которой нигдѣ и ни въ чемъ не сталкиваются съ ея интересами, и въ согласіи и единеніи съ нею справедливо признала надежнѣйшее ручательство собственной цѣлости и независимости, равно какъ и вѣрнѣйшій залогъ мира Европы, покоя вселенной. Между Россіей и Франціей Германія очутилась въ положеніи неловкомъ, непріятномъ и, во всякомъ случаѣ, не соотвѣтствовавшемъ высокомѣрнымъ притязаніямъ нѣмцевъ на главенство въ Европѣ. Пришлось разстаться съ мечтою о міровомъ владычествѣ и озаботиться безопасностью собственныхъ предѣловъ—вотъ къ чему сводились, въ сущности, союзныя связи, завязанныя Берлиномъ съ Вѣною и Римомъ. Должно отдать справедливость дипломатическому искусству, съ которымъ князь Бисмаркъ умѣлъ держать и Австро-Венгрію и Италію въ состояніи политическаго гипноза, увѣривъ ихъ, что самое ихъ существованіе возможно лишь при нѣмецкой поддержкѣ, тогда какъ въ дѣйствительности никто имъ и не думаетъ угрожать, и оба государства, изнывая подъ тяжкимъ бременемъ непосильныхъ вооруженій, только стоятъ на стражѣ неприкосновенности объединенной Германіи, безъ малѣйшей надобности и пользы для самихъ себя.

При такихъ условіяхъ, средне-европейскій союзъ былъ, пожалуй, Лигой мира и даже князь Бисмаркъ—княземъ мира—поневолѣ. Личный починъ императора Вильгельма II, обращая тройственный союзъ въ четверной привлеченіемъ въ него Англіи, совершенно видоизмѣняетъ міровое его значеніе. Отнынѣ нельзя уже не усмотрѣть въ чудовищномъ скопѣ и заговорѣ четырехъ великихъ державъ прямой и несомнѣнной угрозы независимости прочихъ государствъ существующему международному порядку, а слѣдовательно и всеобщему миру.

Объяснимся. Въ чемъ проявляется состоявшееся между Лондономъ и Берлиномъ соглашеніе? Германія поступилась въ пользу Англіи бо́льшею частью своихъ захватовъ въ восточной Африкѣ и удовольствовалась возвращеніемъ взамѣнъ сего небольшого утеса въ Нѣмецкомъ морѣ. Это равносильно отреченію отъ соперничества

съ Великобританіей на поприщѣ колоніальной политики, столь недавно еще провозглашавшейся настоятельною потребностью и національной задачей Германской имперіи. Чтобы уяснить себѣ громадные размѣры нѣмецкихъ уступокъ, припомнимъ недавніе возгласы Стенли, утверждавшаго, что быстрые успѣхи нѣмцевъ въ Африкѣ грозятъ англичанамъ вытѣсненіемъ изъ насиженныхъ мѣстъ и обезпечиваютъ Германіи львиную долю при дѣлежѣ между западно-европейскими державами чернаго материка. Теперь, тотъ же Стенли громко превозноситъ лорда Салисбюри за то, что онъ, доведя до минимума нѣмецкія владѣнія на восточно-африканскомъ берегу, предупредилъ опасность и навѣки закрѣпилъ за Англіей всю Африку, отъ устьевъ Нила до Мыса Доброй Надежды.

Не въ прусскомъ обычаѣ приносить даромъ подобныя жертвы. Такою дорогою цѣною Германія несомнѣнно купила соучастіе Англіи въ собственныхъ замыслахъ. Уступая ей Африку, она заручилась дѣятельною ея помощью своимъ предпріятіямъ въ Европѣ.

Еще неизвѣстны намъ всѣ условія англо-нѣмецкаго соглашенія, ибо позволительно предположить, что оно не ограничивается статьями, обнародованными во всеобщее свѣдѣніе. По всей вѣроятности, оно обнимаетъ англійскіе интересы и въ другихъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ въ особенности они соприкасаются съ интересами Франціи, какъ напримѣръ въ Египтѣ, или съ интересами Россіи, какъ въ Индіи. Но и теперь, разсматривая его со всемірно-исторической точки зрѣнія, мы не колеблясь признаемъ въ немъ подобіе великаго мірового раздѣла между двумя державами германскаго племени, причемъ Европа присуждена въ удѣлъ Германіи, съ ея подручницами, Англіи же — всѣ остальныя части свѣта и безпредѣльный океанъ.

Отыскивая въ прошедшемъ зародыши и корни совершающагося на нашихъ глазахъ явленія, мы не находимъ ихъ и слѣда въ долголѣтней политической дѣятельности князя Бисмарка. Чтобы напасть на нихъ, слѣдуетъ подняться вверхъ по теченію исторіи и остановиться на политическихъ идеалахъ нѣмецкихъ государственныхъ людей сороковыхъ годовъ, нашедшихъ себѣ выраженіе въ извѣстной тріадѣ, состоявшей изъ супруга королевы Викторіи, принца Альберта, врача и совѣтника его Стокмара и прусскаго посланника при сентъ-джемскомъ дворѣ Бунзена. Завѣты ихъ унаслѣдовалъ, повидимому, царственный внукъ англійской королевской четы и воплотилъ ихъ въ договорѣ, являющемся первымъ дипломатическимъ актомъ со времени самостоятельнаго и единоличнаго вступленія его въ управленіе внѣшними дѣлами Нѣмецкой имперіи.

Каковы будутъ послѣдствія этого акта—покажетъ будущее. Но изученіе прошлаго позволяетъ намъ пролить немного свѣта на направленіе, въ которомъ они непремѣнно скажутся. Для этого достаточно вспомнить о политическихъ мечтаніяхъ трехъ вышепоименнованыхъ лицъ, праотцовъ нынѣшняго англо-нѣмецкаго соглашенія.

Они исходили изъ убѣжденія въ превосходствѣ германской расы надъ всѣми прочими, въ частности же, надъ ея соперниками, племенами романскими и славянскими. Нѣмцамъ долженъ принадлежать міръ. Ненавистью дышали они къ наслѣдственному врагу, Франціи, но едва ли не бо́льшую еще злобу питали по отношенію къ Россіи. Они не допускали мысли объ историческомъ призваніи нашего отечества: ставъ во главѣ православнаго Востока, отстоять его политическую независимость и самобытность духовную. Задачу объединенныхъ тевтоновъ полагали они не только въ противодѣйствіи всѣми силами распространенію вліянія Россіи на своихъ зарубежныхъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ, но и въ стремленіи унизить и обезсилить обширное русское царство, отнявъ у него всѣ завоеванныя русскою кровью окраины, а также и въ томъ чтобы выкинувъ его изъ Европы, стараться отрѣзать отъ всѣхъ морей и отбросить въ глубь степей азіатскихъ. Такъ злоумышляли противъ Россіи не какіе нибудь безотвѣтственные ученые утописты или газетные мечтатели, а государственные люди, близко стоявшіе къ кормилу правленія, какъ въ Англіи, такъ и въ Пруссіи. Въ эпоху Севастопольской войны вожделѣнія ихъ были изложены въ офиціальномъ дипломатическомъ документѣ и едва не послужили тогда же основаніемъ тѣсному союзу дворовъ лондонскаго и берлинскаго [1]).

Намъ, русскимъ людямъ, слѣдуетъ не упускать изъ виду этого первообраза нынѣшняго англо-нѣмецкаго соглашенія при обсужденіи воздѣйствія послѣдняго на положеніе нашей родины, какъ великой міровой державы. Какъ ни тверда наша вѣра въ нравственную и вещественную мощь Россіи, мы не исполнили бы нашего долга, если бы вниманіе наше не сосредоточили на изысканіи всевозможныхъ способовъ и средствъ для противодѣйствія грозящей ей опасности, еслибы перестали искать вокругъ нея естественныхъ союзниковъ въ тѣхъ государствахъ и народахъ, которые еще болѣе ея заинте-

---

[1]) О содержаніи меморандума Бунзена отъ 1 марта н. ст. 1864 г. см. мою статью Русская дипломатія въ польскомъ вопросѣ. Русскій Вѣстникъ ноябрь 1888 г.

ресованы въ поддержаніи европейскаго мира и равновѣсія. Такими союзниками—какъ мы уже неоднократно имѣли случай заявить—представляются намъ, съ одной стороны, Франція и прилегающія къ ней второстепенныя державы, непричастныя къ четверному союзу, съ другой — православныя государства Балканскаго полуострова. Опираясь на тѣхъ и на другихъ, Россія можетъ безъ боязни взглянуть въ лицо сплотившимся противъ нея четыремъ великимъ державамъ и въ сознаніи права и силы, въ гордомъ величіи, спокойно ожидать, пока онѣ рѣшатся бросить ей дерзкій вызовъ на бой.

Излишне было бы распространяться здѣсь снова о взаимной пользѣ, что̀ извлекутъ Россія и Франція изъ оборонительнаго союзнаго договора, который одинъ въ состояніи обезпечить ихъ отъ разныхъ непредвидѣнныхъ случайностей и положить конецъ недомолвкамъ и недоразумѣніямъ, коимъ не должно быть мѣста въ столь важномъ для обѣихъ странъ дѣлѣ. Въ пользѣ этой, скажемъ болѣе, въ этой настоятельной потребности, никто, кажется, уже не сомнѣвается среди русскихъ и французовъ. Даже нѣмцы прекратили попытки свои посѣять недовѣріе и раздоръ между двумя дружественными правительствами, убѣдясь въ ихъ тщетѣ и безплодности. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же о тождественныхъ усиліяхъ австро-венгерской дипломатіи и печати, задавшихся цѣлью убѣдить молодыя Балканскія государства, обязанныя Россіи своимъ существованіемъ, что эта самая Россія—ихъ злѣйшій врагъ и помышляетъ лишь о конечномъ ихъ порабощеніи. Цѣль такихъ увѣщаній ясна. Если справедливо обвиненіе, то въ случаѣ столкновенія между Россіей и составившеюся противъ нея коалиціею, интересъ христіанскихъ народностей Востока—примкнуть къ послѣдней и, въ соучастіи съ нею, обратить свои удары на державу-благодѣтельницу.

Мы не знаемъ, какія мѣры принимаетъ наша дипломатія, чтобы разсѣять въ незрѣлыхъ и нетвердыхъ умахъ православнаго населенія балканскихъ земель эти пагубныя заблужденія, и насколько она въ томъ успѣваетъ? Но намъ кажется, что долгъ давать надлежащій отпоръ клеветѣ раздѣляетъ съ нею и русская печать. Между тѣмъ, на столбцахъ нашихъ газетъ мы рѣдко встрѣчаемъ опроверженія нареканій, беззастѣнчиво взводимыхъ именно по этому вопросу на Россію и ея правительство газетами, получающими внушенія изъ канцелярій Берлина, Вѣны и Пешта. Намъ, быть можетъ, возразятъ, что несостоятельность доводовъ нашихъ противниковъ слишкомъ очевидна, чтобы нуждаться въ отпорѣ, но мы позво-

ляемъ себѣ думать, что ложь становится безвредной лишь, когда противополагается ей истина.

Вопросъ о нормальныхъ отношеніяхъ Россіи къ родственнымъ ей по крови и по вѣрѣ юнымъ государственнымъ организмамъ, ею же вызваннымъ къ жизни, слишкомъ обширенъ, чтобы исчерпать его въ краткой бесѣдѣ. Но мы не можемъ не заняться имъ, поскольку онъ стоитъ на очереди современной политики.

Прежде всего спросимъ: что сталось бы съ балканскими народностями, если бы русскій народъ не исторгъ ихъ, цѣною своей крови, изъ-подъ пятивѣкового бусурманскаго ига? Одно изъ двухъ: или онѣ продолжали бы оставаться безправною раіей, или прямо изъ-подъ турецкаго ярма поступили бы подъ власть австрійскихъ нѣмцевъ, со временъ Евгенія Савойскаго намѣтившихъ ихъ себѣ въ добычу. Россія не только освободила ихъ изъ-подъ власти Порты, она дала имъ драгоцѣннѣйшій даръ: политическую независимость.

Какъ же относилась Западная Европа къ ихъ возрожденію? Сначала препятствовала ему всѣми зависящими отъ нея средствами; потомъ стала продавать свое согласіе за дорогую цѣну, выговаривая себѣ разныя «вознагражденія» и постоянно стремясь поставить новорожденное государство въ зависимость отъ себя, если не политическую, то, по меньшей мѣрѣ, экономическую. Такъ поступала и Лондонская конференція въ тридцатыхъ годахъ, и Парижская въ концѣ пятидесятыхъ и, наконецъ, приснопамятный Берлинскій конгрессъ. На всѣхъ этихъ международныхъ совѣщаніяхъ Россія являлась усерднымъ и безкорыстнымъ ходатаемъ за права своихъ младшихъ братьевъ и, чтобы отстоять ихъ, часто поступалась собственными правами и выгодами. Все это засвидѣтельствовано исторіей и можетъ быть провѣрено по документамъ подлинности несомнѣнной.

Если перейдемъ отъ прошедшаго къ настоящему, то увидимъ, что въ сущности ничего не измѣнилось во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и западныхъ державъ къ православнымъ христіанамъ Востока. Чтобы не вдаваться въ отвлеченности, докажемъ это, сравнивъ образъ дѣйствій дворовъ с.-петербургскаго и вѣнскаго въ Сербіи и Болгаріи.

«Мы ничего иного не ищемъ на Балканскомъ полуостровѣ»— торжественно провозгласилъ въ одномъ изъ засѣданій венгерской делегаціи графъ Кальноки,—«какъ возможнаго утвержденія и развитія самостоятельности тамошнихъ государствъ». Что означаютъ эти прекрасныя слова въ примѣненіи къ дѣлу—Сербія испытала

на себѣ, въ продолженіе десятилѣтія, истекшаго со времени Берлинскаго конгресса до отреченія Милана Обреновича. Семь конвенцій, заключенныхъ ею съ сосѣднею Дунайскою монархіей, обратили ее въ данницу и подручницу Австро-Венгріи, какъ въ политическомъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи. Тотъ, на комъ лежала священная обязанность блюсти независимость сербскаго народа, ограждать и охранять его пользы и достоинство, король Миланъ, явился проводникомъ въ своей странѣ чужеземнаго господства. Когда же народное негодованіе вынудило его удалиться съ престола и вмѣстѣ съ нимъ устранило отъ дѣлъ его сообщниковъ—напредняковъ, когда сербскіе народники, достигнувъ власти, возвратили молодое королевство на путь національной самобытной политики, австро-мадьярскіе государственные люди тотчасъ перешли отъ льстивыхъ увѣреній въ сочувствіи Сербіи къ понудительнымъ мѣрамъ, направленнымъ къ тому, чтобы вернуть ее къ прежнему порядку, при которомъ она была лишь вассальною областью монархіи Габсбурговъ. Къ счастью, мѣры эти не представляютъ ничего страшнаго для сербовъ, которые въ состояніи выдержать съ успѣхомъ экономическую борьбу съ австро-мадьярами, но знаменательно то, что все же онѣ составляютъ вопіющее нарушеніе торговыхъ договоровъ, заключенныхъ между Вѣною и Бѣлградомъ. Обстоятельство это невольно наводитъ насъ на мысль: что же препятствуетъ Австро-Венгріи прибѣгнуть противъ Сербіи къ мѣрамъ болѣе дѣйствительнымъ, политическаго или даже военнаго свойства? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: страхъ предъ Россіей, предъ тою Россіей, что́ сама никогда не посягала на самостоятельность Сербіи и нынѣ является крѣпкимъ щитомъ и опорой слабаго государства противъ насилія со стороны хищныхъ и алчныхъ сосѣдей.

Угрожая одною рукою Сербіи, двойственная монархія ласкаетъ другою Болгарію. Она радуется ея успѣхамъ, привѣтствуетъ ея правителей, поощряетъ ихъ упорство въ явно-враждебномъ положеніи, принятомъ ими относительно Россіи. Это ли не доказательства искренняго расположенія Австро-Венгріи къ Болгаріи, желанія ея содѣйствовать процвѣтанію, благоденствію и независимости болгарскаго народа?

Недалеко отъ насъ то время, когда, въ промежутокъ между Санъ-Стефанскимъ миромъ и Берлинскимъ конгрессомъ, вѣнскій дворъ упорно противодѣйствовалъ усиліямъ Россіи объединить въ одномъ государствѣ всѣ балканскія области, населенныя болгарами. Жалѣемъ, что не въ правѣ ознакомить болгаръ съ дипломатическою

перепискою, происходившею тогда между русскимъ и австро-венгерскимъ правительствами. Они узнали бы, какими доводами мотивировалъ графъ Андраши свое требованіе, чтобы Болгарія была отрѣзана отъ Эгейскаго моря, чтобы изъ состава ея исключена была Македонія, чтобы окромсанная съ Востока и Запада, она подверглась бы разсѣченію на двѣ половины: сѣверную и южную. «Великое, компактное, славянское государство посреди Балканскаго полуострова»,—постоянно твердилъ австро-венгерскій министръ,—«не можетъ быть терпимо и допущено Австро-Венгріей». Нужно ли напоминать о послѣдующихъ дѣйствіяхъ вѣнскаго двора въ дѣлахъ о притязаніи Румыніи на Силистрію, Дунайской прибрежной комиссіи, Румелійскаго переворота, наконецъ, въ подготовкѣ сербскаго вторженія въ Болгарію и въ остановкѣ побѣдоносныхъ болгарскихъ войскъ на пути къ Бѣлграду?

Такъ поступала Австро-Венгрія каждый разъ, когда заходила рѣчь о жизненныхъ для Болгаріи вопросахъ, объ удовлетвореніи ея насущныхъ государственныхъ и національныхъ потребностей. И нынѣ она не дѣйствуетъ, а только говоритъ иначе. По той весьма простой и понятной причинѣ, что на престолѣ Болгаріи возсѣдаетъ ея ставленникъ, близкій свойственникъ габсбургско-лотарингской династіи; что сидитъ онъ, къ тому же, на зло Россіи, вопреки ея волѣ и праву; что этимъ порываются между русскими и болгарами связи дружбы, любви и политической солидарности; что въ соотношенія ихъ вносится рознь, равно вредоносная для тѣхъ и другихъ, но вожделѣнно желательная для общихъ ихъ противниковъ, стремящихся на обломкахъ славянскаго взаимства основать собственное господство надъ благословенными странами, открывающими имъ путь къ давно намѣченной цѣли: къ Солуню и охраняемому имъ выходу въ Архипелагъ.

И если вѣнскій дворъ льститъ и кадитъ теперь Болгаріи, заискиваетъ въ ней, то кому обязана она этимъ удовлетвореніемъ ея самолюбія какъ не Россіи,. не будь которой, Австро-Венгрія и не подумала бы ухаживать за Болгаріей, а расправилась бы съ нею, какъ обыкновенно расправлялись хищные швабы съ беззащитными славянами, пристегнувъ ее къ составу Монархіи, какъ пристегнута Герцеговина и Боснія, не говоря уже о другихъ славянскихъ земляхъ, болѣе или менѣе терпѣливо сносящихъ невыносимое иго нѣмцевъ и мадьяръ.

Другой вопросъ: какъ далеко способенъ пойти вѣнскій дворъ въ направленіи, мнимо-сочувственномъ Болгаріи? Мы видимъ, что

даже въ вопросѣ о признаніи Фердинанда Кобургскаго онъ недоумѣваетъ и колеблется, хотя признаніе это и отвѣчаетъ собственнымъ его интересамъ. Когда же болгары грозятъ, въ случаѣ дальнѣйшаго отказа Порты и великихъ европейскихъ державъ признать избраннаго ими правителя, отложиться отъ Оттоманской имперіи и провозгласить Болгарію независимымъ королевствомъ, развѣ не раздаются въ Вѣнѣ и Пештѣ голоса, предостерегающія ихъ отъ такого рѣшительнаго шага? Да, потому что независимая Болгарія уже превосходитъ мѣру поблажекъ, которыя готова допустить Австро-Венгрія и представляемый ею «четверной» союзъ.

Чтобы избѣжать этой крайности, слышно, что между четырьмя союзными дворами обсуждается вопросъ о признаніи принца Фердинанда Германіею, Австро-Венгріею, Англіею и Италіею, по почину и предложенію Порты, не обращая вниманія на протестъ двухъ остальныхъ участницъ берлинскаго трактата, Россіи и Франціи. Признаемся: мы только порадовались бы этой мѣрѣ, которая, ничего не измѣняя въ настоящемъ положеніи дѣлъ, положила бы конецъ недостойной комедіи, разыгрываемой нынѣ упомянутыми державами предъ русскимъ дворомъ. Вотъ уже третій годъ, какъ Кобургскій принцъ благополучно государствуетъ въ Софіи; четыре кабинета поддерживаютъ съ нимъ и его правительствомъ постоянныя дипломатическія сношенія, что въ совокупности, составляетъ прямое нарушеніе 3-й статьи акта Берлинскаго конгресса; но когда Россія указываетъ на такое отступленіе отъ международныхъ обязательствъ, то ей отвѣчаютъ, что жаловаться она не имѣетъ причины, такъ какъ принцъ Фердинандъ не признанъ-де офиціально державами. Уловка эта была бы просто смѣшна, если бы не ввергала нашу дипломатію въ нѣкій родъ оцѣпенѣнія, словно при такомъ порядкѣ берлинскій трактатъ можетъ быть почитаемъ за что-либо иное, какъ за разодранный и плохо заплатанный листъ бумаги, который пора бы давно разметать по всѣмъ четыремъ вѣтрамъ.

Но у Болгарскаго княжества есть еще и другія стремленія. Съ Болгаръ мало и признанія Кобурга и самой ихъ независимости. Къ нимъ тяготѣютъ соотчичи, населяющіе Македонію и Адріанопольскій вилайетъ. Національная задача: возстановленіе цѣлокупной Болгаріи въ границахъ, намѣченныхъ Санъ-Стефанскимъ договоромъ.

«Четверной» союзъ признаетъ, пожалуй, принца Фердинанда. Едва ли допуститъ онъ провозглашеніе независимости Болгаріи. И ужъ ни въ какомъ случаѣ не потерпитъ образованія обширнаго Болгар-

скаго царства, простирающагося отъ Чернаго моря до Охридскаго озера, отъ Дуная до Архипелага.

Здѣсь вопросъ расширяется и, выходя за предѣлы болгарской народности, разростается въ міровой Восточный вопросъ, другими словами, въ вопросъ о томъ: долженъ ли Востокъ Европы подпасть вліянію и господству Запада, или удастся ему сохранить свою независимость политическую и духовную самобытность?

Исторія изрекла свой приговоръ оттоманскому владычеству на Европейскомъ материкѣ. Достаточно бросить взглядъ на карту, чтобы убѣдиться въ невозможности увѣковѣченія нынѣшнихъ территоріальныхъ очертаній Балканскаго полуострова. Въ центрѣ его—болѣе или менѣе независимыя христіанскія государства; на южной и западной окраинахъ — узкая полоса турецкихъ владѣній; въ Царьградѣ—полное разложеніе. Не сегодня, завтра, пробьетъ часъ кончины Турціи и потомки Оттомановъ окончательно очистятъ области, входившія въ составъ Восточной римской имперіи, и крестъ восторжествуетъ надъ полумѣсяцемъ.

Но что станется съ наслѣдіемъ султановъ? Удержатъ ли балканскіе христіане свое право на него или, враждуя другъ со другомъ, подпадутъ подъ гнетъ во сто разъ болѣе тяжкій, подъ гнетъ западно-европейской гражданственности, которая обезличитъ ихъ и обезсилитъ, заставитъ сжигать все, чему они служили прежде, служить тому, что̀ сжигали, словомъ лишитъ ихъ всякой независимости въ политическомъ отношеніи, самобытности—въ культурномъ.

Отъ такой бѣдственной участи можетъ спасти ихъ лишь та великая держава, что выдается имъ за постоянную угрозу ихъ самостоятельности. Постоитъ за нихъ и отстоитъ ихъ Россія.

VIII.

Парижъ, 20 іюля (1 августа) 1890 г.

Англо-нѣмецкое соглашеніе по дѣламъ Африки и уступка Гельголанда Германіи.—Отношенія Россіи къ Даніи.—Зундъ и Босфоръ.—Поѣздка Вильгельма II въ Норвегію, Бельгію и Англію.—Признаки разлада между Австро-Венгріей и Италіей.—Назначеніе болгарскихъ епископовъ въ Македонію.—Русская политика въ Болгаріи и въ Сербіи.

Съ закрытіемъ германскаго рейхстага и австро-венгерской делегаціи, прекратилось бряцаніе оружіемъ въ парламентскихъ рѣчахъ и на столбцахъ воинствующихъ газетъ Средней Европы. Представители нѣмецкаго народа и разношерстныхъ народностей, составляющихъ монархію Габсбурговъ, отпустивъ потребованные отъ нихъ чрезвычайные кредиты на военныя надобности, уныло разошлись по домамъ. Въ мирномъ уединеніи, въ горной прохладѣ Ишля, императоръ Францъ-Іосифъ празднуетъ семейное торжество—вступленіе въ бракъ своей младшей дочери съ обездоленнымъ наслѣдникомъ когда-то бывшей австрійскою Тосканы. По примѣру прошедшаго года, императоръ Вильгельмъ II цѣлый мѣсяцъ провелъ въ созерцаніи красотъ Скандинавскаго Сѣвера.

Между тѣмъ, въ арсеналахъ и верфяхъ державъ-участницъ четверного союза кипитъ усиленная работа. Съ лихорадочною поспѣшностью куютъ оружіе, готовятъ бездымный порохъ, строятъ броненосцы, воздвигаютъ укрѣпленія, пролагаютъ новые стратегическіе желѣзные пути. Не дремлютъ и дипломаты. Оживленные переговоры продолжаются между кабинетами. Уполномоченные Германіи и Англіи приложили свои подписи къ акту соглашенія, установляющему между обѣими одноплеменными державами общность воззрѣній и дѣйствій во внѣшней ихъ политикѣ.

Въ предшедшей бесѣдѣ мы указали на всемірно-историческое значеніе помянутаго акта, далеко выступающаго за предѣлы частной сдѣлки по африканскимъ дѣламъ. Обнародованный нынѣ въ Германскомъ Имперскомъ Указателѣ докладъ канцлера Каприви вполнѣ подтверждаетъ высказанный нами взглядъ. Онъ признаетъ, что колоніальный разладъ въ Африкѣ препятствовалъ сближенію Берлина съ Лондономъ въ вопросахъ общей политики, изъ чего несомнѣнно слѣдуетъ, что, съ устраненіемъ причины, исчезаетъ и послѣдствіе. Не можемъ не отмѣтить при этомъ того практическаго способа, коимъ обѣ стороны пришли къ соглашенію. Каждая изъ нихъ искала заручиться уступкою наиболѣе для нея желательною и наименѣе чувствительною для противной стороны. «Такимъ образомъ», говорится въ докладѣ, «явилась возможность установить сдѣлку, которая, хотя и не вполнѣ удовлетворяетъ обѣ стороны по всѣмъ статьямъ, за то обезпечиваетъ за каждою именно тѣ статьи, что̀ сопряжены для нея съ наибо̀льшею выгодою».

Въ числѣ такихъ статей является для Германіи уступка Гельголанда, и не только потому, что островъ этотъ—pretium affectionis нѣмецкихъ патріотовъ, а потому, что обладаніе имъ обезпечиваетъ за Германіей свободное плаваніе по каналу, имѣющему вскорѣ соединить Нѣмецкое море съ Балтійскимъ, Киль—съ Вильгельмсгафеномъ. Послѣднее пріобрѣтеніе завершаетъ, такимъ образомъ, дѣло, начатое Пруссіею въ 1864 году, упраздняетъ Зундъ и Бельты, имѣвшіе доселѣ на Сѣверѣ Европы значеніе Босфора и Дарданеллъ на Югѣ, и упрочиваетъ за новосозданнымъ нѣмецкимъ флотомъ преобладающее положеніе на всемъ обширномъ пространствѣ побережья Сѣверной Германіи, отъ устьевъ Везера и до устьевъ Нѣмана. Если размежеваніе нѣмецкихъ и англійскихъ владѣній въ Восточной Африкѣ затрогиваетъ преимущественно интересы Франціи, то водруженіе на Гельголандѣ германскаго флага близко касается интересовъ Россіи, до недавняго времени не знавшей соперницъ въ Балтійскихъ водахъ.

Пользуясь тѣмъ, что одна изъ статей англо-германскаго соглашенія нарушала обязательства Англіи предъ Франціей по вопросу о Занзибарѣ, правительство французской республики твердо заявило въ Лондонѣ свое право на вознагражденіе. Предупредительность, съ которою лордъ Салисбюри отнесся къ такому требованію, наглядно свидѣтельствуетъ о возросшемъ значеніи Франціи, съ которою вынуждены считаться даже такіе сообщники, какъ Великобританія и Германія. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ усвоилъ тотъ

самый пріемъ, котораго придерживались обѣ послѣднія державы въ переговорахъ между собою. Имѣя въ виду незначительность французскихъ поселковъ въ восточной части африканскаго материка, онъ воспользовался случаемъ, чтобы исторгнуть у Англіи признаніе, столь долго оспариваемаго ею французскаго протектората надъ Мадагаскаромъ, а также притязанія республики на земли, отдѣляющія ея цвѣтущія колоніи въ Сѣверной Африкѣ отъ поселеній на берегахъ Африки Западной. Можно утвердительно сказать, что результаты, добытые французскою дипломатіею на этихъ двухъ противоположныхъ окраинахъ цѣлой части свѣта, возмѣщаютъ съ избыткомъ для Франціи выгоды, пріобрѣтенныя Англіею отъ уговора съ Германіей. Успѣхъ, одержанный г. Рибо, тѣмъ знаменательнѣе, что, для достиженія его, онъ, не взирая на настоянія англичанъ, не поступился въ ихъ пользу ничѣмъ въ другихъ вопросахъ, стоящихъ на очереди между Англіей и Франціей, какъ, напримѣръ, въ пререканіяхъ о рыбной ловлѣ въ Нью-Фаундлендѣ, право французовъ на участіе въ которой обезпечено за ними договорами.

Стоя на твердой почвѣ договоровъ, и русская дипломатія могла бы, если бы захотѣла, протестовать противъ включенія Гельголанда въ составъ Германской имперіи, такъ какъ островъ этотъ, нѣкогда принадлежавшій Даніи, хотя и захваченъ англичанами въ 1807 году, но утвержденъ за Англіей лишь трактатами 1814—15 годовъ, подъ которыми подписалась и Россія. Къ сожалѣнію, договоры эти не въ первый разъ нарушаются Берлинскимъ дворомъ, не вызывая противодѣйствія съ нашей стороны. Цѣлый рядъ международныхъ постановленій ограждалъ Проливы, соединяющіе Нѣмецкое море съ Балтійскимъ, охрана коихъ въ обще-европейскомъ интересѣ поручена была Даніи, за которою, сверхъ того, были укрѣплены приэльбскія герцогства: Шлезвигъ и Голштинія, какъ необходимое дополненіе ея владычества надъ Зундомъ и Бельтами. Съ этимъ интересомъ, общимъ всей Европѣ, вполнѣ совпадали и частныя пользы Россіи, а потому, естественно, онъ, въ продолженіе полутораста лѣтъ оставался непреложнымъ догматомъ политики русскаго двора.

Прорубая окно въ Европу, Великій Петръ орлинымъ взоромъ провидѣлъ, что отвоеванное имъ у шведовъ исконное русское побережье можетъ принести Россіи всю ожидаемую пользу лишь подъ условіемъ, что входъ и выходъ въ Балтійское море останутся всегда открытыми для заводимаго имъ флота, какъ военнаго, такъ и торговаго. Отсюда тѣсный союзъ Петра съ Даніей, а при первыхъ попыткахъ Копенгагенскаго двора перейти на сторону его враговъ—

стремленіе самому завладѣть мекленбургскимъ и голштинскимъ поморьемъ путемъ брачныхъ союзовъ съ владѣтелями этихъ странъ. Продолжательница начинаній Петровыхъ, императрица Елисавета возобновила союзный договоръ съ датчанами, но только при Великой Екатеринѣ онъ пріобрѣлъ надлежащую устойчивость, вслѣдствіе обмѣна на Ольденбургъ и Дельменгорстъ правъ наслѣдника русскаго престола на Шлезвигъ и Голштинію, съ уступкою означеннаго удѣла младшей линіи голштинскаго дома. Съ этой минуты, связь Даніи съ Россіей оставалась неразрывною, за исключеніемъ краткаго промежутка, когда, въ 1812 году, необходимость удержать Бернадота отъ союза съ Наполеономъ вынудила Императора Александра I дать согласіе на отторженіе Норвегіи отъ Даніи и на присоединеніе ея къ Швеціи въ видѣ вознагражденія за утраченную Финляндію. За то на Вѣнскомъ конгрессѣ Благословенный отстоялъ независимость Датскаго королевства и утвердилъ за нимъ оба нѣмецкія герцогства, присоединивъ къ нимъ третье,—уступленный Пруссіей Лауэнбургъ.

Императоръ Николай выдалъ младшую дочь свою, великую княжну Александру Николаевну, за ближайшаго агната королевско-датской династіи, ландграфа Гессенъ-Гомбургскаго, призваннаго унаслѣдовать престолъ короля Христіана VIII и бездѣтнаго сына его и преемника Фридриха VII. Но и по преждевременной кончинѣ великой княгини Александры и отреченіи ея супруга отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ, Николай Павловичъ неизмѣнно оставался другомъ и покровителемъ Даніи, въ которой видѣлъ вѣрную и испытанную союзницу Россіи, бдительнаго стража Проливовъ, считавшихся ключемъ Балтійскаго моря.

Русскій государь ясно сознавалъ, что, дабы съ успѣхомъ защищать ихъ противъ посягательствъ, какъ нѣмцевъ съ суши, такъ и англичанъ съ моря, Данія должна имѣть средства содержать и достаточныя сухопутныя силы, и многочисленный флотъ. Для этого необходимо было обезпечить за нею обладаніе и Шлезвигомъ, и Голштиніей, добровольно уступленными ей мудрою и прозорливою политикой Екатерины II. Вотъ почему, когда, въ 1848 году, революціонно-объединительное движеніе въ Германіи обратилось противъ Даніи съ цѣлью отторженія отъ нея при-эльбскихъ герцогствъ и, управляемая демагогами, Пруссія объявила ей войну, Императоръ Николай не ограничился дипломатическими представленіями берлинскому двору, а послалъ свой флотъ на защиту Копенгагена. «Не бойся, король датскій, — Епанчинъ съ тобою», повторялъ Фрид-

риху VII русскій адмиралъ, ветеранъ Наварина, командовавшій балтійскою эскадрою, и въ простодушныхъ словахъ скрывался глубокій, политическій смыслъ. Дѣйствительно, одного появленія нашего флота подъ стѣнами датской столицы оказалось достаточнымъ, чтобы спасти Данію отъ грозившей ей опасности. Но этимъ не удовольствовался Императоръ Николай. Усиліямъ его удалось доставить началу цѣлости и нераздѣльности Датской монархіи признаніе всѣхъ великихъ державъ Европы, приложившихъ свои подписи къ лондонскому договору 1852 года.

Двѣнадцать лѣтъ спустя, это торжественное международное обязательство было разорвано двумя изъ его участницъ, Пруссіей и Австріей, соединившихъ свои силы для хищническаго набѣга на Данію и отнятія у нея двухъ областей, равнявшихся по населенію одной трети, а по пространству половинѣ всей монархіи. Въ Копенгагенѣ имѣли право разсчитывать на защиту Англіи и Россіи. Бездѣйствіе англичанъ достаточно объясняютъ слова одного изъ ихъ государственныхъ людей: «Если бы Киль былъ портомъ Нѣмецкаго моря, то вопросъ шлезвигъ-голштинскій могъ бы касаться Англіи; но Киль — гавань балтійская, и вопросъ этотъ — русскій вопросъ». Но какое пагубное ослѣпленіе удержало русскую дипломатію отъ подачи союзной Даніи помощи въ геройской борьбѣ ея съ превосходными силами двухъ великихъ державъ не за одно свое существованіе, но и за прямой, преемственный русскій интересъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ современемъ исторія. Напомнимъ здѣсь, что актомъ насилія, облеченнымъ въ форму мирнаго трактата, Данія лишилась не только Голштиніи и Лауэнбурга, но исконно датскаго Шлезвига, и изъ государства въ 70,000 кв. верстъ съ 3.000,000 жителей обратилось едва ли не въ самую меньшую, державу въ Европѣ съ пространствомъ въ 32,000 кв. верстъ и съ населеніемъ въ 2.000,000. И Зундъ и Бельты остались за нею, но потеряли всякое стратегическое значеніе, вслѣдствіе перехода герцогствъ во власть Пруссіи, не замедлившей приступить къ сооруженію соединительнаго канала между морями Балтійскимъ и Нѣмецкимъ. При такихъ условіяхъ, Данія была безсильна принять участіе въ двухъ послѣдующихъ войнахъ противъ обездолившей ее Пруссіи. На увѣщанія французскаго посланника, въ 1870 году, русскій дипломатическій представитель справедливо замѣтилъ, что союзомъ съ Франціей она поставила бы на карту свое существованіе и лишилась бы всего. «Но это все—такъ «не-

много!» (Mais ce tout est si peu) воскликнулъ въ отчаяніи не успѣвшій въ своихъ стараніяхъ дипломатъ.

Какъ бы то ни было, расчлененіе Даніи было первымъ шагомъ къ объединенію Германіи подъ главенствомъ Пруссіи. Не возражавшій противъ беззаконнаго захвата послѣднею Голштиніи и Шлезвига, русскій дворъ оставилъ безъ протеста и разрушеніе въ 1866 году Германскаго союза, установленнаго актомъ Вѣнскаго конгресса, и поглощеніе Пруссіей Ганновера, Гессенъ-Касселя, Нассау и вольнаго города Франкфурта, коимъ тотъ же актъ обезпечивалъ независимое существованіе, наконецъ, перенесеніе съ Рейна на Вогезы пограничной черты между Франціей и новосозданной Германскою имперіей, такъ что, съ точки зрѣнія права, всѣ эти территоріальныя измѣненія, какъ совершенныя безъ согласія и участія Россіи, ни мало для нея не обязательны и являются лишь фактами, доселѣ неузаконенными. Мы не станемъ вдаваться въ разборъ причинъ, что до извѣстной степени оправдываютъ, въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ случаевъ, терпимость Россіи, но спросимъ, не пора ли нашей дипломатіи ревнивѣе относиться къ правамъ отечества, истекающимъ изъ международныхъ договоровъ? При этомъ мы вовсе не разумѣемъ безусловнаго противодѣйствія перемѣнамъ, совершающимся вокругъ насъ, а лишь согласованіе ихъ путемъ полюбовнаго соглашенія съ собственными нашими политическими потребностями. Такъ и было бы давно, если бы у насъ, какъ и всюду, политика признавалась искусствомъ доставлять удовлетвореніе законному своекорыстію государства, тогда какъ, до недавняго времени, она провозглашалась на псевдо-французскомъ жаргонѣ нашихъ дипломатическихъ канцелярій, съ отголосками ихъ въ откровеніяхъ прислуживающихъ имъ органовъ, въ родѣ «Le Nord» и «Journal de S.-Pétérsbourg» — лишь упражненіемъ въ высшихъ нравственныхъ добродѣтеляхъ: великодушіи и совершенномъ безкорыстіи.

И такъ, намъ кажется, что значеніе, приписываемое самимъ германскимъ правительствомъ пріобрѣтенію острова Гельголанда, даетъ Россіи право потребовать возмѣщенія, проистекающаго для насъ изъ того ущерба. Вѣдь, по собственному признанію генерала Каприви, оно равносильно утвержденію преобладанія въ Балтикѣ Германіи, которая, владѣя входомъ и выходомъ изъ нея, обращаетъ ее въ закрытое море. Если не въ нашей власти измѣнить столь невыгодное для насъ положеніе, то не обязаны ли мы искать въ другомъ мѣстѣ свободнаго исхода изъ внутреннихъ нашихъ морей въ открытый океанъ? Такимъ образомъ становится снова на очередь исто-

рическій вопросъ объ обладаніи Босфоромъ и Дарданеллами, и не ясно ли, что намъ совершенно необходимо владѣть ключами отъ нашего дома на Югѣ, послѣ того, какъ состоявшаяся между Берлиномъ и Лондономъ сдѣлка грозитъ запереть насъ со стороны Сѣвера? Призываемъ серьезное вниманіе отечественной дипломатіи на соотношеніе этихъ двухъ, географически столь отдаленныхъ другъ отъ друга, но тѣсно связанныхъ въ политическомъ отношеніи вопросовъ, въ надеждѣ, что она напряжетъ всѣ свои умственныя силы къ разрѣшенію ихъ въ русскомъ смыслѣ, столь важномъ для міровыхъ судебъ нашей родины.

Это тѣмъ необходимѣе, что настоящая независимость ослабленной и окромсанной Даніи далеко не представляетъ задатковъ прочности. Кому неизвѣстны вожделѣнія нѣмцевъ, стремящихся включить ее въ составъ Германской имперіи и даже придумавшихъ для нея особое прозвище «адмиральскаго государства» (Admiral-Staat). По ученію ихъ, назначеніе Даніи—руководить морскими силами Германіи. Пока еще оставалась въ дѣйствіи 5-я статья Пражскаго мира, коею Пруссія обязывалась возвратить королю Христіану населенную датчанами сѣверную часть Шлезвига, можно было надѣяться, что берлинскій дворъ не раздѣляетъ во всемъ ихъ объемѣ честолюбивыхъ замысловъ нѣмецкихъ націоналистовъ. Но съ 1879 года, т. е. со дня упраздненія, по соглашенію съ Австріей, упомянутой статьи, ясно стало, что германское правительство усвоило ихъ вполнѣ и будетъ стремиться къ ихъ осуществленію. Разрѣшенный въ пользу Германіи шлезвигъ-голштинскій вопросъ разростался, такимъ образомъ, въ вопросъ датскій, въ вопросъ о томъ, сохранитъ ли датская монархія тысячелѣтнюю свою самостоятельность или обратится въ составную часть великаго нѣмецкаго царства? Не станемъ скрывать отъ себя, что въ самой Даніи насчитывается уже не мало сторонниковъ единенія съ Германіей, отъ котораго они ожидаютъ не мало выгодъ промышленныхъ, торговыхъ и даже политическихъ. Что мысль эта пустила глубокіе корни въ странѣ, свидѣтельствуетъ сочувственный пріемъ, оказанный населеніемъ молодому императору германскому при недавнемъ посѣщеніи имъ датскаго двора. Со своей стороны Вильгельмъ II весьма искусно ищетъ воздѣйствовать на датчанъ не «насиліемъ», а «любовью», пользуясь каждымъ случаемъ, чтобы выразить уваженіе и преданность къ особѣ короля, высокочтимаго подданными, и ко всей его царственной семьѣ. Впрочемъ, тѣсныя узы личной дружбы и кровнаго родства, соединяющія датскую династію съ нашимъ Императорскимъ Домомъ, вселяютъ въ насъ

увѣренность, что установившіяся между нею и главою Германской имперіи близкія дружественныя отношенія, служа залогомъ безопасности Даніи, не обратятся никогда во вредъ, ниже въ угрозу Россіи.

Къ искреннему прискорбію, мы не можемъ, по совѣсти, сказать того же о сближеніи, происшедшемъ между Вильгельмомъ II и королемъ шведскимъ и выразившемся въ застольныхъ рѣчахъ, коими оба государя обмѣнялись при свиданіи въ столицѣ Норвегіи. Призывъ къ оружію норвежцевъ и шведовъ, которымъ, сколько извѣстно, никто не угрожаетъ, пріобрѣтаетъ въ устахъ германскаго императора подозрительное значеніе въ виду броженія, проявляющагося въ обоихъ Скандинавскихъ королевствахъ по поводу мѣръ, принятыхъ или предположенныхъ къ принятію русскимъ правительствомъ въ Финляндіи, съ цѣлью тѣснѣе связать съ имперіей эту страну, составляющую нераздѣльную часть ея. Еще страннѣе звучатъ слова Оскара II, повѣдавшаго вопрошавшему его журналисту, что, въ случаѣ столкновенія между сосѣдними державами, онъ если и выйдетъ изъ нейтралитета, то никакъ не для того, чтобы обратить оружіе противъ Германіи. Заявленіе это до такой степени нарушаетъ общепринятыя международныя приличія, что мы рѣшительно отказываемся принять его на вѣру, хотя и не можемъ не выразить удивленія тому, что оно доселѣ осталось безъ гласнаго опроверженія съ правоспособной стороны.

Едва успѣлъ императоръ германскій возвратиться изъ плаванія вдоль Норвежскихъ береговъ, какъ уже ждутъ его въ Остенде—король бельгійцевъ, а въ Осборнѣ на островѣ Уайтѣ—бабка его, королева Великобританіи. Посѣщеніе послѣдней хотя и носитъ родственный характеръ, но, конечно, не лишено политическаго значенія, ибо имъ запечатлѣвается дипломатическое соглашеніе, состоявшееся между кабинетами сентъ-джемскимъ и берлинскимъ. Впрочемъ, въ то самое время, когда Англія и Германія тѣснѣе прежняго сближаются одна съ другой, между двумя прочими участницами четвернаго союза замѣчается не мало поводовъ ко взаимному охлажденію. Таковы пререканія, возникшія между Вѣною и Римомъ вслѣдствіе запрещенія австрійскимъ правительствомъ образованнаго въ итальянскихъ областяхъ Дунайской Монархіи общества для противодѣйствія попыткамъ онѣмечить ихъ населеніе, за то, что общество это, носившее названіе «Pro patria», находилось въ прямыхъ сношеніяхъ съ политическими кружками въ Италіи, открыто преслѣдующими отторженіе помянутыхъ областей и возсоединеніе ихъ съ общимъ отечествомъ.

Нахожденіе въ составѣ Австро-Венгерскаго государства болѣе милліона подданныхъ итальянскаго происхожденія, итальянцевъ по языку, по нравамъ, по культурѣ, въ связи съ притязаніями объединенной Италіи на Трентино, Тріестъ, Истрію и Далмацію,—составляетъ больное мѣсто въ современныхъ отношеніяхъ дворовъ вѣнскаго и квиринальскаго. Союзная связь, нынѣ ихъ соединяющая—явленіе до крайности ненормальное, противорѣчащее какъ политическимъ преданіямъ обѣихъ державъ, такъ и настоящимъ ихъ стремленіямъ и потребностямъ. Она никогда бы и не состоялась, если бы посредствующимъ звеномъ между ними не служила Германія, успѣвшая увѣрить итальянцевъ и австро-мадьяръ, что союзъ съ нею необходимъ для огражденія первыхъ отъ посягательствъ Франціи, вторыхъ—отъ Россіи. Волей-неволей пришлось обоимъ отложить до болѣе благопріятнаго времени сведеніе личныхъ своихъ счетовъ и протянуть другъ другу руку примиренія. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что примиреніе это, и то болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное, совершилось лишь между двумя правительствами, ни мало не распространяясь на общественное настроеніе обѣихъ странъ. Ирредентистское движеніе ни на минуту не прекращалось въ Италіи и при каждомъ удобномъ случаѣ шумно выражается въ палатахъ, въ печати, въ народныхъ собраніяхъ, создавая министерству Криспи постоянныя затрудненія въ сношеніяхъ съ вѣнскимъ дворомъ. Давленіе его на перваго министра настолько сильно, что вынудило его, наконецъ, обратиться въ Вѣну съ представленіемъ по поводу мѣры, принятой относительно общества «Pro patria», что̀, понятно, вызвало желчное возраженіе австро-венгерскаго правительства, съ протестомъ противъ непрошеннаго вмѣшательства въ его внутреннія дѣла. Такой оборотъ дѣла не могъ, въ свою очередь, не поколебать положенія г. Криспи, и уже говорятъ объ оставленіи имъ должности министра иностранныхъ дѣлъ, хотя пока и съ сохраненіемъ званія министра внутреннихъ дѣлъ и предсѣдателя совѣта министровъ.

Какъ ни существенны эти признаки разлада между Австро-Венгріей и Италіей, вѣроятнымъ послѣдствіемъ котораго можетъ быть современемъ сближеніе послѣдней со своею западною сосѣдкой Франціей, едва ли благоразумно усматривать въ нихъ предвѣстниковъ близкаго расторженія «четверного» союза. Узелъ этого политическаго сочетанія, крѣпко завязанный мощною рукою князя Бисмарка, находится, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, въ Берлинѣ. Германія извлекаетъ изъ него слишкомъ много выгодъ, чтобы добро-

вольно развязать его. Россіи же гораздо легче и прибыльнѣе создать ему противовѣсъ, превосходящій его и въ силѣ, и въ прочности, чѣмъ искать его разорвать. Наконецъ, разрубить его возможно однимъ только оружіемъ—мечомъ.

А пока единеніе всѣхъ державъ-участницъ «четверного» союза сказывается на каждомъ шагу. Оно проявилось надняхъ въ вопросѣ, близко касающемся Россіи: мы разумѣемъ единогласное воздѣйствіе на Порту дипломатическихъ представителей Германіи, Англіи, Австро-Венгріи и Италіи, съ цѣлью побудить ее удовлетворить предъявленному ей болгарскимъ правительствомъ требованію и поставить во главѣ трехъ македонскихъ епархій епископовъ изъ болгаръ.

Мы не имѣемъ изъ русскихъ офиціальныхъ источниковъ вѣрныхъ свѣдѣній о томъ, что происходило въ Константинополѣ, но если вѣрить сообщеніямъ иностранныхъ газетъ, то русскій посолъ протестовалъ противъ означенной мѣры, которую, напротивъ, отстаивали четыре его товарища. Турки, съ обычною своею изворотливостью, нашли, повидимому, исходъ изъ затрудненія и, удовольствовавъ дипломатовъ «четвернаго» союза по существу, дали удовлетвореніе и русскому представителю, но только по формѣ. Болгарскіе епископы назначены въ Ускубъ, Кипреме и Охриду, но г. Нелидову заявлено при этомъ, что назначеніе это не можетъ считаться уступкой Болгаріи, а состоялось лишь по просьбѣ, непосредственно представленной султану его подданнымъ, болгарскимъ экзархомъ.

На нашъ взглядъ дѣло это представляетъ двѣ стороны. Одна общая и, такъ сказать, принципіальная заключается въ выясненіи вопроса о томъ: во имя какихъ началъ должно быть произведено въ Македоніи размежеваніе между тремя племенами, сталкивающимися въ этой области и предъявляющими притязанія на преобладаніе въ ней, т. е. между греками, болгарами и сербами? Другая сторона—частная и вся сводится къ тѣмъ соображеніямъ, которыми слѣдуетъ руководствоваться русской дипломатіи, каждый разъ, когда нынѣшнія противоестественныя отношенія наши къ Болгаріи ставятъ ее въ противорѣчіе съ вѣковыми завѣтами и преданіями нашей политики въ отношеніи къ нашимъ восточнымъ единовѣрцамъ.

Мы не намѣрены касаться здѣсь перваго вопроса. Онъ слишкомъ обширенъ и сложенъ и увлекъ бы насъ далеко за предѣлы, намѣченные для нашей бесѣды. Но мы долгомъ считаемъ остановиться на второмъ, который, при настоящихъ обстоятельствахъ, нельзя не признать животрепещущимъ. Сдается намъ, что въ политическомъ разсчетѣ, какъ и во всякомъ иномъ, невыгодно жертвовать по-

стоянными, преемственными, историческими интересами соображеніямъ случайнымъ и преходящимъ, а таковъ несомнѣнно интересъ, побуждающій Россію способствовать всему, что можетъ служить обезпеченіемъ духовной самобытности и политической независимости христіанскихъ государствъ Балканскаго полуострова.

Каждый разъ, когда дипломатія наша упускала это изъ виду, она совершала крупную ошибку и играла въ руку нашимъ противникамъ. Вспомнимъ ея противодѣйствіе соединенію обѣихъ Болгарій. Дѣло дошло до того, что представитель нашъ въ Константинополѣ приглашалъ турецкія войска вступить въ мятежную Восточную Румелію и силою возстановить тамъ нарушенныя права султана. Хуже всего то, что противъ такого предложенія возсталъ англійскій посолъ, удержавшій Порту отъ опрометчиваго шага и вскорѣ послѣ того даже убѣдившій ее дать согласіе на соединеніе. Въ результатѣ получилось, что завѣтная мечта болгаръ была осуществлена, благодаря содѣйствію Англіи, вопреки волѣ Россіи. Обстоятельство это не мало способствовало упадку нашего вліянія по обоимъ склонамъ Балканъ. Что же касается до оговорокъ чисто формальнаго свойства, которыя дипломатіи нашей удалось включить въ актъ царьградской конференціи, узаконившій сліяніе Восточной Румеліи съ княжествомъ, то онѣ лишены всякаго практическаго значенія и плохо прикрываютъ неудачу, что потерпѣли мы по существу дѣла.

Такъ и нынѣ, въ вопросѣ о назначеніи болгарскихъ епископовъ въ Македонію, если мы дѣйствительно протестовали и притомъ безуспѣшно, то нашъ протестъ нельзя не признать крайне неблагоразумнымъ, чтобы не сказать болѣе. Во-первыхъ, онъ далъ поводъ нашимъ недоброжелателямъ лишній разъ повторить болгарамъ, что Россія-де противодѣйствуетъ ихъ національнымъ стремленіямъ; во-вторыхъ, онъ засвидѣтельствовалъ наше безсиліе повліять на Порту въ смыслѣ, противоположномъ настояніямъ дипломатовъ «четверного» союза. Наконецъ, онъ придаетъ мѣрѣ, принятой султаномъ, видъ торжества Кобурга и Стамбулова надъ Россіей. Нужды нѣтъ, что ираде и бераты обусловлены не обращеніемъ софійскихъ правителей, а всеподданнѣйшимъ прошеніемъ болгарскаго экзарха. Народъ въ Болгаріи не разбираетъ этихъ дипломатическихъ тонкостей, и въ глазахъ его, болгарскіе епископы въ Македоніи—живое свидѣтельство заботливости людей, стоящихъ во главѣ управленія въ княжествѣ, о національныхъ нуждахъ, а равно и искусства ихъ доставить имъ удовлетвореніе.

Офиціозные органы нашей дипломатіи на всѣ лады твердятъ, что цѣль ея усилій возстановить въ Болгаріи порядокъ, установленный берлинскимъ конгрессомъ. Признаемся, мы не понимаемъ этихъ вздоховъ и сожалѣній о договорѣ, который не только обездолилъ, но и унизилъ Россію на Востокѣ, и плакать, и сокрушаться о нарушеніи котораго не къ лицу русскимъ людямъ. Нѣтъ болѣе берлинскаго трактата, и Богъ съ нимъ! Съ упраздненіемъ его, за нами остается во всей полнотѣ право наше устанавливать наши отношенія къ балканскимъ государствамъ единственно на соображеніи нашихъ выгодъ съ ихъ потребностями. Берлинскій трактатъ разъединилъ интересы Россіи съ интересами помянутыхъ государствъ. Нѣтъ его—и интересы эти снова совпадаютъ.

Не потому Россія не признаéтъ и никогда не признáетъ принца Фердинанда Кобургскаго княземъ болгарскимъ, что пребываніе его въ Софіи составляетъ нарушеніе 3-й статьи берлинскаго трактата, а потому, что принцъ этотъ, католикъ по вѣроисповѣданію и близкій свойственникъ австрійскаго императорскаго дома, не внушаетъ ей того довѣрія, безъ котораго невозможно возстановленіе нормальныхъ отношеній ея къ Болгаріи. Но несправедливо утверждать, что самыя эти отношенія возстановятся сами собою, какъ только Кобургъ удалится или будетъ удаленъ изъ княжества. Это неправда, такъ какъ разрывъ болгарскихъ правителей съ Россіей произошелъ задолго до избранія принца Фердинанда и по причинамъ, ничего съ нимъ общаго не имѣющимъ. Корень разлада кроется въ недоразумѣніи относительно истинныхъ намѣреній Россіи, и если недоразумѣніе не было въ свое время разсѣяно, то въ этомъ въ равной степени виновны и русскіе дипломаты, и болгарскіе политическіе дѣятели. Сколько ни накопилось поводовъ къ неудовольствію съ обѣихъ сторонъ за послѣднія пять лѣтъ, мы глубоко убѣждены, что и теперь не поздно намъ взяться за умъ и попытаться на чистоту объясниться съ болгарами. Настоящая минута даже представляется намъ къ тому нарочито удобною, по той причинѣ, что беззастѣнчивое отношеніе членовъ «четверного» союза къ обязательствамъ, налагаемымъ на нихъ берлинскимъ договоромъ, вполнѣ развязываетъ намъ руки.

Болгарамъ слѣдуетъ поставить вопросъ такъ: кто, изъ Россіи или ея противниковъ, можетъ дать наиболѣе широкое удовлетвореніе ихъ національнымъ стремленіямъ? Четыре союзные двора хлопотали, правда, о водвореніи болгарскихъ епископовъ въ Македоніи, но самую Македонію, или даже ту часть ея, что заселена болгарами,

они ни подъ какимъ видомъ не отдадутъ Болгаріи. У каждаго изъ нихъ на нее свои своекорыстные виды. Австро-Венгрія давно намѣтила себѣ въ добычу всю долину Вардара, тогда какъ Германія, Англія и Италія зарятся на Солунскую гавань. Далѣе: четыре державы, пожалуй, и вынудятъ у Порты признаніе принца Фердинанда княземъ болгарскимъ, но, конечно, воспротивятся провозглашенію полной независимости Болгаріи. А что важнѣе для болгаръ: видѣть ли въ своемъ государѣ узаконеннаго вассала султана или возвести отечество на степень самостоятельнаго государства, равноправнаго члена великой европейской семьи?

Съ другой стороны, Россія можетъ дать болгарамъ все то, на что никогда не дастъ согласія «четверной» союзъ. И объединеніе въ одномъ государствѣ всѣхъ болгаръ, населяющихъ Балканскій полуостровъ, и самая независимость Болгаріи удобно вмѣщаются въ ея политическую программу, разумѣется, подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ: чтобы расширенная и независимая Болгарія была другомъ, а не врагомъ Россіи, вѣрною ея союзницею, а не орудіемъ въ рукахъ заклятыхъ и непримиримыхъ противниковъ и Россіи, и славянства, и всего православнаго міра.

Для этого нужны Россіи существенныя и надежныя ручательства. Разумѣется, и Болгарія имѣетъ право на гарантіи, которыя обезпечили бы ее отъ вмѣшательства, порою усердныхъ не по разуму, мѣстныхъ дипломатическихъ агентовъ въ ея внутреннія дѣла. Сообща изыскать, обсудить и установить подобныя ручательства— такова, по крайнему нашему разумѣнію, задача, которая разрѣшится просто и легко, если только съ обѣихъ сторонъ къ ней будетъ приступлено безъ ворчливыхъ и злопамятныхъ укоровъ, съ твердымъ намѣреніемъ предать забвенію печальное прошлое и воспрепятствовать возобновленію въ настоящемъ и въ будущемъ былыхъ, столь пагубныхъ недоразумѣній.

Необходимое условіе успѣха—устраненіе всякаго посторонняго посредничества. Примиреніе Болгаріи съ освободительницей ея Россіей не можетъ быть желательно ни Портѣ, ни одной изъ державъ-участницъ «четверного» союза. Какъ же ожидать отъ нихъ, чтобы онѣ содѣйствовали достиженію этого столь для нихъ невыгоднаго результата? Давно уже спали личины, и при всемъ нашемъ добродушіи нельзя намъ не видѣть въ нихъ недоброжелателей Россіи, ея завистниковъ и соперниковъ. Что таковы же чувства, ихъ одушевляющія по отношенію къ нашимъ восточнымъ единовѣрцамъ, что послѣднимъ онѣ, по слову поэта, такъ же мало

прощаютъ Россію, какъ Россіи прощаютъ ихъ,—доказать не трудно. Въ арсеналѣ нашей дипломатіи, какъ мы уже напомнили въ предшедшей бесѣдѣ, сложены орудія неотразимой силы: дипломатическая переписка наша съ дворами великихъ державъ, до и во время послѣдней войны, вплоть до берлинскаго конгресса. Долго ли храниться подъ спудомъ этому свѣтильнику, который, будучи возженъ, разсѣялъ бы тьму заблужденій, вольныхъ и невольныхъ, и озарилъ бы міръ свѣтомъ русской правды? Не скроемъ, что въ лучахъ ея до извѣстной степени померкло бы сіяніе тогдашнихъ русскихъ дипломатовъ, на которыхъ, что́ грѣха таить! лежитъ главная отвѣтственность за неудачу великаго освободительнаго подвига, подъятаго Царемъ и Россіей, но чистота намѣреній, руководившихъ русскимъ дворомъ, и попечительная заботливость его о судьбахъ восточныхъ христіанъ явились бы въ прямомъ противорѣчіи съ себялюбивыми видами прочихъ великихъ державъ.

Что же удерживаетъ наше дипломатическое вѣдомство отъ обращенія къ такому простому и дѣйствительному средству для возстановленія истины? Традиціонная профессіональная скромность? Но со времени переворота, совершеннаго въ пріемахъ и способахъ дипломатіи княземъ Бисмаркомъ, за двадцатипятилѣтіе завѣдыванія внѣшнею политикою Пруссіи, а потомъ Германіи—о ней нѣтъ и помину въ Европѣ. Правительства обнародываютъ безъ всякой застѣнчивости самыя сокровенныя политическія тайны, коль скоро оглашеніе оныхъ можетъ быть имъ полезно, и то правительство, что́ не послѣдовало бы общему примѣру, само бы обрекло себя на стѣсненіе, не соблюдаемое его противниками.

Остановимъ вниманіе наше на одномъ изъ такихъ разоблаченій. Въ Бѣлградѣ появилась брошюра бывшаго министра Георгіевича, разсказывающаго, на основаніи цѣлаго ряда приводимыхъ имъ офиціальныхъ документовъ, переговоры, происходившіе между Австро-Венгріей и Сербіей наканунѣ Берлинскаго конгресса. Цѣль этого изданія доказать, что Россія злоумышляла противъ Сербіи, бывшей ея союзницы въ войнѣ съ турками, и что не ей, а задунайской сосѣдкѣ своей—Австро-Венгріи обязана Сербія и признаніемъ независимости, и знатнымъ приращеніемъ государственной области.

Is fecit cui prodest, и для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что Георгіевичъ выпустилъ въ свѣтъ свою книжку не только съ разрѣшенія, но и прямо по заказу вѣнскаго двора. Недаромъ же австро-мадьярскія газеты дали ей широкое распространеніе воспроизведеніемъ пространныхъ изъ нея выдержекъ. И дѣйствительно, факты

подтасованы въ ней такъ искусно, что получается такое впечатлѣніе: Россія-де злѣйшій врагъ Сербіи, а монархія Габсбургомъ— преданный и безкорыстный другъ, благодѣтельница ея и спасительница.

Оставить это наглое извращеніе истины безъ возраженія значитъ дать ему проникнуть въ общественное сознаніе сербовъ въ ту самую минуту, когда они обнаруживаютъ стремленіе, намъ сочувственное, и ищутъ въ Россіи опору въ своемъ сопротивленіи проискамъ австрійцевъ. Между тѣмъ, чтобы разсѣять его, достаточно противопоставить ему изложеніе разногласія по этому же самому вопросу и въ ту же эпоху между кабинетами с.-петербургскимъ и вѣнскимъ.

Да, дѣйствительно, графъ Андраши настаивалъ въ Берлинѣ на отмежеваніи къ Сербіи,—не Ниша—тотъ и по Санъ-Стефанскому миру былъ присужденъ сербамъ,—а Акъ-Паланки и Пирота, но потому, что онъ же воспротивился распространенію границъ сербскаго княжества въ направленіи къ Ново-Базару и Митровицѣ, т. е. въ томъ самомъ направленіи, которое указывалось и этнографіей, и исторіей, и, слѣдуя которому, сербы не пришли бы въ столкновеніе съ болгарами. Вдохновлялся притомъ австро-венгерскій министръ отнюдь не интересами Сербіи, а хищными вожделѣніями самой двойственной монархіи, стремившейся наложить руку на узкій проходъ, отдѣляющій Сербію отъ Черногоріи, дабы обезпечить за собою свободный выходъ къ Эгейскому морю. Что же касается до его хлопотъ о присоединеніи къ княжеству Пиротскаго округа, то, какъ явствуетъ изъ разсказа самого Георгіевича, сербы заплатили за нихъ дорогою цѣною конвенцій торговыхъ и желѣзнодорожныхъ, надолго закабалившихъ ихъ въ хозяйственномъ отношеніи алчнымъ и притязательнымъ сосѣдямъ.

Въ отечественныхъ архивахъ хранится не мало документовъ, свидѣтельствующихъ объ усиліяхъ русской дипломатіи оградить самостоятельность какъ Черногоріи, такъ и Сербіи, отъ опасности, угрожавшей ей съ австро-венгерской стороны. Обнародовывать ихъ мы не считаемъ себя въ правѣ, но надѣемся, что намъ простятъ повтореніе здѣсь нѣсколькихъ строкъ изъ депеши статсъ-секретаря Гирса къ послу въ Вѣнѣ отъ 20-го апрѣля (2 мая) 1878 года, которыя были оглашены нами въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» болѣе трехъ лѣтъ назадъ въ защиту нашей дипломатіи противъ клеветъ, взведенныхъ на нее «Сѣверо-Германскою Всеобщею газетой». «Владѣніе этой территоріей» (рѣчь шла о Ново-Базарскомъ паша-

лыкѣ) — писалъ Николай Карловичъ Е. П. Новикову — «обезпечило бы за Австро-Венгріей слишкомъ преобладательное военное и политическое положеніе. Она до такой степени тяготѣла бы съ одной стороны надъ Сербіей, съ другой надъ Черногоріей, что въ сущности, оба эти княжества стали бы просто окружены со всѣхъ сторонъ ея владѣніями (deviendraient de simples enclaves). Всякое развитіе было бы возбранено имъ не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. А между тѣмъ, будущность ихъ—это будущность всѣхъ племенъ славянскихъ. Сила обстоятельствъ можетъ заставить насъ согласиться на отсрочку ихъ полнаго освобожденія, но мы не считаемъ себя въ правѣ компрометировать ихъ существованіе въ будущемъ».

Знаменательныя слова нашего почтеннаго министра иностранныхъ дѣлъ — лучшій отвѣтъ лживымъ и злобнымъ нареканіямъ бывшаго сербскаго министра, изъ напредняковъ, на Россію и ея дипломатію. И теперь, какъ и въ эпоху Берлинскаго конгресса, служа выраженіемъ самодержавной воли, слова эти, твердо примѣненныя къ дѣлу, въ полномъ согласіи съ русскою общественною мыслью, съ русскимъ народнымъ чувствомъ, пріобрѣтаютъ силу неотразимую.

IX.

С.-Петербургъ, 20 августа (1 сентября) 1890 г.

Посѣщеніе русскаго двора императоромъ германскимъ.—Отношенія Германіи къ Россіи.—Генералъ Швейницъ и М. Н. Катковъ.—Дружественное расположеніе Франціи къ Россіи.—Гласный оборонительный договоръ Россіи съ Франціей—надежнѣйшій залогъ мира и спокойствія вселенной.—Восточный вопросъ и его рѣшеніе въ русскомъ смыслѣ.—Единство православнаго міра.—Болгарія.

Шесть дней императоръ германскій былъ гостемъ русскаго Царя. Въ продолженіе этого времени, взоры всего міра устремлялись на ту часть южнаго побережья Финскаго залива, гдѣ происходили манёвры гвардіи и другихъ войскъ петербургскаго военнаго округа. Вильгельмъ II пріѣхалъ въ сопровожденіи новаго своего канцлера. Въ русскомъ военномъ станѣ появился и нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ. Печать на Западѣ заключила, что свиданіе государей не ограничится обмѣномъ личныхъ впечатлѣній между Царственнымъ хозяиномъ и его высокимъ посѣтителемъ, но будетъ сопровождаться переговорами обоихъ министровъ по текущимъ вопросамъ и пріобрѣтетъ, такимъ образомъ, значеніе крупнаго политическаго событія, обильнаго важными послѣдствіями, призваннаго видоизмѣнить настоящія международныя сочетанія въ Европѣ.

Такое заключеніе представляется намъ, не только вполнѣ гадательнымъ, но и весьма мало вѣроятнымъ. Прочные политическіе результаты назрѣваютъ медленно, въ силу естественныхъ законовъ, управляющихъ взаимными отношеніями государствъ, другими словами — сообразно ихъ выгодамъ и потребностямъ. Мимолетное настроеніе можетъ, конечно, смотря по обстоятельствамъ, ускорить или затормозить ходъ исторіи. Оно не въ силахъ измѣнить ея теченіе, всего менѣе обратить его вспять.

Говорятъ о возвращеніи къ прежней тѣсной связи между дворами с.-петербургскимъ и берлинскимъ, словно связь эта не осуждена безповоротно историческимъ опытомъ. Нѣтъ такой силы въ природѣ, которая могла бы изгладить слѣды минувшаго и достигнуть, чтобы «не было» въ немъ того, что «было». Пресловутая двухвѣковая прусская дружба являлась въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ безсовѣстною эксплоатаціей Россіи въ пользу Пруссіи: ненасытная алчность со стороны нашихъ союзниковъ, а съ нашей стороны—безкорыстіе, доходившее до самозабвенія. Горькіе плоды и по сю пору на-лицо. Что такой порядокъ могъ продолжаться цѣлыя два столѣтія, объясняется двойнымъ источникомъ ослѣпленія: невѣдѣніемъ разума и увлеченіемъ чувства. Нынѣ чувство разочаровано, а разумъ просвѣщенъ знаніемъ. При такихъ условіяхъ возвратъ къ прошлому немыслимъ, неосуществимъ, потому что былъ бы просто безразсуденъ.

Хотя мы и не посвящены въ тайну совѣщаній, что̀ происходили на тѣсномъ пространствѣ между Нарвою и Петергофомъ, но можемъ съ увѣренностью сказать, что въ нихъ не было мѣста умиленію или какому либо другому проявленію чувствительности. Отношеніями Россіи къ Германіи, какъ и ко всѣмъ прочимъ государствамъ, руководитъ одинъ трезвый и безстрастный политическій разсчетъ. Порукою въ томъ служитъ царственная мысль, бодрствующая надъ Россіею, въ отеческой заботливости всѣ побочныя соображенія подчиняющая попеченію о ея государственныхъ пользахъ и огражденію державнаго ея достоинства.

Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, чтобы свиданіе двухъ могущественнѣйшихъ въ свѣтѣ монарховъ осталось совершенно безплоднымъ. Императоръ Вильгельмъ несомнѣнно убѣдился какъ въ отсутствіи всякихъ враждебныхъ замысловъ русскаго двора по отношенію къ Германіи, такъ и въ искренномъ, задушевномъ, истинно христіанскомъ миролюбіи нашего Государя. Убѣдился онъ и въ высокихъ боевыхъ качествахъ доблестной русской арміи, назначеніе которой, по царскому слову, служить крѣпкимъ щитомъ безопасности отечества, твердымъ оплотомъ спокойствія и мира вселенной. Если и самъ онъ не стремится ни къ чему иному, какъ къ той же мирной цѣли, если дѣйствительнымъ призваніемъ своимъ считаетъ содѣйствіе всеобщему замиренію, то сто̀итъ ему только не извлекать меча изъ ноженъ, чтобы надолго обезпечить человѣчеству благодѣянія мира. Вопросъ о разоруженіи разрѣшится самъ собою, коль скоро Германія станетъ проповѣдывать его собственнымъ примѣ-

ромъ, разъ навсегда отказавшись отъ неосуществимаго замысла во что бы ни стало опередить и превзойти всѣхъ сосѣдей въ развитіи военныхъ силъ своихъ.

Для достиженія столь желательнаго результата не нужно никакихъ особыхъ соглашеній, никакихъ сдѣлокъ, обнимающихъ совокупность современныхъ международныхъ вопросовъ, стоящихъ на очереди. Достаточно, чтобы Германія перестала угрожать Россіи и ограничила свой уговоръ съ нею тѣснымъ кругомъ непосредственныхъ отношеній своихъ къ ней. Далѣе идти не слѣдуетъ, если Вильгельму II дорого доброе согласіе съ нами, не слѣдуетъ потому, что всякое посредничество его между нашимъ дворомъ и прочими государствами представляется лишь непрошеннымъ вмѣшательствомъ, обыкновенно мало способствующимъ благополучному выясненію недоразумѣній, но въ бо́льшей части случаевъ содѣйствующимъ, напротивъ, къ вящему затемнѣнію и усложненію дѣла.

Одно изъ двухъ: или противоположные интересы обѣихъ сторонъ могутъ быть согласованы путемъ взаимныхъ уступокъ, но тогда нѣтъ и надобности въ посредникахъ; или они несогласуемы, въ каковомъ случаѣ посредничество Германіи можетъ обратиться только во вредъ Россіи, такъ какъ она связана союзными обязательствами съ тремя великими державами, нашими открытыми соперницами въ Европѣ и въ другихъ частяхъ свѣта. И пока существуетъ «четверной» союзъ, пока Лондонъ, Римъ и Вѣна тѣсно связаны съ Берлиномъ, мы не можемъ довѣрять Германіи въ роли «честнаго маклера», для добросовѣстнаго исполненія которой ей недостаетъ необходимаго качества: безпристрастія.

Это существенное противорѣчіе всего нагляднѣе выражается въ притязаніи Германіи служить миротворцемъ между Россіей и Австро-Венгріей. Извѣстно, что именно на немъ построенъ былъ возобновленный въ 1872 году союзъ трехъ императорскихъ дворовъ, просуществовавшій съ различными, болѣе или менѣе продолжительными перерывами, до весны 1886 года, не взирая на то, что въ 1879 году, двумя его участницами заключенъ направленный противъ третьей, отдѣльный, тайный союзный договоръ.

Когда, четыре года тому назадъ, русскій дворъ, извѣрившись въ союзникахъ, вышелъ изъ состава трехдержавнаго союза и возвратилъ себѣ полную свободу дѣйствій, такой оборотъ въ нашей политикѣ былъ единогласно привѣтствованъ общественнымъ мнѣніемъ Россіи. Но въ Берлинѣ никакъ не могли помириться съ подобнымъ проявленіемъ русской самостоятельности и долго еще ла-

скали себя надеждой, что германской дипломатіи снова удастся вовлечь русскую въ свои сѣти. Надежда эта часто высказывалась на столбцахъ нѣмецкихъ офиціозныхъ газетъ и понятно встрѣчала твердый отпоръ въ независимой русской печати, во главѣ которой могучимъ передовымъ борцомъ выступалъ М. Н. Катковъ.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ издателя «Московскихъ Вѣдомостей» въ Петербургъ, осенью 1886 года, къ пишущему эти строки обратился знакомый съ нимъ по службѣ въ вѣнскомъ посольствѣ нѣмецкій посолъ при нашемъ дворѣ, съ просьбою убѣдить Михаила Никифоровича имѣть съ посломъ личное свиданіе. Генералъ Швейницъ повѣдалъ намъ, что еще въ бытность свою военнымъ агентомъ въ Петербургѣ, онъ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, находился въ сношеніяхъ съ Катковымъ и тщательно поддерживалъ ихъ до недавняго времени; что не далѣе, какъ во время коронаціи, онъ видѣлся съ нимъ въ Москвѣ и велъ продолжительныя и довѣренныя бесѣды; что, ополчаясь противъ Германіи, обвиняя ее въ коварствѣ по отношенію къ Россіи, Катковъ заблуждается; что берлинскій дворъ и не думаетъ промѣнять испытанную дружбу Россіи на сомнительную вѣрность Австро-Венгріи; что задача его—сглаживать противоположныя стремленія обѣихъ сосѣднихъ имперій и согласовать ихъ противорѣчивые интересы; что цѣль эта какъ нельзя лучше достигалась тройственнымъ союзомъ, въ которомъ безпристрастная Германія являлась посредствующимъ звеномъ, сближающимъ и примиряющимъ, между двумя державами-соперницами. «Я не сомнѣваюсь» — заключилъ посолъ,— «что прямодушнымъ объясненіемъ съ Катковымъ мнѣ удастся устранить всѣ его предубѣжденія, разсѣять сомнѣнія и вернуть его къ прежнему дружественному расположенію къ Германіи».

Мы въ точности передали Михаилу Никифоровичу просьбу нѣмецкаго дипломата. Отвѣтъ его крѣпко запалъ намъ въ память по той поразительной ясности, съ которою маститый публицистъ-патріотъ доказалъ несостоятельность отстаиваемаго берлинскимъ дворомъ политическаго сочетанія.

«Мнѣ не зачѣмъ видѣться съ генераломъ Швейницемъ»,— сказалъ Катковъ,— «и не о чемъ съ нимъ бесѣдовать. Мнѣнія мои онъ легко и просто можетъ узнать изъ «Московскихъ Вѣдомостей», а его воззрѣнія мнѣ хорошо извѣстны. Онъ человѣкъ прямой и искренній, убѣжденный сторонникъ Россіи и вѣритъ самъ въ то, что говоритъ. Но въ томъ-то и заключается дипломатическое искусство князя Бисмарка, что представитель его въ Петербургѣ находится

въ заблужденіи относительно истинныхъ его намѣреній. Увѣряя нашихъ дипломатовъ въ дружбѣ и преданности Германіи къ Россіи, онъ убѣждаетъ ихъ потому, что убѣжденъ самъ. Убѣдительность его рѣчей я испыталъ на себѣ до тѣхъ поръ, пока судилъ о внѣшней политикѣ отвлеченно, не былъ посвященъ въ ея тайны. Теперь я узналъ все, чего не вѣдалъ, даже не подозрѣвалъ доселѣ, и никакое слово не пересилитъ во мнѣ свидѣтельство фактовъ. Но я въ долгу предъ генераломъ Швейницемъ и хочу попытаться въ свою очередь переубѣдить его».

Михаилъ Никифоровичъ призадумался на мгновеніе, потомъ продолжалъ: «Скажите же послу, что переданныя вами мнѣ слова его произвели на меня надлежащее дѣйствіе и что я увѣровалъ въ спасительность проповѣдуемаго имъ тройственнаго союза. Комбинація эта мнѣ даже до того понравилась, что, не довольствуясь однимъ тройственнымъ союзомъ между тремя императорскими дворами, я предлагаю немедленное заключеніе другого, тройного же, участницами коего будутъ Россія, Германія и Франція. Какъ въ первомъ союзѣ Германія хочетъ быть посредницею между нами и австрійцами, такъ и во второмъ Россія станетъ посредничать между нѣмцами и французами, улаживать ихъ несогласія, разрѣшать споры въ качествѣ третейскаго судьи, а чтобы сходство вышло полное, она же, независимо отъ соглашенія втроемъ, заключитъ съ Франціей отдѣльный союзъ, подобный австро-нѣмецкому договору 1879 года. И если старанія ея водворить миръ и согласіе между Германіею и Франціею окажутся тщетными, если между вѣковыми соперницами дѣло дойдетъ до войны, то Россія приметъ въ ней сторону Франціи, такъ же точно, какъ Германія обѣщала Австро-Венгріи вооруженную помощь въ случаѣ войны ея съ Россіей».

Лично уважая генерала Швейница, какъ дипломата благонамѣреннаго и искренняго друга Россіи, мы не захотѣли быть свидѣтелями того смущенія, которое должна была вызвать въ немъ мѣткая параллель орла русской печати, и неотразимую по логикѣ отповѣдь М. Н. Каткова передали ему чрезъ третье лицо.

Если мы рѣшились подѣлиться ею нынѣ съ нашими читателями, то потому, что и въ наше время она не утратила, въ своей саркастической формѣ, глубокаго смысла и значенія. Съ тѣхъ поръ союзная связь Германіи съ Австро-Венгріей не только не распалась, но распространилась на Италію и Англію, совокупивъ во единое цѣлое силы четырехъ великихъ державъ, не считая значительнаго числа государствъ второстепенныхъ, вращающихся въ одной съ ними

враждебной Россіи орбитѣ. Отставка князя Бисмарка ничего не измѣнила въ этомъ положеніи и, по собственному признанію императора Вильгельма II, заключенные бывшимъ канцлеромъ договоры сохраняютъ прежнюю силу, какъ и вообще «курсъ внѣшней политики» Германской имперіи остался прежній. Гдѣ бы и съ кѣмъ ни возникли у насъ недоразумѣнія, какъ можемъ мы принять предлагаемыя намъ Германіею добрыя услуги, зная навѣрное, что положительныя обязательства связываютъ ее съ нашими противниками? Но даже и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда нѣтъ въ виду такихъ обязательствъ, невольно западаетъ намъ въ душу сомнѣніе: какой разсчетъ для Германіи содѣйствовать государственному росту Россіи, усиленію ея вещественнаго могущества или нравственнаго вліянія въ мірѣ?

Что могло бы побудить ее къ тому? Долгъ признательности? Его не знаетъ политика. Выросшая изъ Пруссіи Германія не оказала Россіи ни единой существенной услуги въ области международныхъ сношеній, даже когда она нуждалась въ ней, когда русскій дворъ усердно благодѣтельствовалъ ей, принося ей въ жертву собственные русскіе интересы. Станетъ ли она распинаться за насъ теперь, когда, умудренные опытомъ, перестали мы служить безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ ея государственныхъ дѣятелей? Видѣли ли вы, какъ молодая сосна растетъ въ тѣни вѣкового дуба? Такъ, въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ, выростала монархія Гогенцоллерновъ подъ спасительною сѣнью Россіи. Но, достигнувъ извѣстной вышины, сосна вершиною своею уже касается вѣтвей широколиственнаго сосѣда, и тѣ самыя вѣтви, что̀ служили ей покровомъ и защитой, становятся помѣхой ея дальнѣйшему росту и развитію. Таково нынѣшнее отношеніе Германіи къ Россіи. Она настолько выросла и окрѣпла, что не нуждается болѣе въ нашей поддержкѣ и видитъ въ русской мощи лишь препону собственнымъ честолюбивымъ замысламъ. Она не можетъ искренно желать усиленія мірового положенія Россіи, потому что оно ей невыгодно и можетъ стать небезопасно, и если предлагаетъ намъ сдѣлку, то, конечно, въ томъ разсчетѣ, что выгоды, для нея изъ оной проистекающія, превысятъ тѣ, что̀ выпадутъ на долю Россіи.

Разсчетъ нѣмецкой политики можетъ быть и иного рода. Случается ей предлагать Россіи содѣйствіе къ достиженію нужныхъ ей политическихъ результатовъ, ничего не требуя взамѣнъ. На первый взглядъ такое безкорыстное предложеніе можетъ показаться необыкновенно выгоднымъ. «Идите»,—говоритъ намъ Германія,—

«въ Китай, въ Индію, смиряйте мятежную Болгарію, водворяйтесь на берегахъ Дарданеллъ и Босфора, владѣйте Царьградомъ». Это ли не голосъ друга, заботливаго и преданнаго? Но вѣдь одного слова Германіи недостаточно для утвержденія русскаго владычества во всѣхъ этихъ краяхъ? Для этого необходимо крайнее напряженіе русскихъ силъ, духовныхъ и физическихъ, затрата милліоновъ, потоки драгоцѣнной русской крови. Каждое изъ означенныхъ предпріятій сопряжено съ трудностями, хотя и не неодолимыми, но все же настолько существенными, что въ борьбѣ съ ними пройдетъ не мало времени, гораздо болѣе, чѣмъ потребуется Германіи, чтобы напасть на одинокую Францію, и пока мы будемъ заняты разсѣченіемъ Гордіева узла, извѣстнаго подъ именемъ Восточнаго вопроса,— разгромить ее въ конецъ.

Не ясно ли, что податливость наша на такія внушенія Германіи была бы равносильна обреченію ей на жертву Франціи?

Недалеко еще то время, когда въ нашемъ дипломатическомъ мірѣ господствовало убѣжденіе, что республиканская Франція—очагъ всемірной революціи, общій и непремиримый врагъ всѣхъ престоловъ. Въ силу такого взгляда, мы не разъ ополчались на нее, вели съ нею продолжительныя и кровопролитныя войны, становились во главѣ обще-европейскихъ противъ нея коалицій. Послѣдствіемъ было ослабленіе и расчлененіе единственной изъ великихъ державъ Запада, способной служить противовѣсомъ новосозданной могущественной Германской имперіи, что́ уже успѣла сплотить вокругъ себя Австро-Венгрію и Италію, вступить въ стачку съ Великобританіей и явно стремится къ преобладанію не только въ Европѣ, но и во вселенной.

Горькій историческій опытъ и здѣсь разсѣялъ вѣковыя заблужденія. Нынѣ мы удостовѣрились, что существованіе во Франціи республики не вліяетъ ни прямо, ни косвенно на своеобразный нашъ внутренній государственный и общественный строй; что основы этого строя: вѣра, власть и народность—нигдѣ не пользуются такимъ сочувствіемъ и уваженіемъ, какъ въ средѣ французскихъ республиканцевъ, ни мало не помышляющихъ о посягательствѣ на нихъ, но напротивъ единогласно признающихъ въ нихъ залогъ силы и величія Россіи; что французская республика, въ сознаніи политическихъ нуждъ и пользъ страны, тяготѣетъ къ русскому самодержавію, какъ никогда не тяготѣли ни монархія Бурбоновъ, ни имперія Бонапартовъ.

Выставляли намъ Францію, какъ государство, раздираемое междоусобіемъ, ослабленное извнѣ, истощенное внутри, разъединенное, неустроенное, расшатанное въ своихъ основахъ; изображали ее игралищемъ необузданныхъ страстей, погибающею жертвой безпорядка и безначалія. Но вмѣсто этого призрака, у насъ передъ глазами великая держава, умиротворенная и благоустроенная, располагающая бюджетомъ въ четыре милліарда, войскомъ въ три милліона штыковъ, съ правительствомъ скромнымъ и умѣреннымъ, но дѣятельнымъ и твердымъ, съ населеніемъ трудолюбивымъ, богатымъ и просвѣщеннымъ, одушевленнымъ беззавѣтною любовью къ родинѣ и искреннею, теплою, задушевною пріязнью къ нашему отечеству.

Пройдя всю Францію изъ конца въ конецъ, русскій человѣкъ не встрѣтитъ ни одной мѣстности, ни одного города или селенія, гдѣ бы безотчетное влеченіе къ Россіи не коренилось въ глубинѣ народныхъ массъ. Трогательны безчисленныя проявленія этого чувства, въ случаяхъ важныхъ и не важныхъ, крупныхъ и мелкихъ, ловимыхъ, такъ сказать, на лету французами. Приходитъ ли во французскій портъ русское военное судно, выдаетъ ли нашъ посолъ въ Парижѣ дочь свою за офицера французской арміи, пріѣзжаетъ ли куда на воды или на морскія купанья русскій генералъ, сановникъ или просто частное лицо, съ болѣе или менѣе извѣстнымъ именемъ—и нѣтъ конца сочувственнымъ манифестаціямъ, умиленію, восторгу. Vive la Russie! безпрерывно раздается то въ томъ, то въ другомъ уголкѣ Франціи. Намъ слѣдовало бы тѣмъ болѣе дорожить этимъ безъискусственнымъ, по самой своей непосредственности убѣдительнымъ доказательствомъ преданности намъ французовъ, что во всѣхъ другихъ странахъ Запада приходится слышать совершенно иныя и прямо противоположныя заявленія по адресу и русскаго правительства, и русскаго народа.

Тамъ злоба и ненависть, здѣсь—любовь, надежда и вѣра; тамъ зависть и зложелательство, здѣсь—искреннее желаніе намъ добра, радость о нашихъ радостяхъ, печаль о нашемъ горѣ; тамъ наглое поруганіе нашихъ народныхъ идеаловъ, здѣсь—восторженное ихъ прославленіе; тамъ, наконецъ, упорное противодѣйствіе всѣмъ нашимъ государственнымъ цѣлямъ, видамъ и стремленіямъ, здѣсь—усердное споспѣшествованіе имъ. Въ послѣднемъ отношеніи, французское правительство всецѣло отражаетъ въ своихъ дѣйствіяхъ мысль и чувство французскаго народа. И это вполнѣ понятно. Для всѣхъ прочихъ державъ Запада усиленіе Россіи, развитіе ея мощи, утвержденіе преобладанія въ мірѣ представляется опасностью, угро-

зой, величайшимъ бѣдствіемъ; для Франціи оно—якорь спасенія, щитъ и опора, залогъ собственной безопасности и цѣлости. При такихъ условіяхъ мыслимо ли, чтобы мы когда либо, презрѣвъ уроки исторіи, снова промѣняли французовъ на нѣмцевъ, еще разъ отдали Францію на съѣденіе ея заклятымъ, непримиримымъ, наслѣдственнымъ врагамъ?

Чего бы не дали они, чтобы только разстроить, расторгнуть это столь имъ ненавистное доброе согласіе и взаимопомощь Франціи съ Россіей? Не подѣйствовали ни угрозы, ни прельщенія; остается прибѣгнуть къ клеветѣ. Французовъ будутъ искать увѣрить, что мы-де готовы измѣнить имъ и продать ихъ за «чечевичную похлебку», гдѣ нибудь на ближнемъ или дальнемъ Востокѣ; намъ попытаются изобразить ихъ вѣтренными, измѣнчивыми, способными отречься отъ насъ за малѣйшую нѣмецкую подачку. Нехитрый этотъ пріемъ, унаслѣдованный отъ Фридриха II, всегда былъ въ большой чести у прусскихъ дипломатовъ и, къ стыду человѣческаго разума, нерѣдко приводилъ ихъ къ желанной цѣли. Не смотря на всю избитость и изношенность, онъ вѣрно разсчитанъ на людскую слабость, и въ немъ усматриваемъ мы и понынѣ опасность дѣйствительную. Устранить ее возможно только однимъ способомъ, на который мы неоднократно указывали и который считаемъ надежнѣйшимъ ручательствомъ спокойствія и мира въ Европѣ, а именно: заключеніе между Россіей и Франціей гласнаго оборонительнаго договора.

По заключеніи такого договора, могутъ, безъ малѣйшаго неудобства, императоръ Вильгельмъ—въ третій разъ пріѣхать въ Россію или совершить возвѣщенную нѣмецкими офиціозами поѣздку въ Парижъ; канцлеръ Каприви—получить бриллiанты на Андрея или украситься лентой Почетнаго Легіона. Въ первомъ случаѣ французы, во-второмъ русскіе,—ревниво относящіеся другъ ко другу, не будутъ уже испытывать ни малѣйшей тревоги и безпокойства касательно прочности дружественныхъ отношеній, столь необходимыхъ для блага обѣихъ странъ. Хорошо, конечно, пить медъ сладкорѣчивыми устами нѣмецкихъ дипломатовъ, увѣряющихъ и Россію, и Францію, что Германія не питаетъ къ нимъ никакихъ враждебныхъ замысловъ. Еще лучше предусмотрительнымъ союзомъ обезпечить обоюдную безопасность и миръ вселенной.

Но, возразятъ намъ, средне-европейскія державы потому уже не могутъ помышлять о нарушеніи мира внѣшняго, что всѣ въ настоящую минуту озабочены водвореніемъ у себя дома внутрен-

няго мира. Въ нѣмецкой землѣ правительство готовится вступить въ борьбу съ соціализмомъ, усвоить себѣ его ученіе, и обѣщаетъ рабочимъ удовлетвореніе законодательнымъ путемъ главнѣйшихъ ихъ притязаній. Въ Австріи министерство графа Таафе въ сотый разъ предпринимаетъ Сизифовъ трудъ соглашенія нѣмцевъ съ чехами. Въ Италіи г. Криспи издаетъ строгія мѣры, направленныя къ обузданію ирредентистскаго движенія. Въ самой Англіи ирландскій вопросъ, служащій понынѣ ристалищемъ между вигами и торіями, парализуетъ свободу дѣйствій кабинета Салисбюри во внѣшней политикѣ, связывая его по рукамъ и по ногамъ. Обиліе внутреннихъ затрудненій во всѣхъ этихъ государствахъ исключаетъ всякую вѣроятность, чтобы какое либо изъ нихъ рѣшилось вызвать всеобщую войну, ходъ и исходъ которой не дано предусмотрѣть никому.

Мы готовы согласиться, что ни одна изъ великихъ державъ дѣйствительно не приметъ на себя тяжкой отвѣтственности почина въ борьбѣ, предъ чудовищными размѣрами, предъ ужасами которой трепещетъ умъ и нѣмѣетъ воображеніе. Но при всемъ ихъ несомнѣнномъ миролюбіи, не отъ нихъ зависитъ удержать человѣчество въ состояніи застоя, воспрепятствовать развитію историческихъ судебъ его. Пусть Западъ Европы остается неподвижнымъ, но развѣ вы не замѣчаете, что Востокъ въ броженіи и, не сегодня-завтра, можетъ быть объятъ пламенемъ пожара? Тамъ совершается незаконченный доселѣ историческій процессъ вытѣсненія мусульманства христіанскою гражданственностью, нарожденія новыхъ государственныхъ организмовъ на развалинахъ отоманскаго господства. Ни одна изъ европейскихъ державъ не можетъ оставаться равнодушною къ тѣмъ очертаніямъ, что̀ слагаются на обширномъ пространствѣ отъ Дуная до Архипелага, отъ Чернаго моря до Адріатическаго. Болѣе чѣмъ у кого либо, у Россіи въ этихъ краяхъ свои священные завѣты, истекающіе изъ ея тысячелѣтней исторіи. А между тѣмъ, тамъ-то и встрѣчается она съ дружнымъ противодѣйствіемъ опирающагося на Англію тройственнаго союза среднеевропейскихъ дворовъ. Когда пробьетъ послѣдній часъ Турціи, какъ распредѣлится ея наслѣдство между всѣми, предъявляющими на него права или притязанія? Какая будетъ доля грековъ, сербовъ, болгаръ? Что достанется австро-мадьярамъ, итальянцамъ, англичанамъ, нѣмцамъ? Чѣмъ вынуждены будутъ удовольствоваться друзья наши французы? Наконецъ, за кѣмъ останутся Проливы, ключъ отъ нашего дома, кто будетъ владыкою Царьграда?

Всѣ эти вопросы естественно разрѣшатся въ предпочтительную пользу того или тѣхъ, кто окажется сильнѣе. Перевѣсъ на сторонѣ «четверного» союза, но только до тѣхъ поръ, пока не противопоставлено ему единеніе Россіи съ Франціей. Впрочемъ и этого мало для разрѣшенія Восточнаго вопроса, во всей его грозной совокупности, въ смыслѣ нашихъ государственныхъ потребностей, народныхъ стремленій и религіозныхъ вѣрованій. Для сего нужна еще строго обдуманная и трезво сознанная, опредѣленная политическая программа, нужно намъ отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, къ чему мы хотимъ придти и, намѣтивъ цѣль, твердо и неуклонно стремиться къ ея достиженію. Иначе событія снова застанутъ насъ врасплохъ, и мы опять будемъ блуждать во тьмѣ, среди великихъ міровыхъ переворотовъ, какъ блуждали въ приснопамятную эпоху послѣдней войны, стоившей Россіи столькихъ жертвъ и приведшей ее къ столь плачевнымъ результатамъ.

До насъ долетаетъ лепетъ современныхъ дипломатическихъ умниковъ: не слѣдовало-де начинать войны, которая при враждебномъ намъ настроеніи Западной Европы и не могла дать иныхъ плодовъ. Несчастные! Вѣдь они взаправду воображаютъ, что слова ихъ и писанія рѣшаютъ судьбы государствъ и народовъ, что отъ нихъ зависитъ вызвать стихійное явленіе или задержать его, что по одному ихъ знаку перестанетъ сверкать молнія, умолкнутъ раскаты грома, прекратится вѣтеръ, стихнетъ буря, и разъяренное море снова восприметъ видъ гладкой, зеркальной поверхности.

Совершалось великое историческое таинство. Въ челѣ мужественнаго и самоотверженнаго войска, при единодушномъ ликованіи народа, русскій Царь предпринялъ довершить святой освободительный подвигъ, завѣщанный ему державными предками. Цѣною неимовѣрныхъ усилій, побѣждая всевозможныя препятствія, русская рать перешла чрезъ Дунай, перешагнула чрезъ Балканы и, одолѣвъ отчаянное сопротивленіе храбрыхъ противниковъ, водрузила побѣдоносный стягъ свой на берегахъ Мраморнаго моря, въ виду Константинополя. Еще одинъ шагъ, и завѣтная цѣль была бы достигнута: Животворящій Крестъ снова возсіялъ бы надъ Святой Софіей!

Прямая обязанность дипломатіи—обратить на благо Россіи безпримѣрное торжество русскаго оружія. Что же дѣлала, какъ поступала она? Глубокая скорбь проникаетъ въ душу, сердце обливается кровью, при одномъ воспоминаніи о томъ смятеніи, о той неурядицѣ, что въ эту знаменательную эпоху царили въ нашихъ дипломатическихъ рядахъ. Сначала дипломаты всѣми силами ста-

рались предотвратить борьбу, потомъ—елико возможно съузить ея поле, уменьшить наши боевыя силы. Долго противились они приступленію къ союзу съ нами румынъ, сербовъ и грековъ, намѣчали предѣлъ нашему поступательному движенію, принимали въ этомъ смыслѣ обязательства предъ чужеземными дворами. Когда же въ послѣдній періодъ похода, рѣшительныя наши побѣды на обоихъ театрахъ войны далеко превзошли и опасенія нашихъ противниковъ, и собственныя наши надежды, дипломаты окончательно растерялись. Не было болѣе единства въ руководствѣ и направленіи, каждый изъ мѣстныхъ представителей Россіи въ иностранныхъ столицахъ дѣйствовалъ на свой страхъ и въ свою голову, не только не ища согласовать своихъ поступковъ съ дѣйствіями товарищей, но во всемъ переча одинъ другому. Такъ, въ Лондонѣ раздѣлывалось то, что было улажено въ Вѣнѣ, Вѣна пререкалась съ Берлиномъ, переговоры въ Санъ-Стефано велись въ полномъ разногласіи съ Петербургомъ. Вѣнцомъ всего явился Берлинскій конгрессъ, на которомъ уполномоченные наши отложили всякое попеченіе о нуждахъ и пользахъ Россіи, чтобы отстоять независимость Румыніи и Сербіи, свободу и самостоятельность болгаръ. Этой цѣли они достигли, хотя и дорого заплатили за нее предоставленіемъ всѣмъ прочимъ участницамъ конгресса разныхъ преимуществъ, отъ коихъ заранѣе отреклась Россія. Таковъ былъ, въ общей сложности, результатъ, изъ-за котораго отечество наше истощило свои производительныя силы на многіе годы и принесло въ жертву жизнь сотенъ тысячъ своихъ сыновъ.

Первый долгъ государства—промышлять о самомъ себѣ. Призваніе наше освобождать нашихъ восточныхъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ было бы просто безсмысленнымъ, если бы не могло осуществиться иначе, какъ намъ во вредъ. Но въ томъ-то и дѣло, что отъ насъ зависѣло предотвратить зло, заручившись надежными гарантіями. Мы этого не сдѣлали тридцать лѣтъ назадъ и нынѣ несемъ за то суровую, но вполнѣ заслуженную кару.

Да послужитъ она намъ, по крайней мѣрѣ, въ назиданіе для будущаго. Не вѣкъ же русскимъ людямъ быть крѣпкими только заднимъ умомъ. Обсудимъ и рѣшимъ заблаговременно тотъ порядокъ, установленіе коего на Балканскомъ полуостровѣ желательно для Россіи при приближающейся окончательной развязкѣ рокового Восточнаго вопроса. Не вѣдаемъ, что думаютъ о немъ наши дипломаты, но нашему воображенію представляется при этомъ слѣдующая картина.

На европейскомъ материкѣ простылъ и послѣдній слѣдъ турокъ, волею или неволей удалившихся въ Азію, но ни одной державѣ Запада не досталось ни малѣйшей доли изъ ихъ наслѣдства. Востокъ остался достояніемъ Востока. Балканскія земли подѣлены полностью между греками, румынами, сербами и болгарами. Каждая народность образуетъ самостоятельное государство въ своихъ историко-этнографическихъ предѣлахъ. Россія, утвердясь на Дарданеллахъ и Босфорѣ, обладая Царьградомъ, съ мечемъ въ одной рукѣ возбраняетъ врагамъ своимъ доступъ въ Черное, вновь ставшее русскимъ, море, другую же руку, вооруженную щитомъ, простираетъ надъ созданными ею соплеменными и единовѣрными государствами, ограждая ихъ самобытность политическую и духовную отъ хищныхъ посягательствъ западныхъ сосѣдей.

Радужному видѣнію есть имя: единство православнаго міра!

«Но вѣдь это только видѣніе», слышимъ мы полупрезрительные, полураздраженные голоса. «Гдѣ намъ задаваться такими обширными задачами! Развѣ онѣ для насъ достижимы? Когда бы мы располагали средствами Германіи, ея финансами, войскомъ, союзами, тогда—другое дѣло!»

Грѣшно русскимъ людямъ держать такія рѣчи, стыдно не вѣровать въ нравственную и вещественную мощь отечества. Ужъ если ссылаться на Германію, то слѣдуетъ вспомнить, какими ничтожными средствами располагала маленькая Пруссія, когда рѣшилась стать во главѣ нѣмецкаго національнаго движенія. И что оказалось подъ силу слабѣйшей изъ великихъ державъ, то было бы не въ моготу державѣ, обнимающей шестую часть вселенной? Перевѣсъ матеріальный несомнѣнно на сторонѣ Россіи. Неужели, и въ самомъ дѣлѣ, она страдаетъ оскудѣніемъ умственнымъ? Покойный Скобелевъ любилъ повторять изреченіе великаго Суворова: «Что̀ такое проигранное сраженіе?—Сраженіе, которое считаютъ проиграннымъ».

Въ борьбѣ за независимость Востока отъ Запада мы, къ тому же, будемъ не одни. Соберутся подъ нашимъ знаменемъ всѣ, кто заинтересованъ въ торжествѣ великаго, праваго дѣла.

Снова слышимъ возраженіе: а Болгарія?

Болгарія,—отвѣтимъ мы,—либо соединитъ свои усилія съ усиліями всѣхъ прочихъ христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова, чтобы отстоять ихъ право на самостоятельное развитіе и существованіе, либо, передавшись на сторону враговъ Россіи, славянства, всего православнаго міра, сама изречетъ себѣ смертный приговоръ.

Въ настоящей бесѣдѣ мы не хотѣли заводить рѣчь о Болгаріи. Толки, вызванные нашей поѣздкой въ Софію въ печати русской и заграничной, вынуждаютъ насъ отказаться отъ первоначальнаго намѣренія.

Предположивъ возвращеніе болгаръ на путь истинный, принесеніе ими повинной русскому Царю и русскому народу, спрашиваемъ: будетъ ли это сочтено за пораженіе или за торжество для Россіи? Во всѣхъ враждебныхъ намъ центрахъ Западной Европы, въ Берлинѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, Римѣ, станутъ этому радоваться или печалиться? Унизитъ ли насъ такой результатъ, или возвеличитъ, упрочивъ за нами не только преобладающее положеніе на Балканскомъ полуостровѣ, но и первенствующее значеніе въ свѣтѣ?

Вотъ почему насъ ни мало не смущаютъ вопли и скрежетъ зубовный, проявленія того изступленія, въ которое приходятъ при одной мысли о примиреніи Болгаріи съ Россіей лица или кружки, для коихъ такой оборотъ дѣла представляется величайшимъ бѣдствіемъ. Къ числу ихъ принадлежатъ: принцъ Фердинандъ и его приспѣшники, такъ какъ, очевидно, никакое сближеніе съ Болгаріей немыслимо, пока Кобургъ возсѣдаетъ на похищенномъ престолѣ; Цанковъ и его друзья, доселѣ пытавшіеся увѣрить насъ, что внѣ ихъ нѣтъ опасенія для Россіи въ Болгаріи; наконецъ, дворы берлинскій, вѣнскій, лондонскій и римскій, для которыхъ возстановленіе въ княжествѣ преобладающаго вліянія Россіи равносильно чувствительнѣйшему пораженію. Что же касается до высказаннаго нѣкоторыми русскими газетами мнѣнія, что повинная болгаръ можетъ быть принята лишь подъ условіемъ, «чтобы Стамбуловъ немедленно и навсегда удалился изъ Болгаріи», то мы, признаемся, отказываемся его понять, находя противнымъ евангельскому ученію, какъ оно выражается въ реченіи Христовомъ: «Аще будетъ нѣкоему человѣку сто овецъ и заблудитъ едина отъ нихъ; не оставитъ ли девять-десять и девять въ горахъ и шедъ ищетъ заблудшія; и аще будетъ обрѣсти ю, аминь глаголю вамъ: яко радуется о ней паче неже о девятидесятихъ и девяти незаблудшихъ» [1]).

Будемъ же любить нашу родину и всѣхъ любящихъ ее, а заблудшихъ братьевъ постараемся силою убѣжденія возвратить на путь добра и правды. Это не помѣшаетъ намъ срывать личину съ лицемѣровъ и нещадно бить враговъ.

---

[1]) Евангеліе отъ Матѳея, гл. XVIII, ст. 12 и 13.

Но возможенъ ли такой переворотъ въ Болгаріи послѣ долгаго ряда ошибокъ, промаховъ, оскорбленій и униженій, претерпѣнныхъ нашею политикою въ этой странѣ? Позволительно ли ожидать быстрой и рѣшительной перемѣны тамъ въ нашу пользу? Почему нѣтъ? Русская исторія являетъ тому не мало примѣровъ, и мы ограничимся здѣсь приведеніемъ одного:

Послѣ Нарвы — Полтава!

X.

С.-Петербургъ, 19 сентября (1 октября) 1890 г.

Отмѣна предупредительнаго и карательнаго закона противъ соціалъ-демократовъ въ Германіи.—Неудача нѣмецкихъ попытокъ разъединить Россію и Францію.—Происхожденіе австро-германскаго союза.—Причины приступленія къ нему Италіи.—Заискиваніе г. Криспи предъ французами.—Вѣрность Франціи русской дружбѣ.—Единомысліе всѣхъ французскихъ политическихъ партій въ этомъ вопросѣ.—Г. Спюллеръ и его дѣятельность какъ министра иностранныхъ дѣлъ.—Объясненіе нашей поѣздки въ Болгарію.

Сегодня знаменательный день во внутренней жизни Германіи. Соціалъ-демократы, цѣли и стремленія которыхъ признавались доселѣ государственною опасностію, а пропаганда сдерживалась и наказывалась строгимъ, особымъ, исключительнымъ для нихъ закономъ—снова вступаютъ въ пользованіе всѣми правами нѣмецкихъ гражданъ. Такова воля императора Вильгельма II, рѣшившаго вести борьбу съ соціализмомъ его собственнымъ оружіемъ. Отнынѣ государство будетъ заботиться объ удовлетвореніи законодательнымъ путемъ нуждъ и требованій рабочаго сословія. Этимъ способомъ молодой государь надѣется внести разстройство въ организацію соціалъ-демократической партіи, вызвать въ ней расколъ и подчинявшихся внушеніямъ ея и руководству рабочихъ обратить въ своихъ вѣрныхъ и довольныхъ подданныхъ.

Удастся ли великодушнымъ начинаніямъ главы Имперіи задержать ростъ и развитіе демократическаго соціализма, покажетъ будущее. Но нельзя не признать, что прямымъ и ближайшимъ послѣдствіемъ отмѣны охранительнаго закона является пока оживленіе и усугубленіе усилій соціалистовъ къ ниспроверженію настоящаго политическаго и хозяйственнаго строя Германіи. Во всѣхъ промы-

шленныхъ центрахъ приступлено къ изданію множества новыхъ газетъ и летучихъ листковъ, предназначенныхъ распространять въ народѣ идеи общественной ликвидаціи; созываются многочисленныя сходки для гласнаго обсужденія тѣхъ же вопросовъ; соціалистическіе кружки и сообщества вступаютъ въ связь между собою и готовятся покрыть всю Имперію сплошною сѣтью, узелъ которой— въ рукахъ общепризнанныхъ вождей, представителей соціализма въ рейхстагѣ. Въ самомъ этомъ собраніи соціалъ-демократическая партія получаетъ небывалый вѣсъ и вліяніе, представляя группу въ нѣсколько десятковъ голосовъ, безъ поддержки которой имперскому правительству трудно, даже невозможно будетъ, провести свои мѣропріятія въ пользу улучшенія положенія рабочихъ и огражденія труда отъ давленія капитала.

Все это предвѣщаетъ Германіи цѣлый рядъ затрудненій и усложненій въ области внутренней политики, которыя не могутъ не отразиться на ходѣ политикѣ внѣшней. Недаромъ князь Бисмаркъ, въ предвидѣніи ихъ, такъ твердо и упорно противился преобразовательнымъ замысламъ императора и предпочелъ скорѣе вовсе удалиться отъ власти, чѣмъ принять за нихъ на себя какую либо, хотя бы малѣйшую, долю отвѣтственности. Его многолѣтній государственный опытъ и трезвый политическій умъ уяснили ему тѣсное соотношеніе внѣшняго положенія съ внутреннимъ. Онъ вполнѣ сознавалъ, что порядокъ и миръ внутри имперіи—вѣрнѣйшій залогъ успѣха ея внѣшнихъ предпріятій, и что только то государство внушаетъ почтеніе друзьямъ и страхъ врагамъ, которое покоится на широкихъ и незыблемыхъ домашнихъ основахъ. Всякое посягательство на эти основы неминуемо должно поколебать равновѣсіе между внутреннею крѣпостію Герменіи и внѣшнимъ проявленіемъ ея могущества.

Императоръ Вильгельмъ II разсуждаетъ иначе. Онъ считаетъ возможнымъ согласовать коренной переломъ внутри съ сохраненіемъ извнѣ прежнихъ политическихъ цѣлей и средствъ къ ихъ удовлетворенію. Теперь не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что онъ не отступаетъ ни на шагъ отъ политики, завѣщанной ему его бывшимъ канцлеромъ, имъ же удаленнымъ на покой. Политика эта— тройственный союзъ средне-европейскихъ государствъ, расширенный привлеченіемъ въ него Англіи, союзъ обоюдуострый, направленный противъ Россіи съ одной стороны, противъ Франціи съ другой. Улыбки, время отъ времени посылаемыя нѣмецкимъ Янусомъ то въ Петербургъ, то въ Парижъ, ничего не измѣняютъ въ сущности

дѣла. Онѣ болѣе походятъ на гримасу, плохо прикрывающую досаду, что̀ вызываетъ въ нѣмцахъ неудача политической комбинаціи, назначеніе которой было вдвинуться клиномъ между Россіей и Франціей, чтобы навѣки разъединить ихъ, и которая въ дѣйствительности сблизила и совокупила обѣ, столь другъ отъ друга отдаленныя державы.

Единеніе Франціи съ Россіей — блестящее созвѣздіе, отрицать которое не рѣшаются болѣе даже самые близорукіе дипломатическіе астрономы. Оно побуждаетъ Германію, болѣе чѣмъ когда либо, дорожить своими вольными или невольными союзницами. Тотчасъ по возвращеніи изъ Нарвы и Петергофа, Вильгельмъ II не поскупился на выраженіе дружбы и союзнической вѣрности императору Францу-Іосифу. Поводъ къ этому представлялся трижды: на морскихъ маневрахъ въ Голштиніи, въ коихъ приняла участіе и австро-венгерская эскадра подъ флагомъ эрцгерцога Стефана; въ Ронштокскомъ замкѣ, при личномъ свиданіи съ австрійскимъ императоромъ, почтившимъ своимъ присутствіемъ упражненія расположенныхъ въ Силезіи германскихъ войскъ; наконецъ, въ горныхъ ущельяхъ Штиріи, гдѣ охотится нынѣ юный Гогенцоллернъ, въ гостяхъ у государя, который, по словамъ его, обращается съ нимъ, какъ съ «роднымъ сыномъ». Въ его рѣчахъ не только постоянно превозносится неразрывность узъ, связующихъ обоихъ монарховъ, ихъ правительства и народы, но и съ особеннымъ удареніемъ поминается «братство по оружію» нѣмецкой арміи съ австро-венгерскою.

Если справиться съ исторіей, то на повѣрку окажется, что братающіяся, нынѣ въ лицѣ верховныхъ вождей своихъ, арміи цѣлыя два столѣтія то-и-дѣло сражались одна съ другой и дѣйствовали въ союзѣ противъ общаго врага лишь въ сравнительно кратковременную эпоху такъ называемыхъ войнъ за освобожденіе Европы, въ 1813—14 годахъ, когда связующимъ между ними звеномъ являлась русская армія. Изъ сего ясно слѣдуетъ, что слова германскаго императора относятся скорѣе къ будущему, чѣмъ къ прошлому. Пріемъ, оказанный ему въ Вѣнѣ, свидѣтельствуетъ, что тамъ раздѣляютъ его чувства, пожеланія, надежды. Австро-нѣмецкій союзъ — это первоначальное ядро грозной коалиціи, обнимающей четыре великія державы, не считая примкнувшихъ къ ней государствъ второстепенныхъ, представляется нынѣ болѣе прочнымъ и тѣснымъ, чѣмъ даже въ годину его заключенія.

На происхожденіе этого союза проливаетъ яркій и неожиданный свѣтъ признаніе, недавно, и вѣроятно невольно, вырвавшееся у слу-

жащей личнымъ органомъ бывшему канцлеру газеты «Hamburger Nachrichten». Какъ извѣстно, союзный договоръ Германіи съ Австро-Венгріей былъ условленъ въ Вѣнѣ, осенью 1879 года, лично между княземъ Бисмаркомъ и графомъ Андраши, тогдашнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ императора Франца-Іосифа. Нельзя было не подивиться смѣлости, съ которою оба государственные человѣка рѣшились бросить дерзкій вызовъ общей ихъ союзницѣ, Россіи, подписавъ актъ, прямо противъ нея направленный и который русскій дворъ имѣлъ несомнѣнное право счесть за нарушеніе принятыхъ предъ нимъ обязательствъ, другими словами, за casus belli. Гамбургскій листокъ разоблачилъ намъ тайную причину такой смѣлости.

Изъ него узнаемъ мы, что при свиданіи въ Александровѣ, состоявшемся за мѣсяцъ до прибытія нѣмецкаго канцлера въ австрійскую столицу, Императоры Александръ II и Вильгельмъ I обмѣнялись честнымъ словомъ ни въ какомъ случаѣ не воевать одинъ противъ другого. Этимъ немедленно воспользовался князь Бисмаркъ, чтобы на свой страхъ, безъ согласія и даже безъ вѣдома своего монарха, обратить тройственный союзъ въ двойственный, т. е. совершить такое дѣло, которое, при другихъ условіяхъ, несомнѣнно вызвало бы войну съ Россіей. Онъ могъ это сдѣлать совершенно спокойно, не подвергая ни малѣйшей опасности ни Германію, ни Австрію, потому что хорошо зналъ благородство покойного Государя и не сомнѣвался, что его величество сочтетъ себя связаннымъ своимъ словомъ и сдержитъ его во всякомъ случаѣ.

Мы неоднократно имѣли поводъ утверждать, что австро-германскій союзный договоръ 1879 года безповоротно опредѣлилъ въ направленіи враждебномъ Россіи внѣшнюю политику обѣихъ смежныхъ съ нею имперій. Неразрывность его обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ, что Германія, хотя и властна нарушить его по своему произволу, но никогда этого не захочетъ, Австро-Венгрія же, напротивъ, лишена этой возможности, даже если бы когда нибудь того захотѣла.

Объяснимся. Германіи, послѣ того какъ Россія извѣрилась въ ней, а Франція ее возненавидѣла, нельзя обойтись безъ Австро-Венгріи. Она не свободна въ своемъ выборѣ. По географическому положенію своему, по количеству своихъ вооруженныхъ силъ, монархія Габсбурговъ—единственно возможная для нея союзница на европейскомъ материкѣ, будучи достаточно могущественна, чтобы усилить ея боевыя средства, и вее же настолько слаба, чтобы под-

чиниться ея главенству и политическому руководству. Въ случаѣ войны Германіи съ Франціей или Россіей, въ особенности въ случаѣ борьбы на два фронта, военная помощь Австро-Венгріи для нея неоцѣнима: она почти удвоиваетъ численный составъ ея арміи. Но не только въ войнѣ, а и въ мирѣ дипломатическая поддержка Вѣнскаго двора обезпечиваетъ за Берлинскимъ преобладаніе въ совѣтахъ Европы. Въ довершеніе всего, союзъ Австро-Венгріи достался Германіи необычайно дешевою цѣною, просто даромъ, если принять во вниманіе, что послѣдняя обязалась ограждать свою союзницу отъ опасностей мнимыхъ, призрачныхъ, каковыми представляется, напримѣръ, вторженіе Россіи въ ея предѣлы, посягательство съ русской стороны на ея государственную цѣлость и т. п. Противъ Италіи, очевидно, не нужна нѣмецкая помощь. Австро-Венгрія всегда можетъ справиться съ нею одними собственными средствами.

Что же побудило вѣнскій дворъ вступить въ столь явно для него убыточную сдѣлку? Страхъ предъ Россіей, искусно возбужденный въ немъ княземъ Бисмаркомъ тринадцать лѣтъ назадъ, въ эпоху послѣдней русско-турецкой войны и не менѣе искусно поддерживаемый и донынѣ. Но вѣдь страхъ этотъ легко можетъ разсѣяться путемъ непосредственныхъ объясненій Австро-Венгріи съ Россіей? Обѣ сосѣднія державы могутъ, пожалуй, попытаться согласовать свои взаимные интересы и при этомъ обойтись безъ посредничества третьей державы, которая, быть можетъ, и удерживала ихъ отъ явнаго разрыва, но, конечно, еще чаще и настойчивѣе воздвигала всевозможныя между ними преграды, препятствовала ихъ искреннему примиренію. Чего добраго, въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ, придутъ одновременно къ сознанію, что объединенная подъ властью Гогенцоллерновъ Германія рано или поздно простретъ хищную руку на нѣмецкія области Дунайской монархіи и на русское прибалтійское побережье, подъ тѣмъ предлогомъ, что земли эти входили когда-то въ составъ Священной римской имперіи нѣмецкаго языка, а естественнымъ послѣдствіемъ такого взгляда явится и потребность общими силами оградить свое достояніе противъ посягательствъ общаго врага.

Для предотвращенія подобнаго исхода австро-русскихъ несогласій, нѣмецкая политика и постаралась увлечь Австро-Венгрію въ такомъ направленіи, въ которомъ та неизбѣжно столкнулась бы съ Россіей, вынужденною выступить открытою ея противницею. Князь Бисмаркъ давно задумалъ этотъ политическій маневръ, и выполнилъ его блистательно, съ замѣчательною проницательностью, настойчивостью и послѣдовательностью. При самомъ вступленіи своемъ

въ должность прусскаго министра-предсѣдателя въ 1862 году, онъ далъ совѣтъ Австріи «перенести изъ Вѣны въ Пештъ центръ тяжести своей политики», что̀ означало: забирайте въ свои руки Балканскій полуостровъ, весь славянскій и православный Востокъ. Но въ Вѣнѣ долго не внимали такому совѣту, предпочитая удержать за Австріею преобладающее положеніе, предоставленное ей исторіею и договорами въ Германіи и Италіи. Война 1866 года вырвала у нея послѣднюю пядь итальянской земли—Венецію и знаменитый четырехугольникъ ломбардскихъ крѣпостей, и саму ее выкинула изъ состава Германскаго Союза. Но великодушный побѣдитель тутъ же снова указалъ ей на Востокъ, какъ на прибыльную и легкую добычу. Австрійскіе нѣмцы еще колебались: имъ больно было отречься навсегда отъ вѣкового наслѣдія Габсбурговъ на Аппенинскомъ полуостровѣ и въ Нѣмецкой землѣ; за то венгерцы, получившіе какъ разъ въ это время преобладающее значеніе въ двойственной монархіи, возликовали и, усвоивъ мысль германскаго канцлера, принялись усердно проводить ее. Осуществленіемъ ея было австро-мадьярское занятіе Босніи и Герцеговины и воздѣйствіе вѣнскаго двора на сосѣднюю Сербію. Со времени освобожденія сербовъ изъ-подъ опутывавшихъ ихъ сѣтей австрійской дипломатіи, излюбленнымъ полемъ ея козней и происковъ явилась Болгарія.

Не знаемъ, много ли выиграла Австро-Венгрія отъ такого обращенія къ политикѣ «приключеній», но польза, извлеченная изъ нея Германіей, огромна и несомнѣнна. Ею прекращена всякая возможность примиренія и сближенія между дворами с.-петербургскимъ и вѣнскимъ, такъ какъ Россія, не измѣняя своему историческому призванію, не поступаясь самыми дорогими изъ своихъ государственныхъ и народныхъ интересовъ, не можетъ допустить порабощенія единовѣрныхъ и единокровныхъ ей племенъ, и самобытность ихъ, политическую и духовную, должна защищать какъ свою собственную. Разъединеніе съ Россіей Австро-Венгріи обращаетъ послѣднюю въ подручницу и прислужницу Германіи, подъ страхомъ предоставленія ея собственному жребію, обреченія на жертву Россіи.

Страхъ предъ Россіей вовлекъ Австро-Венгрію въ союзъ съ Германіей, страхъ предъ Германіей удерживаетъ ее въ немъ. Одно изъ двухъ, говорятъ ей нѣмцы: или будь намъ покорною союзницею, или мы обратимся противъ тебя, подѣлимъ твои ризы, сотремъ съ лица земли. Что же остается дѣлать австрійцамъ, какъ не то, что выражается французской поговоркой: faire bonne mine à mauvais

jeu. Они это и дѣлаютъ. Чѣмъ тѣснѣе заключаетъ ихъ Германія въ свои дружескія объятія, тѣмъ болѣе выражаютъ они удовольствія, радости, едва ли не восторга. Но объятія Германіи—стальное кольцо, и узы ея дружбы—тяжелыя цѣпи, приковавшія къ ней Австро-Венгрію—навсегда.

Другой участникъ бывшаго «тройственнаго», нынѣ «четверного» союза—Италія сохранила несравненно бо́льшую свободу дѣйствій. Вступила она въ союзъ по своей охотѣ, въ надеждѣ извлечь изъ него выгоду въ свою пользу. Первоначальнымъ поводомъ къ ея соглашенію съ Германіей и Австро-Венгріей послужило занятіе французами Туниса, который итальянцы давно намѣтили въ добычу самимъ себѣ. Занятіе это, какъ извѣстно, состоялось съ согласія и едва ли не по наущенію князя Бисмарка, вѣрно разсчитавшаго, что естественнымъ его послѣдствіемъ будетъ обостреніе отношеній Италіи къ Франціи. Дѣйствительно, приступая къ тройственному союзу, итальянцы имѣли, главнымъ образомъ, въ виду отомстить французамъ за претерпѣнное дипломатическое пораженіе. Со свойственною ихъ національному характеру пылкостью, они вообразили, что скоро явится возможность, опираясь на сильныхъ и вѣрныхъ союзниковъ, одновременно съ Германіей напасть на Францію и, пользуясь ея разгромомъ, воротить себѣ Ниццу и Савойю, коими Италія заплатила Франціи за помощь, оказанную тою ея объединенію. Впредь до свѣдѣнія счетовъ своихъ съ французами, итальянцы рѣшили отложить довершеніе единства отечества путемъ завладѣнія «неискупленныхъ» итальянскихъ земель: Тріеста и Трентино, находящихся подъ властью Австріи и которые—разсуждали они—все равно достанутся имъ рано или поздно.

Хитроумному разсчету потомковъ Маккіавелли не суждено было оправдаться. Прошло нѣсколько лѣтъ безъ того, чтобы между Франціей и Германіей, послѣдовалъ разрывъ. Тѣмъ временемъ, французская республика, умиротворенная внутри, дала широкое развитіе своимъ военнымъ силамъ—сухопутнымъ и морскимъ. Армія и флотъ ея достигли высокой степени совершенства, при численности, превосходящей едва ли не вдвое составъ ихъ передъ войною 1870—71 годовъ. Сближеніе съ Россіей еще болѣе укрѣпило международное положеніе Франціи. Пораженіе ея въ будущей войнѣ представляется уже весьма сомнительнымъ, расчлененіе—просто невозможнымъ. Съ другой стороны, охлажденіе политическихъ отношеній привело къ порванію торговыхъ связей Италіи съ Франціей: франко-итальянскій торговый договоръ не былъ возобновленъ по истеченіи

срока. Италія терпитъ большой ущербъ и отъ уменьшенія вывоза своихъ произведеній во Францію, и отъ непомѣрныхъ расходовъ на вооруженія, о примѣненіи которыхъ къ дѣлу нечего пока и помышлять. Въ итогѣ—полное разочарованіе итальянцевъ въ надеждахъ, возлагавшихся ими на тройственный союзъ.

Но срокъ союзу истекаетъ чрезъ два года. Стоитъ ли возобновлять его?

Надъ этимъ вопросомъ давно уже призадумывается общественная мысль Италіи. Неудивительно, что озабоченъ имъ и отвѣтственный руководитель ея внѣшней политики, первый министръ г. Криспи. Хорошо, если можно добыть что нибудь въ пользу Италіи, при соучастіи двухъ союзныхъ дворовъ; убѣдить, напримѣръ, Англію уступить Кавалу или даже, съ согласія Европы, похитить у Порты послѣднее ея владѣніе на сѣверо-африканскомъ берегу—Триполи. А если это не удастся, то почему же и не перемѣнить фронта и, отложивъ попеченіе о Савойѣ, Ниццѣ и Корсикѣ, снова не направить всѣ силы къ пріобрѣтенію Южнаго Тироля и сѣвернаго побережья Адріатики. Для этого нужно только разорвать союзную связь съ Австро-Венгріей и помириться съ Франціей, чтобы потомъ, при содѣйствіи французовъ, напасть на австрійцевъ и выгнать ихъ изъ «неискупленныхъ» земель. Такой пріемъ—преданіе, твердо установившееся въ Савойскомъ домѣ. Надлежитъ только заблаговременно задобрить Францію, расположить ее въ свою пользу.

Такъ и поступилъ г. Криспи, и — надо отдать ему справедливость — прибѣгъ для того къ самому дѣйствительному способу. Если бы онъ, со своими заискивающими рѣчами, обратился къ французской дипломатіи, то звукъ ихъ такъ бы и заглохъ въ тиши его кабинета. Но глашатаемъ своимъ онъ избралъ сотрудника самой распространенной изъ французскихъ газетъ, и слова его пронеслись по всей Франціи, а отголосокъ ихъ раздался на всю Европу. Въ первомъ случаѣ, дѣйствіе ихъ ограничилось бы тѣснымъ дипломатическимъ кружкомъ и осталось бы безъ вліянія на французское общество; во второмъ — они сильно воздѣйствовали на французовъ и, польстивъ ихъ національному самолюбію, вызвали въ ихъ средѣ движеніе, несомнѣнно, благопріятное для цѣлей итальянскаго министра.

«Нигдѣ чувство патріотизма» — говорилъ г. Криспи представителю газеты «Figaro» — «не обнаруживается сильнѣе, чѣмъ во Франціи. Вы совершили чудеса. Прежде я только любилъ Францію, теперь она возбуждаетъ во мнѣ чувство удивленія. Никогда Фран-

ція не была такъ сильна, какъ нынѣ. Бисмаркъ не помогалъ монархистамъ, потому что думалъ, что республика обречена на безсиліе. Онъ ошибался; у васъ республика можетъ сдѣлать больше, чѣмъ монархія. Всѣ, рѣшительно всѣ—теперь васъ боятся, и если вспыхнетъ война, то Богъ одинъ знаетъ, что̀ случится. Повторяю: вы очень сильны, васъ очень страшатся, и вотъ почему я въ войну не вѣрю. Будемте братьями, бросимъ пререканія и взаимныя колкости, прекратимъ негласную войну, успокоимъ умы. Не я вѣдь создалъ тройственный союзъ. Союзъ не возобновленъ, и въ настоящую минуту нѣтъ государственнаго человѣка, который помышлялъ бы о его возобновленіи».

Каковы бы ни были заднія мысли перваго министра короля Гумберта, слова его не лишены убѣдительности, потому что сами выражаютъ искренное убѣжденіе. Возрожденная Франція дѣйствительно стала снова великою и могущественною державою, вражды которой нельзя не опасаться, а дружбою слѣдуетъ дорожить. Это сознали въ Римѣ, начинаютъ сознавать и въ Берлинѣ. Застрѣльщикъ офиціозной нѣмецкой печати, газета «Post», снова затянула старую пѣсню о примиреніи Франціи съ Германіей, во имя солидарности всѣхъ государствъ и народовъ германо-латинскаго Запада. Прочія газеты не рѣшаются пока установить ее на почвѣ чисто-политической, но ищутъ доказать общность интересовъ западно-европейскихъ державъ въ области промышленности, торговли и народнаго хозяйства, призывая ихъ дружно противодѣйствовать стремленіямъ къ экономической обособленности, Америки съ одной стороны, Россіи—съ другой.

До сихъ поръ огромное большинство французовъ остается глухо ко всѣмъ этимъ captationes benevolentiae, на которыя откликнулось, да и то довольно робко и недовѣрчиво, лишь нѣсколько второстепенныхъ газетъ. За то, съ каждымъ днемъ все громче и единодушнѣе сказывается сочувствіе ихъ къ Россіи, признаніе въ нашей родинѣ единственнаго мощнаго и надежнаго друга ихъ собственнаго отечества. Гласное выраженіе нашли эти чувства въ краткой, но прямодушной рѣчи генерала Феррона, поднявшаго свой бокалъ за несравненную, братскую русскую армію, для которой,—прибавилъ онъ,—не страшны никакія коалиціи, такъ какъ если для пораженія ихъ недостаточно оказалось бы одной кампаніи, то русскій народъ, не колеблясь, предприметъ ихъ нѣсколько, пока не одержитъ полной побѣды. Нельзя было лучше отвѣтить на угрозу австро-нѣмецкаго братства по оружію, о которомъ не разъ упо-

миналось въ рѣчахъ, произнесенныхъ на морскихъ маневрахъ въ Голштиніи и на сухопутныхъ — въ Силезіи.

«Единеніе Франціи съ Россіей» (L'Union franco-russe) — таково названіе газеты, основанной въ Парижѣ съ нарочитою цѣлью служить органомъ взаимныхъ интересовъ обоихъ дружественныхъ народовъ. По справедливому замѣчанію редакціи: «это больше чѣмъ названіе, больше даже чѣмъ программа; это—свидѣтельство о явленіи, господствующемъ надъ всею современною политикой». Газета намѣрена содѣйствовать сближенію Россіи съ Франціей развитіемъ между ними торговыхъ и промышленныхъ сношеній. «Обѣ державы», — заявляетъ редакціонный комитетъ въ передовой статьѣ перваго листа, — «сознаютъ какъ свою отвѣтственность, такъ и свою силу. Онѣ хотятъ мира, но мира достойнаго, и хотя никакая подпись не стѣсняетъ пока ихъ свободы, но взаимное сочувствіе уже соединяетъ ихъ, а завтра, быть можетъ, ихъ соединитъ и обоюдная опасность».

Привѣтствуя новонародившагося собрата и отъ всей души желая ему успѣха въ дѣлѣ, намъ столь сочувственномъ, не можемъ не поздравить его съ условіями, имъ самимъ намѣченными для своей дѣятельности, которая, только при точномъ ихъ соблюденіи, можетъ стать дѣйствительно плодотворною. «Политика партій», — читаемъ мы въ той же статьѣ, — «не найдетъ отголоска въ нашихъ столбцахъ; мы — патріоты, принадлежащіе ко всѣмъ партіямъ; нашъ органъ будетъ независимъ, и мы станемъ заявлять эту независимость, уважая законы нашей страны, въ интересахъ родины, которую ставимъ выше нашихъ внутреннихъ несогласій».

Читатели наши помнятъ, что именно эти положенія всегда развивали мы въ бесѣдахъ съ ними, утверждая, что тяготѣетъ къ Россіи — вся Франція, безъ различія партій или оттѣнковъ; что ни одна партія не имѣетъ права монополизировать Россію въ свою пользу, выдавать себя за единственныхъ друзей ея и злоупотреблять ея именемъ въ борьбѣ съ политическими противниками; что въ особенности должно остерегаться подобныхъ пріемовъ со стороны партій оппозиціонныхъ, всегда склонныхъ порицать и порочить правительство, тогда какъ правительство республики безупречно въ отношеніи Россіи, прямитъ и дружитъ ей искренно, не на словахъ, но и на дѣлѣ, и служитъ, такимъ образомъ, вѣрнымъ выразителемъ мыслей и чувствъ французскаго народа. На важность оказываемыхъ намъ услугъ указываютъ, между прочимъ, обнародованныя надняхъ въ «Правительственномъ

Вѣстникѣ» пожалованія русскихъ орденовъ цѣлому ряду французскихъ генераловъ и офицеровъ артиллерійскаго вѣдомства и лицъ, завѣдующихъ оружейными фабриками и пороховыми заводами.

Къ сожалѣнію, политическія партіи во Франціи никакъ не могутъ отвыкнуть отъ вовлеченія русскаго имени въ свои пререканія и раздоры. Такъ, недавно, нѣкоторыя парижскія газеты предъявили противъ бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ Спюллера столь же нелѣпое, сколько и бездоказательное обвиненіе въ томъ, что онъ-де отвергнулъ союзный договоръ, яко бы предложенный ему г. Коцебу, совѣтникомъ нашего посольства въ Парижѣ. Мы бы вовсе не упомянули объ этой нескладной баснѣ, если бы сочинители ея не примѣшали къ ней насъ самихъ и «Русскаго Вѣстника», увѣряя, что впервые распространили ее мы въ этомъ журналѣ и за нашею подписью.

Насколько мы неповинны въ приписываемомъ намъ наговорѣ— всего лучше знаютъ наши читатели. Они знаютъ также, что мы едва ли не одни во всей русской печати возставали противъ довольно у насъ распространеннаго предубѣжденія, будто г. Спюллеръ и партія умѣренныхъ республиканцевъ, къ коей онъ принадлежитъ, не сочувствуютъ сближенію съ Россіей. Въ бытность этого государственнаго человѣка министромъ иностранныхъ дѣлъ, мы не разъ имѣли случай засвидѣтельствовать объ искренности его усилій въ этомъ направленіи и объ успѣхѣ, ихъ увѣнчавшемъ, ибо г. Спюллеръ передалъ дѣла своему преемнику въ несравненно лучшемъ положеніи, чѣмъ принялъ ихъ самъ, въ разгаръ волненія, вызваннаго злополучнымъ происшествіемъ въ Сагалло. Оставивъ министерство, онъ и нынѣ выступаетъ въ газетѣ «République française» вѣрнымъ и убѣжденнымъ другомъ и сторонникомъ Россіи, какъ то доказываетъ статья его по поводу казни Паницы, произведшая сильное впечатлѣніе во Франціи. Вотъ почему мы долгомъ считаемъ громко протестовать противъ всякаго участія въ интригѣ, прямого или косвеннаго, столь же противнаго истинѣ, какъ и нашимъ личнымъ убѣжденіямъ, и просимъ почтеннаго вице-президента палаты депутатовъ принять гласное выраженіе нашего глубокаго къ нему уваженія.

Чѣмъ тверже наша вѣра въ безусловную необходимость оборонительнаго союзнаго договора Россіи съ Франціей, какъ вѣрнѣйшаго средства обезпечить безопасность обѣихъ державъ и миръ Европы, тѣмъ болѣе желали бы мы, чтобы французская печать воздержалась отъ распространенія преждевременныхъ вѣстей и слуховъ объ этомъ

важномъ международномъ актѣ, которые, по своей фантастичности, не только не могутъ споспѣшествовать скорѣйшему его заключенію, но являются, напротивъ, помѣхою и тормазомъ въ дѣлѣ. По глубокому нашему убѣжденію, роль печати ограничивается всестороннимъ обсужденіемъ вопроса, освѣщеніемъ и выясненіемъ положенія. Перейти отъ слова къ дѣлу—зависитъ не отъ нея. Съ этой минуты патріотическою обязанностью для нея становится не создавать правительству затрудненій, не усложнять его задачи и спокойно ждать обнародованія результатовъ правительственной дѣятельности.

Таковъ именно,—что̀ бы ни говорили наши противники—смыслъ поѣздки, предпринятой нами шесть недѣль тому назадъ въ Болгарію. Цѣль ея была произвести развѣдку въ странѣ, въ которую скоро четыре года, какъ не проникалъ русскій глазъ, и провѣрить на мѣстѣ заключенія наши, выведенныя изъ изученія болгарскаго вопроса по офиціальнымъ даннымъ, проникшимъ въ печать.

Развѣдка наша, смѣемъ думать, достигла отчасти цѣли. Мы, конечно, не взяли позицію съ бою, но кто же и могъ ожидать и требовать того отъ развѣдчика? Задача наша была—разузнать, что происходитъ въ непріятельской крѣпости, какіе къ ней пути, подступы, какая въ ней сила сопротивленія, сколько требуется усилій, чтобы одолѣть ее? Рѣшать же, какъ взять ее,—требовать ли сдачи на капитуляцію, начинать ли правильную осаду или брать приступомъ,—конечно, не наше дѣло. Но тѣмъ или другимъ способомъ, а овладѣть надо, во что бы то ни стало, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Что нынѣшнее положеніе дѣлъ въ Болгаріи не отвѣчаетъ ни пользамъ, ни достоинству Россіи, доказываетъ изступленный вопль средне-европейской печати при одномъ намекѣ на возможность его измѣненія. А такой намекъ усмотрѣла она въ нашей поѣздкѣ въ Софію и поспѣшила излить на насъ цѣлые потоки злобной брани и самой гнусной клеветы. Для русскаго независимаго писателя не зазорны грубыя и наглыя нападки заклятыхъ и непримиримыхъ враговъ Россіи, и служить имъ мишенью вмѣняемъ мы себѣ въ великую честь.

Но когда такія же нападки встрѣчаемъ мы въ органахъ, именующихъ себя русскими, то рѣшительно недоумѣваемъ, какъ и чѣмъ ихъ объяснить: скудоуміемъ и недомысліемъ, или затаенною личною къ намъ ненавистью? Послѣдняя такъ и сквозитъ въ голосахъ, доносящихся до насъ изъ Москвы, и этого достаточно, чтобы мы отнеслись къ нимъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ. Оставляя безъ возраженія всѣ голословные на насъ навѣты, мы ограничимся

замѣчаніемъ, что люди, укоряющіе насъ въ уклоненіи отъ возвышенныхъ нравственныхъ принциповъ, сами прибѣгаютъ къ безнравственнѣйшему изъ пріемовъ, взводя на насъ небывалыя обвиненія и приписывая намъ виды и намѣренія, которыхъ мы никогда не имѣли.

Да будетъ же вѣдомо всѣмъ апостоламъ лицемѣрія, книжникамъ Страстного бульвара и фарисеямъ дипломатическихъ канцелярій, что не иновѣрцамъ разъяснять православному христіанину смыслъ евангельскаго ученія, не инородцамъ поучать русскаго человѣка, какъ долженъ онъ разумѣть честь и достоинство Россіи. Пусть знаютъ они, что анаѳема, изрекаемая ими намъ съ пѣною у рта, возмущаетъ насъ, но ни мало не смущаетъ. Не такія бури выносили мы, не склоняя предъ ними головы. И впредь мы не дадимъ сбить себя никакимъ прельщеніямъ съ одной стороны, никакимъ угрозамъ — съ другой въ исповѣданіи убѣжденій, внушенныхъ намъ многолѣтнимъ изученіемъ русской исторіи, ревностью о благѣ Россіи и сознаніемъ священнаго долга предъ Государемъ и Отечествомъ.

XI.

Парижъ, 20 октября (1 ноября) 1890 г.

Конгрессъ нѣмецкихъ соціалистовъ въ Галле. — Девяностолѣтняя годовщина графа Мольтке.—Торговыя отношенія Франціи къ Германіи.—Внутреннее умиротвореніе Франціи.— Устойчивость министерства.—Личный его составъ: Фрейсинэ, Рувье, Констанъ, Рибо.—Притязанія Италіи на Триполи. — Предстоящіе выборы въ итальянскую палату депутатовъ.—Перемѣна министерства въ Греціи.—Столкновеніе Порты со вселенскимъ патріархомъ.

Истекшій мѣсяцъ въ Германіи ознаменованъ въ началѣ конгрессомъ нѣмецкихъ соціалистовъ въ Галле, въ концѣ—торжественнымъ и всенароднымъ чествованіемъ девятидесятой годовщины рожденія фельдмаршала графа Мольтке. Эти два событія, на поверхностный взглядъ столь одно отъ другого отличныя и даже прямо другъ другу противоположныя, въ дѣйствительности находятся въ тѣсномъ соотношеніи, живо и наглядно характеризуя внутреннее состояніе страны.

Едва освободившись отъ стѣсненій упраздненнаго нынѣ особаго закона, признававшаго ихъ виды и стремленія вредными и опасными для государства, соціалъ-демократы поспѣшили сплотить свои разрозненныя силы и громко формулировать общую всемъ оттѣнкамъ партіи политическую программу, осуществленіе которой, при всей ея сравнительной умѣренности, было бы равносильно полному ниспроверженію нынѣшняго государственнаго и общественнаго строя Имперіи. Такая въ высшей степени противозаконная цѣль имѣетъ быть достигнута законными средствами, другими словами, почти всѣ нѣмецкіе соціалисты, за незначительнымъ исключеніемъ, сходятся на томъ, что дѣло ихъ восторжествуетъ, когда большинство въ рейхстагѣ будетъ состоять изъ ихъ единомышленниковъ. Бы-

строе возрастаніе числа соціалистическихъ депутатовъ, даже при прежнемъ охранительномъ законѣ, конечно, не замедлится послѣ его отмѣны, и можно предвидѣть, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, наступательная волна соціализма затопитъ имперскій сеймъ, члены котораго, какъ извѣстно, избираются въ Германіи всеобщею и прямою подачею голосовъ, при отсутствіи всякаго избирательнаго ценза. Совершится это тѣмъ скорѣе, чѣмъ согласнѣе и дружнѣе будутъ дѣйствовать рабочіе-пролетаріи при полномъ разладѣ своихъ противниковъ, такъ называемыхъ имущихъ и правящихъ классовъ,—разладѣ, проявляющемся, къ сожалѣнію, на каждомъ шагу въ области умственной дѣятельности, народнаго хозяйства и въ особенности—политики.

Развѣ не признакъ разлада—отсутствіе на юбилейномъ торжествѣ графа Мольтке его могучаго сподвижника въ дѣлѣ возсозданія германскаго отечества,—князя Бисмарка? Какъ ни велики почести, возданныя императоромъ Вильгельмомъ II маститому стратегу-молчальнику, коему главнымъ образомъ обязана Германія побѣдами, спаявшими ее «огнемъ и мечемъ» въ единое цѣлое, какъ ни единодушны привѣствія, расточаемыя юбиляру нѣмцами всѣхъ званій и состояній,—Бисмаркъ отсутствовалъ на берлинскихъ празднествахъ не одинъ. Отсутствовали съ нимъ и всѣ тѣ, кто мыслитъ и чувствуетъ, какъ онъ; кто видитъ въ его удаленіи отъ дѣлъ не личную размолвку министра съ монархомъ, а мужественное отстаиваніе основныхъ политическихъ началъ, твердое и неуклонное примѣненіе которыхъ, въ продолженіе цѣлой четверти вѣка, имѣло послѣдствіемъ утвержденіе монархическаго права внутри Германіи, объединеніе ея и безпримѣрное усиленіе и возвеличеніе извнѣ; кто, наконецъ, въ отступленіи отъ этихъ началъ усматриваетъ роковой ударъ, нанесенный государственному зданію имперіи, возведеніе котораго стоило столькхъ усилій умственныхъ, столько пота народнаго и пролитой крови. Что у бывшаго канцлера есть еще немалое число сторонниковъ и послѣдователей, готовыхъ отстаивать его взгляды и убѣжденія, покажетъ будущая сессія законодательныхъ собраній, частнаго прусскаго и обще-имперскаго, призванныхъ утвердить мѣропріятія, задуманныя молодымъ императоромъ и его явными и тайными совѣтниками, съ цѣлью улучшить положеніе рабочаго сословія и отчасти удовлетворить его притязаніямъ.

Такимъ образомъ, силою обстоятельствъ, центръ тяжести въ Германіи перемѣщается съ внѣшней политики на внутреннюю,—что уже само по себѣ крайне благопріятно для мира и спокойствія

Европы. Ошибочно, однако, было бы заключить, что германское правительство отказалось отъ разрѣшенія внѣшнихъ своихъ задачъ: оно даже не отложило ихъ до болѣе благопріятнаго времени, какъ свидѣтельствуютъ переговоры, дѣятельно производящіеся между Берлиномъ и Вѣной, о хозяйственномъ объединеніи обѣихъ союзныхъ имперій. Если суждено состояться таможенному между ними союзу, то онъ явится только новымъ видомъ закрѣпощенія Австро-Венгріи ея могущественной сосѣдкѣ. Давно уже связанную по рукамъ и по ногамъ злополучную монархію Габсбурговъ перевяжутъ лишній разъ поперекъ туловища, что̀, очевидно, не измѣнитъ ея положенія въ Европѣ, а потому мы вовсе не коснулись бы этого вопроса, если бы изъ него не истекалъ случайно другой вопросъ, имѣющій несравненно болѣе важное международное значеніе и неосторожное возбужденіе котораго можетъ повести къ столь же неожиданнымъ, сколько и рѣшительнымъ послѣдствіямъ.

Одна изъ существеннѣйшихъ статей Франкфуртскаго мирнаго трактата 1871 года, положившаго конецъ послѣдней франко-германской войнѣ—одиннадцатая, предоставляющая французской торговлѣ въ Германіи, такъ же, впрочемъ, какъ и нѣмецкой торговлѣ во Франціи, право «наиболѣе благопріятствуемой націи», въ силу коего привозные товары облагаются пошлинами по минимальному тарифу, условленному съ какою либо другою изъ европейскихъ державъ. Казалось бы, что помянутая статья обезпечиваетъ за обѣими сторонами одинаковыя преимущества. На дѣлѣ выходитъ нѣсколько иначе.

По мѣрѣ истеченія срока торговыхъ договоровъ съ иностранными державами, Французская республика приняла за правило не возобновлять ихъ и таможенный тарифъ намѣрена устанавливать отнынѣ путемъ не международныхъ соглашеній, а внутренняго законодательства. Результатъ такой хозяйственной политики будетъ тотъ, что во Франціи современемъ не останется ни одной «наиболѣе благопріятствуемой» націи, пользующейся какими либо преимуществами по трактату, на которую Германія могла бы ссылаться для уменьшенія ввозныхъ пошлинъ, налагаемыхъ на товары нѣмецкаго происхожденія, отчего она потеряетъ всѣ выгоды, что̀ сулила ей означенная выше 11-я статья.

Напротивъ, если переговоры съ Австро-Венгріей приведутъ къ включенію ея въ таможенную область Германіи, то, основываясь на той же статьѣ, Франція будетъ въ правѣ потребовать для себя всѣ преимущества, предоставленныя въ Нѣмецкой имперіи австро-

мадьярской промышленности и торговлѣ, да, къ тому же, еще безъ малѣйшей за то отплаты. Вотъ надъ чѣмъ размышляютъ въ Берлинѣ, силясь придумать такое толкованіе Франкфуртскаго договора, которое позволило бы нѣмцамъ обойти налагаемое имъ на нихъ положительное обязательство. Для этого существуетъ у нихъ особое учрежденіе: юрисконсульты прусской короны, прославившіе себя двадцать пять лѣтъ назадъ своеобразнымъ разъясненіемъ темнаго вопроса о порядкѣ наслѣдованія въ Шлезвигѣ и Голштиніи. Пока герцогствами этими владѣлъ датскій король, они провозглашали его узурпаторомъ, не имѣвшимъ на нихъ никакихъ наслѣдственныхъ правъ, но какъ только онъ уступилъ ихъ Пруссіи, они же признали его полноправнымъ, законнымъ собственникомъ, а притязанія прочихъ претендентовъ—лишенными всякаго основанія.

Бѣда, однако, заключается въ томъ, что если слабой, раздавленной и расчлененной Даніи пришлось поневолѣ покорно склонить голову предъ приговоромъ прусскихъ коронныхъ юристовъ, то этого отнюдь нельзя ожидать отъ современной Франціи, не только успѣвшей вполнѣ оправиться отъ нанесеннаго ей въ 1870—71 годахъ погрома, но развившей свое военное могущество до небывалыхъ въ прошломъ размѣровъ и, сверхъ того, опирающейся на сочувствіе и дружбу Россіи. Нынѣшнее французское правительство, разумѣется, не потерпитъ самовольнаго нарушенія въ ущербъ Франціи единственной статьи Франкфуртскаго договора, состоявшейся въ ея пользу, а если таковое послѣдуетъ, то, не колеблясь, объявитъ себя несвязаннымъ и всѣми прочими его условіями, въ томъ числѣ и вынужденною уступкою двухъ исконныхъ французскихъ областей: Лотарингіи и Эльзаса. Право будетъ при этомъ несомнѣнно на сторонѣ Франціи, такъ какъ международный трактатъ, какъ и всякое взаимное обязательство, въ случаѣ неисполненія одною стороною хотя бы единаго изъ постановленій, теряетъ для другой стороны обязательную силу во всей своей совокупности.

Что именно такъ, а не иначе, поступитъ въ данномъ случаѣ правительство республики, доказываетъ полная достоинства твердость, проявленная имъ въ защитѣ интересовъ Франціи въ Африкѣ, на которые посягало англо-нѣмецкое соглашеніе, и то удовлетвореніе, коего оно добилось отъ лорда Салисбюри, показавшаго себя столь же податливымъ предъ энергическими настояніями французской дипломатіи, сколько продолжаетъ онъ быть непреклоннымъ къ увѣщаніямъ и мольбамъ Португаліи. Новое доказательство старой истины, что только одна сила обезпечиваетъ въ дѣлахъ внѣшней политики

торжество праву. Сознаніе же своей силы французскіе министры почерпаютъ, независимо отъ двухъ указанныхъ нами источниковъ— превосходнаго состоянія боевыхъ средствъ страны и тѣснаго сближенія ея съ Россіей — еще въ крайне утѣшительномъ явленіи ея внутренняго умиротворенія, сказавшагося надняхъ въ цѣломъ рядѣ убѣдительныхъ признаковъ, при возобновленіи законодательной дѣятельности обѣихъ палатъ.

Съ перваго же засѣданія, на очередь занятій палаты депутатовъ поставленъ бюджетъ, по установленіи котораго послѣдуетъ обсужденіе представленныхъ правительствомъ законопроектовъ, направленныхъ къ развитію производительныхъ силъ страны, къ удовлетворенію ея хозяйственныхъ нуждъ и потребностей. Такая программа исключаетъ возобновленіе ожесточенныхъ пререканій и споровъ между партіями по такъ называемымъ «политическимъ» вопросамъ, въ которые каждая изъ нихъ обыкновенно вноситъ больше страсти, чѣмъ разума. Легкость, съ которою почтенному президенту палаты г. Флоке удалось подавить попытку нѣсколькихъ буланжистовъ возобновить бурныя сцены минувшихъ лѣтъ, свидѣтельствуетъ о рѣшимости депутатовъ не уклоняться съ чисто дѣлового пути, указаннаго имъ правительствомъ и, предавъ забвенію прошлые раздоры, въ мирѣ и согласіи потрудиться на пользу отечества.

Такими чувствами не только одушевлены двѣ главныя партіи, на которыя распадается республиканское большинство нижней палаты: умѣренныхъ и передовыхъ, но они проникли и въ среду тѣхъ оппозиціонныхъ группъ, что̀ доселѣ являлись непримиримыми противниками нынѣшняго государственнаго строя Франціи. Позорное фіаско, которое потерпѣло въ прошедшемъ году сплоченіе противъ парламентской республики всѣхъ враждебныхъ ей элементовъ подъ знаменемъ генерала Буланже, отрезвило и образумило консерваторовъ-монархистовъ, вступившихъ было въ стачку со злѣйшими врагами всякаго порядка и законности: анархистами самаго крайняго оттѣнка, стремящимися ни къ чему иному, какъ къ общественной ликвидаціи. Разоблаченныя нынѣ обстоятельства, при которыхъ состоялся означенный, въ полномъ смыслѣ слова чудовищный, союзъ, преисполнили ихъ не однимъ разочарованіемъ, но и негодованіемъ и стыдомъ. Въ рядахъ «правой» обнаружилось стремленіе выдѣлиться въ особую партію, которая, признавъ безъ заднихъ мыслей законность существующаго образа правленія, стала бы на конституціонной почвѣ отстаивать коренныя начала христіанской гражданственности: вѣру, семью, собственность, въ союзѣ съ тѣми изъ республи-

канцевъ, что мыслятъ одинаково объ этихъ устояхъ современнаго общества. До какой степени это направленіе успѣло въ короткое время навербовать себѣ сторонниковъ, явствуетъ изъ того, что, при голосованіи совокупности бюджета, болѣе 100 депутатовъ-монархистовъ, составляющихъ двѣ трети общаго ихъ числа, высказалось въ пользу государственной росписи, представленной министромъ финансовъ, и въ бюджетной комиссіи, одобренной республиканскимъ большинствомъ.

Это, небывалое въ лѣтописяхъ французскаго парламентаризма, явленіе предвѣщаетъ нынѣшнему министерству устойчивость и крѣпость, отсутствіемъ которыхъ страдала бо́льшая часть кабинетовъ, ему предшествовавшихъ. Обязано оно столь благопріятными условіями для своей дѣятельности, не только благоразумію сенаторовъ и депутатовъ, но и личнымъ качествамъ и достоинствамъ главныхъ своихъ членовъ. По крайней мѣрѣ, четыре министра—люди выдающихся дарованій, какъ нельзя болѣе пригодные для занимаемыхъ ими постовъ. Мы разумѣемъ министровъ военнаго, финансовъ, внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ. Намъ тѣмъ пріятнѣе это засвидѣтельствовать, что, по отзыву лицъ, вѣдающихъ дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей, ни одно французское министерство не вносило еще въ эти сношенія столько прямоты, искренности и ревностнаго желанія утвердить на незыблемыхъ основаніяхъ дружбу и единеніе обѣихъ странъ, какъ нынѣшніе совѣтники президента республики, вполнѣ раздѣляющаго въ данномъ случаѣ ихъ взгляды, и со своей стороны, въ качествѣ главы государства, пользующагося каждымъ поводомъ, чтобы гласно исповѣдовать почтеніе и признательность къ русскому Царю, сочувствіе, преданность и уваженіе къ русскому народу.

Предсѣдатель совѣта и военный министръ г. де-Фрейсинэ сталъ впервые извѣстенъ, какъ дѣятельнѣйшій изъ сотрудниковъ Гамбетты въ дѣлѣ организаціи народной обороны, во второй періодъ войны 1870—71 годовъ. Со времени перехода власти отъ монархистовъ Учредительнаго Собранія въ руки республиканцевъ, т. е. за послѣднія тринадцать лѣтъ, онъ не разъ стоялъ во главѣ кабинетовъ радикальнаго оттѣнка, въ которыхъ, обыкновенно, занималъ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ. Въ началѣ 1888 года, онъ, въ кабинетѣ Флокэ, впервые получилъ портфель военнаго министра, который сохранилъ за собою и понынѣ. Съ тѣхъ поръ неусыпные труды его посвящены преобразованію французской арміи, достигшей, подъ его просвѣщеннымъ руководствомъ, высокой степени совер-

шенства. Въ преклонномъ возрастѣ и при слабомъ здоровьи, онъ постоянно переносится изъ одного конца Франціи въ другой, всюду, гдѣ только требуется его присутствіе, входя въ мельчайшія подробности сложнаго военнаго ремесла и служа для своихъ подчиненныхъ образцомъ неутомимости и добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу. Благодаря ему, всѣ части арміи снабжены новѣйшими и наилучшими изобрѣтеніями и приспособленіями науки и техническихъ искусствъ; но еще важнѣе тотъ духъ справедливости и безпристрастія, съ которымъ этотъ военный министръ «изъ штатскихъ» относится къ подвѣдомственнымъ ему генераламъ. При назначеніи ихъ на важныя и вліятельныя мѣста, онъ сообразуется исключительно съ ихъ способностями и достоинствами, ни мало не заботясь о политическомъ образѣ мыслей. Этимъ онъ снискалъ себѣ не только всеобщее довѣріе и уваженіе въ войскѣ, но и признаніе своихъ заслугъ, какъ искуснаго организатора арміи, даже со стороны своихъ ожесточеннѣйшихъ противниковъ.

Министръ финансовъ Рувье—способнѣйшій изъ финансистовъ республики. Финансовая политика его—по преимуществу практическая. Она одинаково далека отъ отвлеченнаго доктринёрства, какъ и отъ опасныхъ опытовъ въ области государственнаго хозяйства въ революціонномъ направленіи. Уравновѣсить французскій бюджетъ, въ общей сложности превышающій четыре милліарда франковъ,—задача не легкая, разрѣшить которую никому еще не удавалось лучше г. Рувье. Успѣхъ нажилъ ему множество завистниковъ и враговъ, преслѣдующихъ его ярыми нападками въ парламентѣ и въ печати, но не успѣвшихъ поколебать его положенія, высокаго авторитета, коимъ онъ по праву пользуется въ средѣ республиканскаго большинства. Личныя связи и вліяніе его на тузовъ парижскаго финансоваго міра обезпечиваютъ, поддержку ихъ всѣмъ кредитнымъ операціямъ и не мало способствуютъ постепенному приведенію въ порядокъ, еще недавно бывшихъ довольно разстроенными, финансовъ Франціи.

Министра внутреннихъ дѣлъ г. Констана можно назвать душою кабинета, связующимъ звеномъ между его членами, принадлежащими къ различнымъ оттѣнкамъ парламентскаго большинства. Онъ не только заявилъ себя дѣльнымъ, опытнымъ и твердымъ администраторомъ, но ему, главнымъ образомъ, обязана республика торжествомъ своимъ надъ грозною коалиціею всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ, шедшихъ въ минувшемъ году на приступъ власти подъ предводительствомъ генерала Буланже. Справедливость требуетъ при-

знать, что почву для него подготовилъ г. Флокэ, проведшій въ палатахъ двѣ законодательныя мѣры, оказавшія рѣшающее вліяніе на исходъ борьбы: замѣну выборовъ по списку (scrutin de liste) выборами по округамъ (scrutin d'arrondissement), и законъ, воспрещающій кандидатуру одного и того же лица въ нѣсколькихъ округахъ. Этимъ былъ разстроенъ планъ буланжистовъ, разсчитывавшихъ на одновременные выборы своего вождя едва ли не во всѣхъ департаментахъ Франціи, что̀ придало бы ему вѣсъ и значеніе всенароднаго избранника. Но заслуга г. Констана состоитъ въ томъ, что онъ не побоялся вступить въ открытую и безпощадную борьбу съ противниками республики и одолѣлъ ихъ, не прибѣгая къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, какъ, напримѣръ, къ провозглашенію осаднаго положенія, не стѣсняя свободы печати, нѣкоторые органы которой ежедневно осыпали его градомъ насмѣшекъ, ругательствъ и оскорбленій, взводили на него обвиненія во всевозможныхъ злодѣйствахъ и преступленіяхъ и требовали его головы. Онъ первый разгадалъ несостоятельность Буланже, неспособность его къ роли, навязанной ему соучастниками, и рядомъ ловкихъ мѣропріятій вынудилъ его оставить Францію и искать убѣжища сначала въ Брюсселѣ, а потомъ въ Лондонѣ, откуда генералъ, не смотря на увѣщанія и просьбы друзей своихъ, уже не рѣшился возвратиться, чтобы предстать предъ своими судьями. Всеобщіе выборы, произведенные въ сентябрѣ и октябрѣ, подтвердили приговоръ Сената, и зловѣщій призракъ, болѣе двухъ лѣтъ тяготѣвшій надъ Франціей, исчезъ безслѣдно и, вѣроятно, навсегда. Энергичный и проницательный министръ умѣло воспользовался подъемомъ правительственнаго обаянія, чтобы затянуть нѣсколько распущенныя его предшественниками административныя бразды. Не сходя съ почвы законности, онъ сталъ строго примѣнять законъ во всѣхъ направленіяхъ, ревниво оберегая общественный порядокъ и спокойствіе, не давая поблажки его нарушителямъ, кто бы они ни были: парижскій ли городской совѣтъ, посягающій на право градоначальника—префекта Сены; герцогъ ли Орлеанскій, самовольно возвращающійся во Францію, подъ предлогомъ отбыванія воинской повинности; французскіе ли рабочіе, собирающіеся манифестировать въ день, провозглашенный международнымъ праздникомъ соціалистовъ всѣхъ странъ. Но въ то же время, онъ, въ рѣчи, произнесенной въ Перигё, взывалъ къ содѣйствію французовъ всѣхъ партій въ дѣлѣ нравственнаго и матеріальнаго обновленія и возрожденія родины, приглашая ихъ соединить свои силы въ духѣ взаимнаго доброжелательства и искренняго братства.

Послѣдній отвѣтъ его на запросъ эпигоновъ буланжизма въ палатѣ: почему правительство не начинаетъ противъ нихъ новаго судебнаго преслѣдованія, на основаніи появившихся въ печати разоблаченій о союзѣ ихъ съ монархистами для насильственнаго ниспроверженія республики?—обличаетъ въ немъ трезвый смыслъ и тонкое чутье истинно государственнаго человѣка. «Осудило васъ за прошлое»,—сказалъ онъ, обращаясь къ буланжистамъ,—«общественное презрѣніе и правительство довольствуется этимъ приговоромъ. Если же вы вздумаете снова приняться за прежнее ремесло, то мы съумѣемъ и безъ вашихъ инсинуацій исполнить нашъ долгъ и примѣнить къ вамъ всю строгость закона».

Наконецъ, министръ иностранныхъ дѣлъ г. Рибо придалъ внѣшней политикѣ Франціи направленіе, вполнѣ соотвѣтствующее развитію ея могущества и возрастанію международнаго значенія въ Европѣ. Въ сношеніяхъ съ иностранными правительствами, онъ высоко держитъ знамя республики, не уклоняясь отъ исполненія принятыхъ ею на себя обязательствъ, но въ то же время твердо настаивая на неприкосновенности всѣхъ принадлежащихъ ей правъ. Поддерживая дружественныя отношенія со всѣми великими державами, онъ не скрываетъ отъ нихъ политической солидарности Франціи съ Россіей и, слѣдуя его наставленіямъ, французская дипломатія въ международныхъ вопросахъ идетъ и дѣйствуетъ рука объ руку съ русскою. Со времени водворенія его во дворцѣ Орсейской набережной, самое полное согласіе ни единаго разу не было нарушено между С.-Петербургомъ и Парижемъ.

Особенное вниманіе г. Рибо привлекаетъ распространеніе вліянія Франціи въ Африкѣ, гдѣ онъ отвоевалъ для нея, путемъ соглашенія съ Англіей, обширныя пространства на островѣ Мадагаскарѣ и вдоль западнаго побережья. Въ вѣдѣніи его находится и французскій протекторатъ въ Тунисѣ, странѣ, развитію и преуспѣянію которой министръ посвящаетъ всю свою заботливость. Предполагается тѣсно связать Тунисъ съ Алжиромъ желѣзными путями, дабы упрочить за французами преобладающее положеніе въ Сѣверной Африкѣ и предохранить ее отъ покушеній итальянцевъ, болѣе чѣмъ когда либо задавшихся мыслью водрузить трехцвѣтный флагъ съ Савойскимъ крестомъ на классическомъ берегу Триполитаніи.

Нужды нѣтъ, что область эта принадлежитъ Турецкому султану, за цѣлость и неотъемлемость владѣній котораго на Берлинскомъ конгрессѣ поручилась вся Европа. По доходящимъ до насъ изъ достовѣрнаго источника свѣдѣніямъ, Италія настаиваетъ предъ своими

союзниками на предоставленіи ей права занять Триполи въ возмѣщеніе жертвъ, принесенныхъ ею «четверному» союзу. Требованіе это, уже встрѣтившее сильное сопротивленіе въ Лондонѣ со стороны маркиза Салисбюри, вѣроятно будетъ обсуждаться на предстоящемъ въ Миланѣ съѣздѣ нѣмецкаго канцлера генерала Каприви съ г. Криспи, причемъ, если вѣрить итальянскимъ офиціозамъ, третьимъ участникомъ въ совѣщаніи явится путешествующій нынѣ по южному Тиролю, якобы для отдыха и поправленія здоровья, австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Кальноки.

Понятно то крайне-затруднительное положеніе, въ которое ставитъ дворы берлинскій, вѣнскій и лондонскій назойливое притязаніе Италіи на область, входящую въ составъ Оттоманской имперіи. Удовлетвореніе его неминуемо повлекло бы за собою отпаденіе отъ «четверного» союза Порты, столь покорно подчиняющейся нынѣ его внушеніямъ. Съ другой стороны, если не дать Криспи потребованной имъ подачки, то явится предлогъ для выхода Италіи изъ союза, срокъ которому истекаетъ въ 1892 году. Это еще не все, такъ какъ, переставъ быть союзницею Германіи и Австро-Венгріи, Италія неизбѣжно передастся на сторону Франціи, усиляя соперницу нѣмцевъ и сама вступая въ борьбу съ австрійцами изъ-за «неискупленныхъ» итальянскихъ областей. На возможность такого переворота въ международныхъ сочетаніяхъ довольно ясно намекнулъ г. Криспи, не въ одной только бесѣдѣ съ сотрудникомъ газеты «Фигаро», но и въ рѣчи на данномъ ему банкетѣ во Флоренціи, въ той самой рѣчи, что̀ возбудила клики сочувственнаго восторга въ Вѣнѣ и Пештѣ, но которую гораздо вѣрнѣе оцѣнила, а потому и строго осудила, нѣмецкая печать. Въ довершеніе всего, самъ г. Криспи не вѣченъ во главѣ итальянскаго правительства, и имѣющіе совершиться въ концѣ будущаго мѣсяца всеобщіе выборы въ палату представителей могутъ повести къ низверженію его самого, а съ нимъ—и всей его политической системы. Недаромъ Тарпейская скала близка отъ вершины Капитолія!

Общественное неудовольствіе во всѣхъ концахъ Италіи ростетъ не по днямъ, а по часамъ. Недовольны итальянцы и внѣшнею политикою правительства, и внутреннимъ состояніемъ страны. Непосильные налоги, вызванные непомѣрными вооруженіями, тяжелымъ бременемъ ложатся на населеніе, истощаютъ и разоряютъ его. «Четверной» союзъ не принесъ пока ни малѣйшей выгоды Италіи, но за то имѣлъ послѣдствіемъ охлажденіе ея отношеній къ Франціи и закрытіе французскихъ рынковъ для сбыта произведеній народнаго

труда, чѣмъ еще болѣе ухудшилось и безъ того незавидное положеніе итальянскихъ рабочихъ. Если, не смотря на всѣ эти невзгоды, г. Криспи все же выйдетъ побѣдителемъ изъ избирательной борьбы, то онъ будетъ обязанъ своимъ успѣхомъ исключительно разрозненности оппозиціонныхъ силъ, отсутствію между ними всякой связи и взаимодѣйствія. Въ Италіи оппозиція нынѣшнему министерству распадается на множество самыхъ противоположныхъ и прямо другъ друга исключающихъ оттѣнковъ. Что̀, въ самомъ дѣлѣ, общаго между строгими католиками, ревностными приверженцами свѣтской власти папы, и республиканцами-ирредентистами, мечтающими о довершеніи національнаго единства путемъ отторженія отъ Австро-Венгріи Трентино и Тріеста? между такъ называемою конституціонною оппозиціею, видящею спасеніе Италіи въ монархіи, наслѣдственной въ Савойской династіи, и соціалистами-анархистами, замышляющими полное разрушеніе государства и замѣну его своими утопіями? Но какъ бы то ни было, а конечнаго исхода итаянскихъ выборовъ нельзя пока ни предсказать, ни предвидѣть, и легко можетъ случиться, что онъ окажется столь же неожиданнымъ, какъ и результатъ тѣхъ выборовъ, что̀ произведены надняхъ въ Греціи и вызвали паденіе министерства г. Трикуписа, болѣе четырехъ лѣтъ полновластно распоряжавшагося, опираясь на безусловно преданное ему большинство въ палатѣ, судьбами Эллинскаго королевства.

Греція—чуть ли не единственное конституціонное государство на европейскомъ материкѣ, походящее на Англію въ томъ отношеніи, что тамъ, какъ и въ Соединенномъ королевствѣ,—всего двѣ большія политическія партіи, вожди которыхъ гг. Трикуписъ и Деліянисъ регулярно смѣняютъ другъ друга у власти, подобно тому, какъ маркизу Салисбюри наслѣдуетъ г. Гладстонъ, а этому послѣднему снова маркизъ Салисбюри. Но тѣмъ и ограничивается сходство, а разница между парламентаризмомъ въ Англіи и Греціи та, что, тогда какъ въ первой странѣ торіи и виги исповѣдуютъ противоположныя другъ другу начала консерватизма и либерализма, партіи Трикуписа и Деліяниса—обѣ чисто демократическія и преслѣдуютъ одну и ту же цѣль, хотя и различными средствами. Общая ихъ задача—соединеніе въ одномъ государствѣ всѣхъ областей Востока, населенныхъ греками. Къ разрѣшенію ея г. Трикуписъ стремился мирными, дипломатическими средствами, возлагая надежду на искусство, съ которымъ онъ привыкъ лавировать между великими державами, ожидая отъ нихъ, отъ европейскаго концерта,

XII.

Парижъ, 20 ноября (1 декабря) 1890 г.

Открытіе докторомъ Кохомъ цѣлебнаго средства противъ чахотки.— Монополизація его прусскимъ правительствомъ. — Своекорыстіе — отличительная черта нѣмецкой политики.—Бесѣды Бисмарка съ княземъ Горчаковымъ, наканунѣ послѣдней Восточной войны.—Воцареніе королевы Вильгемины въ Нидерландахъ и бывшаго герцога Нассаускаго въ Луксембургѣ.—Посягательство Германіи на Голландію и Луксембургъ.— Торіи и виги въ Англіи.— Процессъ О'Ши и вызванный имъ разрывъ Гладстона съ Парнеллемъ.—Упроченіе министерства Салисбюри.—Условія соглашенія Англіи съ Россіей.

За истекшій мѣсяцъ, въ Западной Европѣ совершилось нѣсколько происшествій, не лишенныхъ значенія въ области международной политики: открыты законодательныя сессіи прусскаго ландтага и великобританскаго парламента; возобновленъ всеобщими выборами личный составъ итальянской палаты депутатовъ; наконецъ, кончина послѣдняго мужскаго представителя Оранскаго дома, Вильгельма III, короля нидерландскаго, повлекла за собою отдѣленіе отъ Голландіи великаго герцогства Луксембургскаго и водвореніе въ первомъ изъ этихъ государствъ малютки-королевы Вильгельмины, подъ регентствомъ ея матери, во второмъ—герцога Адольфа, бывшаго владѣтеля Нассаускаго. Но всѣ эти событія блѣднѣютъ предъ явленіемъ въ области науки, одновременно и повсемѣстно привѣтствуемымъ, какъ благодѣяніе на пользу страждущаго человѣчества: мы разумѣемъ открытіе докторомъ Кохомъ способа исцѣленія бугорчатой чахотки, или, выражаясь медицинскимъ языкомъ,—туберкулозы.

Само собою разумѣется, что въ задачу нашу не можетъ входить оцѣнка научнаго достоинства упомянутаго открытія, но мы не можемъ не обратить вниманія на политическую его сторону, вы-

разившуюся въ рѣчи прусскаго министра народнаго просвѣщенія въ одномъ изъ засѣданій ландтага. Изъ словъ г. Гослера мы узнаемъ, что онъ, министръ, убѣдилъ изобрѣтателя сохранить въ тайнѣ составъ новаго цѣлебнаго средства; что относительно способа пользованія имъ между обоими состоялся уговоръ; что оно будетъ куплено прусскою казною и обратится въ ея собственность; что приготовлять его станутъ исключительно въ казенной лабораторіи и затѣмъ распредѣлять между больницами и врачами Германіи и чужихъ странъ.

До сихъ поръ правительства тщательно охраняли тайну усовершенствованныхъ орудій разрушенія: новоизобрѣтенныхъ ружей и пушекъ, торпедъ, бездымнаго пороха и т. п. Ни одному изъ нихъ не приходило еще но мысль обратить въ государственную монополію общеполезныя открытія, паръ, газъ, электричество, всего меньше держать подъ спудомъ свѣтильникъ науки въ дѣлѣ облегченія людскихъ страданій, исцѣленія недуговъ. Великія открытія Дженнера въ прошедшемъ столѣтіи, Пастёра въ нынѣшнемъ, становились немедленно общественнымъ достояніемъ, что, конечно, способствовало какъ широкому ихъ распространенію, такъ и постепенному усовершенствованію. Одна только лимфа д-ра Коха предназначена оставаться непроницаемою тайною, не только для общества, но и для ученаго міра. Какія же приводятся причины въ оправданіе столь страннаго рѣшенія?

Говорятъ, что дѣлается это съ цѣлью предотвратить поддѣлку новаго цѣлебнаго средства, воспрепятствовать злоупотребленію имъ со стороны спекулянтовъ или шарлатановъ. Намъ кажется, напротивъ, что государственная монополія только усилитъ означенную опасность, открывъ обширное поле для шарлатанства и спекуляціи. По собственному признанію прусскаго министра, приготовленіе лимфы въ большомъ количествѣ крайне трудно, и спросъ на нее въ значительной степени, несомнѣнно, превыситъ предложеніе. По общечеловѣческой логикѣ пособить горю возможно было бы лишь повсемѣстнымъ производствомъ лекарства во всѣхъ странахъ, при медицинскихъ факультетахъ, клиникахъ, въ больницахъ и тому подобныхъ ученыхъ учрежденіяхъ, подъ надзоромъ врачей-спеціалистовъ. По логикѣ прусскихъ государственныхъ людей и ученыхъ— выходитъ иначе. Средство будетъ изготовляться въ одномъ только Берлинѣ, при самой таинственной обстановкѣ, малыми дозами и затѣмъ распредѣляться на весь міръ — кѣмъ? — нѣмецкимъ правительствомъ.

Такимъ образомъ, берлинскій дворъ будетъ держать въ своихъ рукахъ жизнь и смерть тысячъ людей, страдающихъ смертельнымъ недугомъ—чахоткой, во всѣхъ концахъ вселенной. Чѣмъ станетъ руководствоваться онъ при отпускѣ своей панацеи въ иностранныя государства? Потребностью ли, испытываемою въ ней, или характеромъ политическихъ отношеній даннаго государства къ Германіи? Въ Россіи, напримѣръ, число чахоточныхъ больныхъ несравненно значительнѣе, чѣмъ въ Италіи. Побудитъ ли это обстоятельство нѣмецкое правительство отпустить намъ бо́льшее количество Коховской лимфы, чѣмъ союзникамъ своимъ, итальянцамъ? А въ случаѣ войны? Не будетъ ли вовсе прекращена выдача ея государствамъ, воюющимъ съ нѣмцами? Да и въ мирѣ, почему бы не обратить ее въ средство давленія на сосѣднія державы? Требованіе всякой уступки въ пользу Германіи, не только политической, но и просто финансовой, хозяйственной или торговой, можетъ сопровождаться угрозой: въ случаѣ отказа не давать больше лимфы или уменьшить количество ея выдачи. Другой вопросъ: захочетъ ли содѣйствовать нѣмецкое правительство исцѣленію тѣхъ изъ выдающихся иностранцевъ, что̀ слывутъ за недруговъ Германіи, считаются опасными ея политическими противниками? Если бы покойные Гамбетта или Скобелевъ были еще въ живыхъ и страдали чахоткой, то, любопытно знать, отпустили ли бы имъ изъ Берлина цѣлительной жидкости и была ли бы она надлежащаго качества?

Все это, конечно, крайности, но онѣ наглядно свидѣтельствуютъ о національной исключительности, о закоренѣломъ своекорыстіи, составляющихъ отличительныя черты нѣмецкаго народнаго нрава, всецѣло отражающіяся и на видахъ, и на дѣйствіяхъ нѣмецкаго правительства. Въ практическомъ отношеніи, всѣ принимаемыя имъ въ настоящемъ случаѣ мѣры предосторожности, безъ всякаго сомнѣнія, окажутся совершенно тщетными. Если открытіе д-ра Коха дѣйствительно имѣетъ то громадное значеніе, которое приписываютъ ему онъ самъ и его соплеменники, если оно призвано произвести переворотъ въ способѣ леченія заразительныхъ болѣзней, то, не взирая на всѣ ухищренія, оно не замедлитъ стать общимъ достояніемъ всемірной науки. Вѣдь и д-ръ Кохъ едва ли бы набрелъ на искомое имъ средство, если бы не пользовался плодами трудовъ своихъ предшественниковъ и сверстниковъ на избранномъ имъ поприщѣ, безъ различія національности. Въ свою очередь, ученые, не въ одной Германіи, но и во всѣхъ другихъ культурныхъ странахъ, воспользуются его открытіемъ и, провѣривъ пу-

темъ химическаго анализа и клиническаго опыта, по всей вѣроятности, усовершенствуютъ его. Такъ было со всѣми великими научными изобрѣтеніями, такъ будетъ и съ этимъ. Разница же между берлинскимъ профессоромъ и его иностранными соревнователями и совершенствователями останется лишь та, что ни одинъ изъ нихъ, будь онъ русскій, французъ или даже англичанинъ, не задался-бы мыслію ограничить тѣснымъ кругомъ соотечественниковъ благодѣтельное дѣйствіе новаго цѣлебнаго средства и, того менѣе, предоставить его эксплоатацію своему правительству. Такой пріемъ совершенно чуждъ преданіямъ истинной науки, которая преслѣдуетъ цѣли общечеловѣческія, доставляя при томъ полное удовлетвореніе и національному чувству тою славою, что̀ распространяется на цѣлый народъ отъ всеобщаго признанія заслугъ научнаго дѣятеля, вышедшаго изъ среды его.

Въ какой мѣрѣ нѣмцы, слывшіе такъ долго мечтателями-идеалистами, преобразились нынѣ въ отчаянныхъ эгоистовъ во всѣхъ вѣтвяхъ человѣческой дѣятельности, но всего болѣе въ политикѣ,— можно заключить изъ разсказа, слышаннаго нами отъ государственнаго канцлера, князя Горчакова, въ послѣдніе годы его жизни. То было—повѣдалъ онъ намъ—наканунѣ послѣдней войны Россіи съ Турціей, когда Императорскій кабинетъ все упованіе возлагалъ на дружескую помощь Германіи для мирнаго разрѣшенія путемъ обще-европейскаго соглашенія рокового Восточнаго вопроса. Послу нашему въ Берлинѣ предписано было стараться убѣдить князя Бисмарка, что участіе его въ развязкѣ этого Гордіева узла покроетъ его неувядаемою славою и возведетъ на степень благодѣтеля человѣческаго рода. Желѣзный канцлеръ внимательно и не безъ удовольствія выслушивалъ расточаемую ему лесть и похвалы, но какъ только дѣло касалось поддержанія нѣмецкою дипломатіей какого либо предложенія русской дипломатіи прочимъ кабинетамъ, во имя преемственнаго нашего безкорыстія и человѣколюбія, онъ невозмутимо и неизмѣнно отвѣчалъ: Хорошо, но сдѣлайте и вы что нибудь для нашей торговли (Soit, mais vous aussi faites quelque chose pour notre commerce).

Разсказъ покойнаго князя Александра Михайловича пришелъ намъ на память по поводу весьма существенной поддержки, оказанной главѣ итальянскаго министерства преемникомъ Бисмарка, генераломъ Каприви, пріѣзжавшимъ въ Миланъ на свиданіе съ г. Криспи, всего за двѣ недѣли до состоявшихся въ Италіи всеобщихъ выборовъ въ палату депутатовъ. Такой знакъ вниманія со сто-

роны новаго нѣмецкаго канцлера, несомнѣнно, поднялъ обаяніе перваго министра короля Гумберта въ глазахъ его соотечественниковъ и, не мало, содѣйствовалъ торжеству его надъ всѣми оппозиціонными партіями, потерпѣвшими на выборахъ полное пораженіе. Услуга, конечно, оказана была недаромъ, и мы не безъ любопытства спрашивали себя: чѣмъ Италія отплатитъ за нее Германіи? Сомнѣнія наши до извѣстной степени разъясняются извѣстіемъ, сообщеннымъ нѣкоторымы римскими газетами, завѣдомо получающими внушенія изъ Консульты, возвѣстившими надняхъ, что Квиринальскій кабинетъ предложилъ на обсужденіе и разрѣшеніе великихъ державъ голландско-луксембургскій вопросъ.

Извѣстіе итальянскихъ офиціозовъ представляется, на первый взглядъ, довольно страннымъ. И Голландія, и Луксембургъ — государства независимыя, и порядокъ престолонаслѣдія въ нихъ опредѣляется внутреннимъ законодательствомъ, слѣдовательно, ни мало не зависитъ отъ международныхъ совѣщаній. Въ силу мѣстныхъ законовъ, королю Вильгельму III наслѣдовала, какъ мы уже упомянули выше, въ Голландіи малолѣтняя дочь его Вильгельмина, въ Луксембургѣ—ближайшій родственникъ въ мужскомъ колѣнѣ, герцогъ Адольфъ Нассаускій, и Европѣ, казалось бы, ничего не остается, какъ признать первую—королевою нидерландскою, второго—великимъ герцогомъ Луксембургскимъ. Таковое признаніе уже и состоялось со стороны едва ли не всѣхъ европейскихъ державъ.

Изъ сказаннаго ясно, что на почвѣ международнаго права не существуетъ вовсе голландско-луксембургскаго вопроса, но это не мѣшаетъ возбуждать его общественному мнѣнію Германіи. Въ нѣмецкомъ ученомъ мірѣ, а отчасти и въ политическомъ, давно рѣшено, что независимость Голландіи и Луксембурга составляетъ-де вопіющее нарушеніе начала германскаго единства; что оба эти государства должны, рано или поздно, войти въ составъ общаго отечества; что, какъ король нидерландскій, такъ и великій герцогъ луксембургскій, призваны дополнить сонмъ союзныхъ нѣмецкихъ государей, составляющихъ имперію Гогенцоллерновъ. Что именно такого взгляда не чуждался и самъ первоначальникъ объединенія Германіи, князь Бисмаркъ, видно изъ любопытнаго признанія его, занесеннаго графомъ Бейстомъ въ свои посмертныя записки. «Напрасно подозрѣваютъ насъ»,— говорилъ онъ въ 1871 году австро-венгерскому канцлеру, — «въ тайномъ намѣреніи присоединить къ нашей имперіи австрійскія области, населенныя нѣмцами. Намъ гораздо выгоднѣе включить въ нее Голландію съ ея обширными

колоніями». Правда, что, нѣсколько дней спустя, нидерландскій посланникъ въ Берлинѣ сообщилъ тому же Бейсту, что, въ разговорѣ съ нимъ, Бисмаркъ утверждалъ прямо противоположное и увѣрялъ его, что въ Берлинѣ никто и не помышляетъ о Голландіи, считая ближайшею задачею Германіи возсоединеніе австро-нѣмецкихъ земель.

Какъ бы то ни было, но мысль о распространеніи нѣмецкаго господства до устьевъ Рейна, хотя и давно зародилась въ нѣмецкихъ умахъ, но не созрѣла еще настолько, чтобы возможно было приступить къ немедленному ея осуществленію. Не говоря уже о международныхъ осложненіяхъ, насильственное ея осуществленіе неминуемо вызвало бы сильное и упорное противодѣйствіе самихъ голландцевъ, вовсе не расположенныхъ поступиться въ пользу своихъ нѣмецкихъ соплеменниковъ народною самобытностью и государственною независимостью родины. Поэтому, лучше терпѣливо выждать наступленія болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, каковы, напримѣръ, выходъ юной королевы замужъ за нѣмецкаго принца или, въ случаѣ ея преждевременной кончины, переходъ нидерландскаго престола, по праву наслѣдства, въ Саксенъ-Веймарскій домъ. А до тѣхъ поръ, можно подготовить желаемый результатъ завязаніемъ тѣсныхъ торговыхъ и промышленныхъ связей между Германіей и Голландіей, попыткою вовлечь послѣднюю въ составъ обще-нѣмецкаго таможеннаго союза, наконецъ, предложеніемъ ей и союза военнаго, подъ видомъ огражденія ея отъ призрачной опасности французскаго захвата.

Совсѣмъ иное дѣло — Луксембургъ. По размѣрамъ своимъ это одно изъ самыхъ крошечныхъ государствъ въ мірѣ. Пространство его—немного болѣе 2,500 квадратныхъ верстъ; населеніе—200,000 жителей; бюджетъ—семь милліоновъ франковъ: вооруженная сила—состоящія подъ начальствомъ одного маіора и восьми офицеровъ двѣ роты, всего 300 человѣкъ, изъ коихъ 30 музыкантовъ. Въ Германіи не забыли, однако, что до распаденія въ 1866 году Германскаго Союза, великое герцогство было его составною частью; что союзный нѣмецкій гарнизонъ занималъ его столицу, бывшую первоклассною крѣпостью; что, наконецъ, хотя жители почти всѣ французскаго племени и говорятъ на французскомъ языкѣ, но самая область искони принадлежала къ древней Германской имперіи, и что нѣсколько ея государей носили титулъ избранныхъ императоровъ нѣмецкихъ.

Нынѣшнее независимое положеніе Луксембурга — плодъ обще-

европейскаго соглашенія, состоявшагося въ 1867 году для предотвращенія войны, которая тогда уже грозила возгорѣться между императорскою Франціей и Сѣверо-Германскимъ Союзомъ. Поводомъ къ ней едва не послужила условленная между Наполеономъ III и покойнымъ Нидерландскимъ королемъ уступка великаго герцогства Франціи. Берлинскій дворъ воспротивился осуществленію такой сдѣлки. По почину Россіи и Англіи, собрана была конференція изъ представителей великихъ державъ, которой удалось на этотъ разъ примирить враждующія стороны. Франція отказалась отъ пріобрѣтенія Луксембурга, провозглашеннаго нейтральнымъ, и нейтралитетъ его гарантированъ Европою. Рѣшено, что прусскій гарнизонъ перестанетъ занимать Луксембургскую крѣпость и что самая крѣпость будетъ срыта до основанія; что великое герцогство пребудетъ подъ властью короля голландскаго, въ такъ называемомъ личномъ единеніи съ Нидерландами, что оно не взойдетъ въ составъ Сѣверо-Германскаго Союза, за то останется въ составѣ обще-нѣмецкаго союза таможеннаго.

Если въ 1871 году князь Бисмаркъ не воспользовался раздѣломъ Франціи, чтобы вернуть утраченное право и присоединить Луксембургъ къ новосозданной Германской имперіи, то объяснить это можно двумя только причинами: во-первыхъ, нежеланіемъ его привлекать къ участію въ переговорахъ о мирѣ съ Франціей великія европейскія державы, бывшія поручительницами за нейтралитетъ Луксембурга; во-вторыхъ, увѣренностью въ томъ, что тогдашній владѣтель великаго герцогства, король нидерландскій Вильгельмъ III, не согласился бы добровольно на подобную мѣру. Положеніе самой Германіи далеко еще не представлялось въ ту пору достаточно упроченнымъ, чтобы, изъ-за сравнительно ничтожной прибыли, рѣшиться подвергнуть опасности государство, сложившееся съ такимъ трудомъ и неуспѣвшее еще сплотиться.

Нынѣ, изъ двухъ вышеприведенныхъ препятствій, первое существуетъ лишь на половину, второе исчезло совсѣмъ. Изъ пяти великихъ державъ, поручившихся вмѣстѣ съ Германіею за нейтралитетъ Луксембурга, одна—въ равноправномъ союзѣ съ нею, а двѣ прочія—ея усердныя подручницы. За нею, такимъ образомъ, обезпечено въ европейскомъ концертѣ большинство четырехъ голосовъ противъ двухъ. Но что еще важнѣе, такъ это воцареніе въ Луксембургѣ нѣмецкаго владѣтеля, бывшаго герцога Нассаускаго, хотя и обездоленнаго Пруссіей въ 1866 году, но давно уже примирившагося и со своею участью, и съ прусскимъ королевскимъ домомъ,

съ которымъ онъ вступилъ даже въ родственную связь. Теперь онъ является такимъ же точно членомъ семьи нѣмецкихъ союзныхъ государей, какъ король саксонскій или великій герцогъ гессенскій, не менѣе ихъ лично тяготѣющій къ общему германскому отечеству.

И все же намъ сдается, что берлинскій дворъ пріостановится доставленіемъ немедленнаго удовлетворенія своимъ вожделѣніямъ на Люксембургъ. Какъ ни заманчива возможность снова водворить нѣмецкій гарнизонъ въ важномъ стратегическомъ пунктѣ, обладаніе которымъ облегчило бы, въ случаѣ войны, вторженіе германскихъ войскъ во Францію, цѣль эта не можетъ быть достигнута безъ нарушенія обще-европейскаго договора, на стражѣ котораго стоитъ во всеоружіи силъ своихъ прямо заинтересованная въ дѣлѣ Французская республика. Парижскій кабинетъ зорко слѣдитъ за происходящимъ въ сосѣднемъ великомъ герцогствѣ, доказательствомъ чему служитъ учрежденіе въ его столицѣ несуществовавшаго доселѣ поста французскаго дипломатическаго представителя. Противодѣйствіе замысламъ Германіи на Люксембургъ для Франціи столько же вопросъ чести, сколько и національной самообороны. Всякое посягательство на независимость этой области не можетъ быть сочтено французами иначе, какъ за вызовъ и, слѣдовательно, за casus belli. При такихъ условіяхъ, сенсаціонное извѣстіе, услужливо пущенное въ обращеніе итальянскою офиціозною печатью, имѣетъ лишь значеніе такъ называемаго пробнаго шара, а единодушный отпоръ, встрѣченный имъ въ печати французской, можетъ побудить германское правительство только къ вящей осторожности и заставить его, если и не отказаться отъ лелѣемаго втайнѣ замысла, то, по крайней мѣрѣ, отсрочить его осуществленіе на неопредѣленное время.

Тѣмъ лучше для мира Европы, который на Западѣ рѣшительно у всѣхъ на языкѣ, если не на умѣ. Увѣренность въ соблюденіи его высказали и императоръ Вильгельмъ II при открытіи прусскаго ландтага, и г. Криспи въ рѣчахъ своихъ во Флоренціи, Палермо и Туринѣ, и лордъ Салисбюри въ Mansion House, на банкетѣ лорда-мэра. Впрочемъ, слова благороднаго маркиза звучали какъ-то иронически, въ особенности, когда онъ заговорилъ о вѣроятномъ исходѣ выборовъ въ будущую палату общинъ, словно самъ онъ чувствовалъ, что почва колеблется у него подъ ногами, и что недалеко время, когда волей-неволей, предводимымъ имъ торіямъ придется уступить честь и бремя власти соперникамъ-вигамъ, со старцемъ Гладстономъ во главѣ.

Таково было общее мнѣніе англичанъ, основанное на цѣломъ рядѣ признаковъ, свидѣтельствовавшихъ, что большинство избирателей мало-по-малу перемѣщается справа налѣво, отъ консерваторовъ-уніонистовъ къ либераламъ, сторонникамъ Home-rule для Ирландіи. Внезапно взаимное отношеніе обѣихъ партій измѣнилось совершенно. Друзья Гладстона упали духомъ, а приверженцы маркиза Салисбюри снова гордо подняли головы. Причина столь быстраго превращенія совершенно неожиданная: осужденіе за прелюбодѣяніе вождя ирландскихъ націоналистовъ Парнелля.

Явленіе крайне характерное и проливающее яркій свѣтъ на политическіе нравы старой Англіи. Въ любомъ изъ конституціонныхъ государствъ европейскаго материка интимная связь парламентскаго дѣятеля съ замужнею женщиною, выставляемая мужемъ какъ поводъ къ разводу, была бы сочтена за случай изъ частной жизни, который мало или вовсе не отразился бы на жизни общественной. Въ Англіи же фарисейство до такой степени господствуетъ во всѣхъ слояхъ общества, что всякій порокъ терпится лишь, доколѣ онъ прикрытъ внѣшнею благопристойностью, и безпощадно преслѣдуется, коль скоро спадаютъ съ него предохранительные покровы. Не восходя въ глубь вѣковъ, у многихъ изъ выдающихся англійскихъ государственныхъ людей нынѣшняго столѣтія были любовницы, часто даже не въ единственномъ, а во множественномъ числѣ, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Пальмерстонъ, всю жизнь свою слыли за отмѣнныхъ ловеласовъ, но слабости этого рода не причиняли имъ ни малѣйшаго безпокойства или непріятности, пока путемъ какого нибудь скандальнаго процесса не всплывали наружу. Въ подобныхъ случаяхъ, возмущенное общественное мнѣніе являлось неумолимымъ, и злополучному любовнику не оставалось ничего иного, какъ удалиться съ политической арены. Въ силу этихъ преданій, обычая, возведеннаго въ законъ, какъ только стало извѣстно, что разводъ г-жи О'Ши произнесенъ судомъ въ пользу ея мужа, Гладстонъ въ самомъ повелительномъ тонѣ потребовалъ отъ ославленнаго прелюбодѣемъ Парнелля, чтобы тотъ сложилъ съ себя званіе руководителя (leader) ирландскихъ депутатовъ въ парламентѣ, грозя, въ случаѣ отказа, самому отречься отъ предводительства англійскою либеральною партіею.

Къ величайшему изумленію и смущенію англичанъ, Парнелль наотрѣзъ отказался подчиниться высокомѣрному повелѣнію «великаго старца» (the great old man), объявивъ, что полномочія свои онъ получилъ отъ ирландскаго народа и предъ нимъ однимъ при-

знаетъ себя отвѣтственнымъ. Союзъ ирландцевъ съ англійскими либералами—временной и случайный, вызванный преходящими политическими обстоятельствами, и извлекаемая изъ него первыми польза не настолько значительна, чтобы побудить ихъ поступиться предъ послѣдними отстаиваемымъ ими началомъ самостоятельности Ирландіи. Какое бы рѣшеніе не принялъ Гладстонъ, Парнелль останется во главѣ ирландскихъ политическихъ дѣятелей до тѣхъ поръ, пока самъ ирландскій народъ не сочтетъ его недостойнымъ руководить своими судьбами и не потребуетъ его удаленія.

Послѣдствіемъ твердой отповѣди Парнелля неминуемо явится расколъ между ирландцами и англичанами, сочувствовавшими ихъ стремленіямъ къ политической и гражданской автономіи. Расколъ этотъ ослабитъ либеральную партію, признающую Гладстона своимъ главою, независимо оттого, сложитъ ли онъ съ себя званіе вождя или сохранитъ его за собою? Въ выигрышѣ окажутся консерваторы, для которыхъ несогласія въ станѣ противниковъ равносильны собственному утвержденію у власти. Мы потому и распространились такъ подробно о распрѣ Парнелля съ Гладстономъ, что она представляется намъ залогомъ устойчивости и прочности предсѣдательствуемаго лордомъ Салисбюри торійскаго кабинета.

Можно пожалѣть объ этомъ съ нашей русской точки зрѣнія, потому что, по всей вѣроятности, министерство изъ виговъ было бы болѣе нынѣшняго расположено искренно примириться съ Россіей и даже сблизиться и уговориться съ нею. Политическая программа Гладстона въ Восточномъ вопросѣ ближе подходитъ къ нашей, чѣмъ направленіе, преслѣдуемое въ немъ торіями. Гладстонъ, къ тому же, свободенъ отъ всякихъ обязательствъ съ тройственнымъ союзомъ средне-европейскихъ державъ, съ которымъ давно уже вступилъ въ сдѣлку Салисбюри. Но въ политикѣ слѣдуетъ считаться не съ пожеланіями, а съ дѣйствительностью, и такъ какъ Сентъ-Джемскій кабинетъ въ настоящемъ его составѣ продержится у власти до выборовъ, то есть не менѣе двухъ лѣтъ, то слѣдуетъ спросить себя, нельзя ли условиться и съ нимъ о такомъ соглашеніи, которое позволило бы какъ Россіи, такъ и Англіи, жить въ мирѣ и безопасности, если не въ дружбѣ и союзѣ?

Размышленія эти внушены намъ тѣмъ мѣстомъ изъ тронной рѣчи, произнесенной при открытіи парламента, въ которомъ выражена эта самая надежда по поводу предстоящаго посѣщенія британскихъ владѣній въ Индіи Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Королева Викторія привѣтствуетъ это событіе въ самыхъ сочувствен-

ныхъ выраженіяхъ и ожидаетъ отъ него крайне благопріятныхъ послѣдствій для взаимныхъ отношеній обоихъ государствъ. Отъ души желаемъ, чтобы ожиданія ея великобританскаго величества оправдались, и не сомнѣваемся, что осуществленіе ихъ одинаково удовлетворило бы интересамъ какъ Россіи, такъ и Англіи. Но вѣрнѣйшимъ средствомъ къ достиженію такой цѣли считаемъ мы, не застѣнчивое и намѣренное умолчаніе о поводахъ къ пререканіямъ или раздору, а напротивъ, откровенное ихъ признаніе и тщательное изысканіе средствъ къ ихъ устраненію, путемъ обоюдныхъ уступокъ.

Съ конца Наполеоновскихъ войнъ и до нашихъ дней, Англія враждуетъ съ Россіей, враждуетъ безпрерывно, то въ явной, то тайной борьбѣ. Спросите русскаго о причинахъ этой вражды, и вы услышите, что Англія создаетъ Россіи всевозможныя затрудненія на Балканскомъ полуостровѣ, препятствуетъ совершенію ея историческаго призванія, воздвигаетъ ей препоны на пути къ Босфору и Дарданелламъ. Спросите о томъ же англичанина, и онъ вамъ скажетъ, что Россія замышляетъ вытѣсненіе англичанъ изъ Индіи, покореніе этой богатой страны, главнаго источника благосостоянія Соединеннаго королевства. Скажемъ же англичанамъ словами Императора Николая, что Россіи такъ же необходимо владычество надъ Царьградскимъ проливомъ, какъ Англіи надъ проливомъ Гибралтарскимъ. Босфоръ и Дарданеллы, по выраженію Александра Благословеннаго,—ключъ отъ нашего дома, и безъ него мы не можемъ обойтись. Пусть Англія не мѣшаетъ намъ овладѣть имъ, и мы въ свою очередь перестанемъ угрожать ея господству надъ Индіей, и даже соединимъ наши съ ея усиліями для распространенія на всю Азію европейской гражданственности. Согласилась же Англія подѣлить Восточную Африку съ Германіей, Западную—съ Франціей. Почему же бы ей не подѣлить Азію съ Россіей?

Цѣна 2 руб.

HOME USE
CIRCULATION DEPARTMENT
MAIN LIBRARY

This book is due on the last date stamped below.
1-month loans may be renewed by calling 642-3405.
6-month loans may be recharged by bringing books to Circulation Desk.
Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date.
ALL BOOKS ARE SUBJECT TO RECALL 7 DAYS AFTER DATE CHECKED OUT.

JUL 17 1952

REC. CIR. JUL 15 '75

MAR 14 1996
RECEIVED

FEB 24 1996

CIRCULATION DEPT.

SENT ON ILL

AUG 22 1996

U. C. BERKELEY

LD21—A-40m-12,'74
(S2700L)

General Library
University of California
Berkeley

YC 72165

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C045582178